

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

РОНАЛЬД

НОКС

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

ФАЛЬШИВЫЕ
НАМЕРЕНИЯ

РОНАЛЬД НОКС

Рональд Нокс — один из ярчайших
представителей золотого века английского
детектива, автор широко известных
«Десяти заповедей детективного романа»,
ставших кодексом клуба мастеров
английского криминального романа —
Детективного клуба, основанного
им вместе с Агатой Кристи, Гилбертом
Честертоном, Дороти Л. Сэйерс
и Энтони Беркли.

РОНАЛЬД
НОКС

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

.....

ФАЛЬШИВЫЕ
НАМЕРЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н79

Серия «Золотой век английского детектива»

Ronald Knox
STILL DEAD
DOUBLE CROSS PURPOSES

Перевод с английского
В.Н. Соколова («Все еще мертв»),
Е.В. Шукшиной («Фальшивые намерения»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора и литературных агентств United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Нокс, Рональд.

Н79 Все еще мертв ; Фальшивые намерения : [романы] / Рональд Нокс ; [пер. с англ. В.Н. Соколова, Е.В. Шукшиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-101097-3

Сбивший ребенка, но оправданный в неумышленном убийстве Колин Ривер отправляется в морской круиз, чтобы развеяться и успокоить голос совести. Но через несколько дней его труп находят на обочине дороги в Шотландии, и Майлз Бридон — следователь страховой компании — должен установить точное время смерти. Однако за двое суток тело успело пропасть, а затем снова появиться, и теперь вопрос выплаты страховки зависит от того, разгадает ли Майлз тайну смерти Ривера.

Кажется, такой союз с самого начала обречен на неудачу. Вернон Летеби, сын пэра, яркий красавец, с экстравагантным вкусом, чье имя не сходит с первых страниц таблоидов и которому отец дает ровно столько карманных денег, сколько нужно, чтобы расплатиться за долги на скачках. И Джо Хендерсон — грубоватый и замкнутый канадец средних лет, бывший контрабандист, среди заслуг которого подозрение в ограблении поезда и незаурядная способность копать.

Эта странная парочка отправляется на поиски знаменитого сокровища принца Чарли в Северную Шотландию. По легенде, клад надежно спрятан на острове Эрран, и если верить Летеби, то зашифрованная карта, которую он помнит с детских лет, проведенных в Замке Грёз, выведет их напрямик к тайнику. Осталось всего ничего — договориться с новым владельцем острова и замка сэром Чарлзом Эдри, и можно приступать к поискам.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101097-3

© Lady Magdalen Asquith, 1934, 1937
© Перевод. В.Н. Соколов, 2018
© Перевод. Е.В. Шукшина, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

*Посвящается
доктору Роберту Хоуарду*

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

7 января (вечер). Колин покидает Дорн.

5 февраля. «Скандермания» причаливает к Мадейре.

11 февраля (суббота). От Колина приходит письмо.

12 февраля (воскресенье). Дональд Ривер при смерти.

13 февраля (понедельник, раннее утро). Макуильям сообщает, что видел труп.

15 февраля (среда, раннее утро). У дороги находят труп.

20 февраля (понедельник). Бридон приезжает в Дорн.

Глава 1

РИВЕРЫ ИЗ ДОРНА

По мере того как движется прогресс, и в нашем обществе растет уверенность, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», мы все больше тянемся друг к другу в поисках тепла. Сегодня нам нравятся маленькие и уютные дома с кухнями, а не холодные громады гулких холлов, мы словно плотнее натягиваем на себя свое жилье, поеживаясь от сквозняка. Мелкие клерки, некогда грезившие уединением, теперь селятся в хорошо развитых районах с транспортной доступностью. Загородные резиденции в самых фешенебельных местах вывешивают объявления о продаже, взывая к несуществующему покупателю, а их прежние обитатели живут в крошечных коттеджах, компенсируя свои потери обязательным гаражом и двориком из шлифованной брусчатки. Даже крупные домовладельцы, хозяева тенистых парков и классических особняков — мечты любого англичанина — бросили свои дорогостоящие поместья и перебрались в лондонские квартиры с видом на зеленый сквер и более или менее респектабельным почтовым адресом (если не считать всяких там «95в»). Впрочем, тем приятнее сознавать, что и в наше время еще находятся почтенные семейства, которым удастся поддерживать былое великолепие своих владений: подпирать ветхие ограды, пропалывать заросшие дорожки, менять обвалившуюся черепицу, что позволяет местным гидам с гордостью говорить об «исторических поместьях». Вероятно, пройдет десяток лет, и эти послед-

ние бастионы прошлого также падут, побежденные налогами на землю и наследство. Цветущие луга окончательно придут в упадок, мощные трактора перепашут бывшие уголья, а их новые владельцы, взяв за образец советские колхозы, выведут на поля наемных работников. И только два или три «родовых гнезда» сохраняют на пожертвования граждан, чтобы произвести впечатление на какого-нибудь американского туриста: в качестве, так сказать, достойного ответа на индейские резервации, где они держат своих краснокожих.

Больше всего подобных реликтов старины вы найдете в Шотландии. Может, шотландцы более чем англичане склонны к пережиткам феодальной гордости, наверняка в Эдинбурге не так рьяно гоняются за модными веяниями, как в Лондоне. Или же все дело в том, что в тех краях даже в наше время можно рассчитывать на хорошую охоту. В любом случае все сказанное относится к Риверам из Дорна — семейству, о котором пойдет наше повествование. Риверы жили на своей земле с незапамятных времен, еще до битвы при Бэннокберне, и не видели в этом повода для гордости. По местной легенде над семьей тяготело фамильное проклятие (вероятно, сильно преувеличенное местными сплетниками), по которому наследство Риверов никогда не переходило по прямой линии. Говорили также, что смерти наследника предшествовали некие предзнаменования. Действительно, большинство Риверов умерли бездетными или пережили своих наследников. И это лишь усиливало привязанность Риверов к земле: по давней традиции родовое поместье целиком и полностью переходило к главе семьи, а тот, понятно, не имел желания делиться им со своими многочисленными кузенами, тем более что часто был с ними не в лучших отношениях. Вот и Дональд Ривер, руководивший хозяйством в трудные годы войны и послевоенных неурядиц, в пух и прах разругался со своим кузеном Генри, причем случилось это настолько давно, что никто уже не помнил о причинах ссоры. Размолвку подпитывало близкое сосед-

ство: Генри Ривер поселился в том же графстве недалеко от Дорна, и их постоянные встречи в обществе еще больше обостряли взаимную неприязнь.

Надо заметить, что поместье Дорн отнюдь не являлось «теплым местечком» для его владельца. К нему примыкали фермы, и в итоге приходилось заниматься сельским хозяйством. Часть пространства покрывали густые леса, что требовало знаний и умений лесника. К этому можно добавить и проблемы с правами на охоту, и плохо проведенные границы, и дополнительную головную боль в виде залежей угля. Кроме всего прочего, каждый хозяин считал нужным применять последние достижения научного прогресса, так что Дорн настолько хорошо обеспечивал сам себя, что мог бы выдержать долгую осаду. Молоко с ферм доставлялось в соседние города; куры несли яйца для дальних рынков; мясо и сыр производили для себя сами, в поместье работал не только плотник, но и кузнец. Повсюду торчали крыши хозяйственных сооружений: водонапорной башни, мини-электростанции, оросительной установки, большого ледника, который зимой наполнялся кусками льда, а потом все лето он истекал влагой. Располагаться такой недвижимостью, на самом деле, означало находиться в ее власти: она не оставляла времени ни для общества, ни для досуга. Рано или поздно вы превращались в одного из тех высокооплачиваемых служащих, которые бесконечно вращают колесо индустрии, попадая в порочный круг потребления и производства.

Дональд Ривер, пока была жива его жена, как нельзя лучше подходил для подобной деятельности и даже находил в ней удовольствие. Но люди, знавшие его, замечали, что он работает с механическим упорством честного наемного рабочего и находит утешение лишь в удовлетворении, которое приносит хорошо выполненное дело, душа его в этом не участвовала. Чтобы всерьез играть роль землевладельца, нужно верить, что твое наследие перейдет в руки сына, и он будет ценить и пестовать его не меньше, чем ты сам. Но в Дорне ни для кого не являлось се-

кретом, что молодой хозяин не намерен идти по стопам отца. Колин Ривер считался среди соседей чуть ли ни инвалидом. Слабые легкие доставляли ему много неприятностей, и кузен Генри, помимо всяких слухов про семейное проклятие, не без оснований надеялся, что когда-нибудь будет стоять у его могилы. Правда заключалась и в том, что Колин, будучи наследником, не питал интереса к своему наследству. Вся энергия отца, казалось, перешла в его дочь Мэри. Она уже вышла замуж за состоятельного бизнесмена и не могла претендовать на поместье. Что касается ее брата, тот выглядел бледным и вялым существом, о котором с уверенностью можно было сказать одно: ему не хватает жизненных сил. Школьный учитель, однажды заметивший: «Ривер, в этом мальчугане нет никаких страстей», — фактически написал его эпитафию. Колин был спокойным, но не добрым; молчаливым, но не задумчивым; сдержанным, но не внушающим доверия. Его взгляд, обращаясь в вашу сторону, не выражал даже обычного человеческого интереса, равнодушно предоставляя вам право думать о нем что угодно. Колин почти не улыбался, а если это все-таки случалось, казалось, он улыбается собственным мыслям. При этом в его внешности не было ничего уродливого или отталкивающего; к тому же, закончив частную школу, он приобрел тот светский лоск, который легко усваивают выпускники подобных заведений. Но испытывать к нему симпатию было невозможно. Приехав в Дорн, один из самых мирных уголков Шотландии, через два-три дня вы начинали замечать, что молодой наследник постоянно раздражает собственного отца. Отцовская любовь может закрыть глаза на самый дикий и тяжелый нрав, на любые погрешности в морали, но ей не под силу расти на каменистой почве полного бездушия.

Ситуация еще больше усугублялась тем, что Колин даже не пытался делать вид, что его волнует отцовское наследство. Он неплохо умел стрелять и порой ходил на охоту, но ему было наплевать, где находятся охотничьи угодья и кто в них водится. Иногда Колин удил рыбу, но не

представлял, где проходит водная граница между их поместьем и землями соседей. Что касается самого хозяйства — земельных наделов, поголовья скота, леса и так далее, — то они интересовали его не больше, чем грамматические тонкости в «Германии» Тацита, которые он изучал в Оксфорде. Все попытки воззвать к фамильной гордости или хотя бы личной выгоде оказывались тщетными. Колин парировал их какой-нибудь дешевой сентенцией, почерпнутой в университетском кружке социалистов, или демагогическими рассуждениями о том, что уже лет через десять землевладение станет полным анахронизмом. Если вы продолжали на него наседать, он отвечал вам страдальческим взглядом кота, которого сгоняют с нагретого местечка. Вид его словно говорил: «Вы, конечно, можете сколько угодно мучить меня, но, хоть убейте, я не понимаю, зачем вам это нужно».

Дональд Ривер, человек добродушный, но сугубо практичный, в конце концов, пришел к выводу, что его сын безнадежен. Ему было очень трудно примириться с этой мыслью. Дело не только в том, что владелец Дорна боялся за судьбу наследства: он знал, что, если Колин не сможет вступить в права наследования, поместье так или иначе уцелеет, но вдова Дональда при этом лишится средств к существованию. Правила строго определяли передачу собственности, и у него не имелось ни одной лазейки, чтобы сохранить хотя бы часть в пользу своей жены. Хозяин Дорна с ужасом представлял, как она будет жить в жалкой роли приживалы при кузене Генри. Твердил, что должен обезопасить себя на случай ранней смерти Колина; и ему не пришлось обращаться за советом к своему адвокату, мистеру Гилкристу, чтобы найти верное решение. Надо застраховать жизнь Колина, и их будущее будет обеспечено. Пусть сбудется фамильное проклятие: Дональд обратит его на пользу своей семье.

Вероятно, кому-то покажется, что я слишком настойчиво подвожу читателя к появлению страховой компании «Бесподобная», но деятельность этой организации на-

столько обширна, а присутствие так всеобъемлюще, что игнорировать ее роль в современном мире нельзя. Я не пытаюсь сделать ей рекламу: с таким же успехом можно рекламировать Банк Англии. Говоря по правде, страхование в каком-то смысле похоже на азартную игру. Можно сказать, что «Бесподобная», подобно букмекеру, принимает ставки и получает прибыль. Каждое, даже самое непредсказуемое событие — переживет ли мода на шляпы это лето, запретит ли цензура новый фильм, будет ли удачным следующий курортный сезон, — можно подвергнуть статистической обработке и подогнать под страховую формулу. Нет такого рискованного предприятия — будь то прыжок с непроверенным парашютом или внедрение крота в чикагскую мафию — которое нельзя было бы застраховать за соответствующую сумму. Если «Бесподобная» чем-то и грешит, то излишним буквоедством в исполнении пунктов договора: претензии должны предъявляться в строго установленные сроки, выплаты производиться с соблюдением всех формальностей, а страховые случаи происходить в четко прописанных условиях, иначе вам не заплатят ничего. Но дух канцелярщины не отделим от большого бизнеса. Не станете же вы жаловаться в современном супермаркете, что никто не позволит вам рассчитаться за покупки «в следующий раз»?

Услышав о страховке, кузен Гарри задрал бровь: «Что-то, застраховать его в “Бесподобной”? У бедняги совсем мозги набекрень». Действительно, в «Бесподобную» обычно обращались те, кому отказывали остальные. Положение Колина, хотя и довольно скверное, было не столь отчаянным, но Ривер уже имел дело с Компанией и не хотел разрывать налаженные связи. Досконально изучив биографию Колина, его склонности, привычки и все сопутствующие обстоятельства, включая здоровье его двоюродной тетушки, Компания застраховала жизнь наследника на кругленькую сумму. К ежегодным расходам на поместье прибавилась еще пара сотен фунтов, и на Колина наконец стали смотреть как на удачное вложение средств.

Но не прошло и года после заключения сделки, как повод для нее перестал существовать. Миссис Ривер умерла, и с ее смертью ситуация изменилась к худшему. Одно из лучших материнских свойств — умение создавать буфер между отцом и детьми, и мать Колина прекрасно справлялась с этой ролью. А теперь, если не считать коротких визитов Мэри Хемертон, замужней дочери хозяина, отец и сын жили постоянно вместе, в неприятной для обоих близости. Колин порой «выезжал в город», но при его темпераменте это случалось не слишком часто. Все остальное время он сидел дома, уныло дожидаясь нежеланного наследства. Колин не имел ничего общего с соседями, которые могли простить ему любую эксцентричность, кроме равнодушия к охоте. Сын Дональда, с их точки зрения, понемногу стал превращаться в деклассированный элемент, связавшийся с сомнительными личностями. Выражаясь языком кузена Генри, Колин «одичал». Если в английской таверне у камина всегда найдется место для богатого землевладельца (всех уравнивает пинта эля), то в Шотландии люди держатся начеку даже в деревенском пабе. Хотя по натуре шотландцы скорее демократы, однако от сына помещика они ждут гораздо большего, чем англичане от эсквайра. Пропуская стаканчик-другой виски среди прислуги и работников отцовского поместья, Колин не снискал большой симпатии за свою доступность; а поскольку он постоянно делал вид, будто ему все нипочем, его бокал наполнялся чаще, чем положено. Через год он обзавелся повадками хронического алкоголика. Все шло к тому, что семейное проклятие получит вскоре легкую добычу, а «Бесподобная» лишится своих денег.

Пьянство Колина не очень волновало кузена Генри, зато новость о том, что сам хозяин Дорна увлекся религией, задела его за живое. «Ударяться в религию в таком возрасте — гиблое дело, — заявил он. — Помещик должен вкалывать с утра до ночи. Помяните мое слово, скоро все в поместье пойдет наперекосяк. Бедняга, чего доброго, решит, будто грядет конец света: и зачем тогда заботиться

о хозяйстве?» Действительно, вскоре Дональд Ривер стал проявлять нездоровый интерес к измерению египетских пирамид. И хотя это увлечение быстро прошло, он не вернулся на прежнюю «безопасную» стезю. Современное пресвитерианство, возможно, хорошо подходит для уравновешенных умов, но людям увлекающимся нужно нечто большее. Старый помещик, в общем, ничего не имел против англиканской церкви, но чтобы излить свою энергию на поприще благочестия, ему требовалось нечто более динамичное. Все произошло само собой, когда Дональд поправлял здоровье на курорте. Случайный разговор, пара знакомств — и вот он уже из самых рьяных «обращенных». Домой Дональд вернулся преисполненным энтузиазма не-офитом с новыми идеями и новым лексиконом.

Существует история про одного старого католика, который, вникнув в обрядовые тонкости монашеской общины, удовлетворенно заметил: «Это подойдет для моего малыша Тома». Вероятно, старший Ривер надеялся, что религиозные взгляды, зародившиеся в университетской среде и рассчитанные прежде всего на молодежь, найдут отклик в душе Колина и хоть немного оживят его вялую натуру. Но обратился он в веру не только для этого, и когда дома его идеи приняли с обычным равнодушием, это ничуть не умерило его пыл. Дональд Ривер окружил себя друзьями и единомышленниками, и на время университетских каникул поместье превратилось в признанный центр нового движения.

После смерти жены Дональда Ривера многие сомневались, что он будет и дальше выплачивать страховые взносы (я уделяю много внимания этому моменту, потому что это необходимо для дальнейшего повествования). Его дочь Мэри была неплохо обеспечена, и в случае смерти Колина ему уже не приходилось заботиться о близких. Но, учитывая общественное мнение, мистер Ривер решил продолжить выплаты: в будущем он видел себя в роли щедрого благотворителя, а данная роль всегда почетна в обществе, что бы мы ни говорили про чудесное умноже-

ние хлебов и рыб. Тем временем, как и предсказывал кузен Генри, прежний интерес Дональда Ривера к хозяйству пошел на спад, хотя плоды этого небрежения пока были не особенно заметны, поскольку управляющие на местах продолжали добросовестно выполнять свою работу. Дичь по-прежнему исправно доставлялась к столу, в доме все так же устраивались праздничные обеды, и соседи снисходительно смотрели на причуды мистера Ривера: в конце концов, не взбрело же ему в голову сделаться католиком, как молодому Огилви из Мэллока.

А в общем и целом это был приятный старый джентльмен, еще не ощущавший груза своих лет и казавшийся старомодным из-за пышных бакенбард, которые придавали его благообразному лицу немного глуповатый вид. Легче всего его было представить сидящим за столом и читающим своей семье главу из Библии, как полагалось в прежние времена; или с торжественной серьезностью отца семейства обходящим перед сном весь дом, чтобы запереть щеколды и замки. Очевидно, мистер Ривер не был рожден для великих дел, зато отличался добродушием и незлобивостью. И, уж конечно, он не заслуживал того, чтобы столкнуться со странной и трагической историей, поджидавшей его на пороге старости.

Глава 2

КОЛИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Первое действие этой истории я изложу словами самого мистера Ривера: он описал его в письме к дочери, которая собиралась приехать вместе с мужем на Рождество.

Дорогая Мэри!

Хочу спросить, сможете ли вы с Винсентом приехать раньше намеченного срока? Чем скорее это произойдет, тем

лучше. У нас возникли проблемы из-за Колина и его новой спортивной машины, на которой он гоняет как сумасшедший, хотя я много раз твердил — ты, конечно, помнишь, — что она совершенно не годится для наших дорог. Вчера он ездил в город со своим оксфордским приятелем, Деннисом Страттом, который гостит у нас. На обратном пути они попали в ужасную аварию. Исход трагический, и положение серьезное. Не знаю, помнишь ли ты Роберта Вишоу, сына Хьюго, — симпатичного мальчугана, часто игравшего возле нашего дома; он был любимчиком отца и, кажется, его единственным сыном. Судя по всему, он возвращался из школы, когда Колин налетел на него и насмерть сбил машиной. Хуже всего, что Колин был пьян, правда, Стратт уверяет, что “не настолько, чтобы потерять голову и причинить кому-то вред”. После того что случилось, Колин протрезвел, но, похоже, за рулем все было по-другому. Да и Стратту вряд ли можно доверять, он добрый малый, но далек от веры.

Колина могут обвинить в убийстве, и поскольку в графстве в последнее время случалось много подобных происшествий, власти настроены серьезно. Если его оправдают, вся эта скверная история, наверное, пойдет ему на пользу. Ты понимаешь, о чем я: пережитый шок его здорово встряхнул и, похоже, пробудил от летаргического сна. Колин в ужасе от того, что случилось. Иногда я даже надеюсь на покаяние. Он с большим сожалением говорит о своем прошлом и о тех возможностях, которые не смог использовать. Свалившиеся на него беды переносит со смирением, удивительным для человека, столь легкомысленно относившегося к жизни. Что касается отношения Колина ко мне, то я не могу назвать его иначе, как нежным и сыновым. Жаль, что мое собственное обращение произошло так поздно, и я не смог помочь сыну в трудные годы его юности.

Вишоу вне себя от горя, и его можно понять. Внешне он ведет себя по-прежнему почтительно, но я получил от него прошение об отставке, и, боюсь, мне не удастся отговорить его. Вишоу хочет уехать к своей племяннице в Амери-

ку. Больше всего я опасаясь дурного впечатления, которое все это произведет на обитателей поместья: не из-за себя, а из-за Колина. Вероятно ему скоро придется стать моим преемником. Вот почему я нуждаюсь в твоей помощи: здесь люди тебя очень уважают, больше, чем ты можешь представить. Если приедешь, то твое влияние благотворно скажется на всей округе. Пожалуйста, спроси у Винсента, не сумеет ли он ускорить ваш визит, а если нет, не сможешь ли ты приехать раньше, пока он задержится на Юге. У нас есть много новостей, но то, что случилось на днях, заставило меня забыть обо всем остальном. Что бы ни происходило в мире, совершается по промыслу Божьему — только эта мысль дает мне утешение.

Хьюго Вишоу был старшим садовником в Дорне: мрачный нелюдимый вдовец, безупречный работник и староста местной церкви. Типично для «везунчика» Колина: из всех возможных жертв выбрать сына одного из местных управляющих, да еще какого. Улики были против него: ни одной машины на дороге, легкий поворот и совершенно исправный автомобиль, если не считать глубокой вмятины на капоте, появившейся уже после того, как он резко крутанул руль и влетел в фонарный столб. Склонность к выпивке, всем хорошо известная, вызывала подозрение, что Колин ехал пьяным. К тому же, как следовало из письма, общество надеялось, что власти для примера приструнят кого-нибудь из распоясавшихся водителей.

Увы, этим надеждам не суждено было сбыться. Колин действительно много пил в тот вечер, но все происходило в номере отеля, и свидетелей не нашлось. Что до Денниса Стратта, то учеба в университете научила его, во-первых, ненавидеть лживых иностранцев, а во-вторых, преспокойно лжесвидетельствовать в пользу своего товарища. Он заверил суд, что Роберт Вишоу просто потерял голову и заметался по дороге, словно заяц, пока не оказался под колесами автомобиля. Сама нелепость происшествия

придала правдоподобие его словам. Возможно, присяжные учли и древность рода, существовавшего еще до Бэннокберна. Колина полностью оправдали и даже оставили ему водительские права. Тем, кто рассчитывал на строгое наказание правонарушителя, пришлось ждать следующего случая.

Наши предки, будучи, как нам теперь известно, суеверными глупцами, практиковали нелепый обычай — деоданды, словцо, которое более просвещенные современники знают только по кроссвордам. Так назывались денежные взыскания (обычно их использовали на благотворительные цели), какие суд взимал с владельцев любой бессловесной твари, оказавшейся, помимо его ведома, виновной в смерти человека. Например, ваш бык забодал крестьянина: никто не станет вас в этом обвинять, если животное находилась под присмотром и не славилась свирепостью. Тем не менее человек все-таки погиб, и убил его отнюдь не дикий зверь. Следовательно — раз уж мы живем в цивилизованном обществе, где порой возникают такие ситуации, — власть должна на это как-то реагировать. Хотите верьте, хотите нет, но в первые годы существования железных дорог компании выплачивали деоданды за отцепившийся вагон, случайно сбивший пассажира. Государство видело в этом глубокий смысл: возмещение ущерба и в то же время акт возмездия, который, пусть чисто формально, восстанавливал мировой порядок, нарушенный трагической случайностью. Сожаления невинного владельца находили вещественное выражение. Сегодня ничего подобного не предусмотрено, если не считать пошлейших «компенсаций». Хьюго Вишоу был не их тех людей, кто принимает компенсации. Он почти что поднял шляпу и продолжал молчать, пока однажды, буквально на следующий день после отъезда Колина (о чем мы расскажем позднее), вдруг не «слетел с катушек» и не устроил дебош в деревенском кабаке, наломав таких дров, что остаток года ему пришлось провести в одной из тюрем Его Величества.

Если пострадавший в этой трагедии не смог найти достойного выражения для своих чувств, то то же самое можно сказать и о ее виновнике. Колин остался чист перед законом, общество простило его преступления, в том числе, с формальной точки зрения, от имени несчастного отца. Однако совесть, более строгий судья, продолжала грызть его изнутри: он хотел заплатить свои деоданды. В детстве ему не привили вкуса ни к одной из религиозных доктрин, которые позволяют устанавливать душевный мир, отсылая к вечной справедливости. Что касается новообретенной веры отца, то она неплохо залечивала внутренние язвы, но не годилась для открытых ран. В нашей природе заложен древний языческий императив, что причиненное кому-либо зло требует искупления. Обычно мы заглушаем его с помощью разных уловок и компромиссов, хотя они только загоняют проблему вглубь. Но эта чудовищная история, какую большинство сочло просто несчастным случаем, повергла Колина в настоящий ужас, поскольку легла на уже подготовленную почву: одинокую жизнь, где так не хватало человеческого тепла, дурные привычки, опасность которых он сознавал все больше. Стереть свое прошлое, начать жизнь с чистого листа — вот чего ему хотелось в глубине души, вот что он считал своим искуплением. Не прошло и недели после окончания суда, как Колин объявил, что собирается вступить во французский Иностранный легион.

В юности наши амбиции более грандиозны, чем бескорыстны. Проведя несколько дней в самобичеваниях, Колин вдруг ощутил нечто вроде вдохновения, когда решение возникло перед ним словно ниоткуда. Возможно, тут сказалось влияние работ мистера Рена*, которые так сильно действуют на неокрепшие умы. Ему не пришлось в голову, что у него есть другие обязанности, о которых,

* Персиваль Кристофер Рен (1885—1941) — автор популярных романов об Иностранном легионе. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ослепленный своими героическими планами, он начисто про них забыл. Потому его очень удивило, когда на семейном совете эта блестящая идея была объявлена «совершенно идиотской».

Отец заявил, что сама мысль неплоха, но в первую очередь надо думать об имуществе. Он уже немолод, неизвестно, сколько ему еще осталось. Со стороны наследника не слишком мудро выбирать себе карьеру, которую легко начать, но от которой сложно отказаться. Сестра добавила, что для кого-то это, вероятно, подходящее решение, но подумал ли Колин о своем здоровье? Наверняка потребуется какая-то физическая подготовка, даже для Иностранного легиона. Почему бы сначала не сходить к доктору Парвису и не узнать, сможет ли он пройти комиссию? Двоюродный брат заметил, что всегда считал армию лучшим выбором для молодых людей, но зачем служить за границей? С таким же успехом он может вступить в британские войска. У него есть друг, полковник из Ратлендшира, он поспособствует его устройству. Отец, одобрительно кивнув, спросил, почему бы в таком случае не выбрать северный округ. Шотландские военные всегда жалуются, что у них слишком много офицеров с Юга. Колин вздохнул и начал объяснять все заново.

Когда наконец ему кое-как удалось донести до них свои мотивы, разговор снова вернулся на практические рельсы и к плохому здоровью. Колин стал понемногу поддаваться и допустил в качестве альтернативы поступление на военный флот. Он мало что понимал в морской службе, но где-то читал, что если человек хочет круто поменять свою жизнь, он устраивается на корабль матросом. Это вызвало новую волну идей и предложений. Отец заметил, что морской воздух несомненно благотворно действует на организм, и спросил, не хочет ли Колин отправиться в Южную Африку. Среди его новых знакомых есть люди, побывавшие там с миссионерами, и они в один голос уверяют, будто в Африке просто потрясающие пейзажи, каких не увидишь в доброй старой Англии. Сестра

добавила, что одна ее близкая подруга ездила в средиземноморский круиз и, по ее словам, прекрасно отдохнула. Правда, она не уверена, что их организуют зимой, но это легко выяснить. Двоюродный брат заявил, что если Колин всерьез хочет хлебнуть матросской службы и стать заправским моряком — а это, конечно, бесценный опыт, — гораздо лучше устроиться на торговое судно интендантом и столоваться вместе с офицерами. Кстати, он знает одного парня в Сити, который без труда пристроит его на нефтяной танкер, идущий в Мексику. Отец добавил, что в любом случае надо быть осторожнее с консервами.

В конце концов, дело решилось не на семейном совете, а в частной беседе с сестрой. Женская интуиция подсказала Мэри, что в отсутствии отца разговор пойдет легче, тогда можно смело указывать на все беды и трудности, преклонные годы и вероятность скорой смерти. Она поговорила с Колином как старшая сестра: откровенно, но резко. Объяснила, что в последние годы он постоянно огорчал отца, особенно после смерти матери; и если он хочет сделать что-нибудь доброе — а случай для этого самый подходящий, — ему следует подумать прежде всего о своих близких. Конечно, воевать с бедуинами или бросать уголь в топку очень романтично, но истинный героизм заключается в том, чтобы смотреть правде в глаза. Если Колин постарается скрасить последние годы старика-отца и проявить хоть немного интереса к своему семейному гнезду, а заодно исправить плохую репутацию, сложившуюся у него в глазах местных арендаторов, это будет наилучшим выходом. Если бы женщины так же хорошо замечали недостатки своих детей, как видят изъяны братьев, проблем с воспитанием у нас было бы намного меньше.

Все закончилось тем, что от грандиозных планов Ривера-младшего осталось только морское путешествие. Слабое здоровье служило удобным предлогом, а настоящая цель заключалась в том, чтобы Колина на время уехал из родного поместья и местная публика забыла про его

недавний «подвиг». И, уж само собой, никто не собирался сажать Колина на нефтяной танкер. С робким смирением человека, который позволил себя уговорить, Колин согласился отправиться первым классом на одном из круизных лайнеров. Судно «Скандермания», изначально построенное для трансатлантических маршрутов, но потерявшее свою коммерческую привлекательность после сокращения пассажирских потоков из Англии в Америку, теперь скромно курсировало в тех краях, где жители Британии обычно мечтают согреться в холодные зимы: у Баlearских островов, Танжера, Мадейры или, в крайнем случае, в Вест-Индии. Контингент таких лайнеров обычно составляют люди слабого здоровья, и компании стараются как можно дольше держать их в море. Им выгоднее, чтобы пассажиры тратили свои деньги не в портах, а на борту.

Шла уже первая декада января, и Колин собирался вернуться в Англию не раньше, чем через пару месяцев, когда корабль окажется на середине своего маршрута, на острове Мадейра, если, конечно, поездка не наскучит ему раньше. Оксфордский друг собирался поехать вместе с Колином, но в последний момент отказался из-за болезни. Искать нового спутника было уже поздно. Колина это не беспокоило: он не сомневался, что сумеет завести приятные знакомства.

— Жаль, молодой Хоукинс не составит тебе компанию, — заметил отец, когда накануне перед отъездом они вчетвером сидели за обеденным столом.

Разговор складывался трудно. Члены семейного совета с трудом сдерживали триумф, а глава семейства порывался давать отъезжающему назидательные советы в духе Полония, которые его дочь, в свою очередь, старалась всячески пресечь.

— Ну, не знаю, — пробормотал Колин. — Он сказал, что плохо чувствует себя на море. По-моему, нет смысла отправляться в круиз с компаньоном, который будет большую часть времени торчать своей каюте.

— Когда путешествуешь по морю, глупо замыкаться внутри своей компании, — вставил Винсент Хемертон, у которого по любым вопросам имелось собственное мнение. — Так ты не сможешь познакомиться с другими пассажирами, а в морских круизах самое интересное — новые люди, каких ты не встретил бы в обычной жизни. Я всегда радуюсь новым попутчикам.

— В следующий раз я отправлюсь вместе с тобой, — хмуро заметила его жена. — Не хочу, чтобы бедный Колин стал жертвой какой-нибудь корабельной вертихвостки, хотя ты, похоже, считаешь это лучшим способом проводить время на борту. Папа, тебе понравится, если Колин вернется женатым на какой-нибудь авантюристке? Такое часто случается после длительных круизов.

Хозяин дома возмущенно воскликнул:

— Не вбивай в голову парню подобные мысли! Скажи еще, что после кораблекрушения его выбросит на пустынный остров, и он подцепит себе туземную красотку вроде тех, что показывают в кино. Постарайся лучше выбирать себе попутчиков, Колин. Рекомендую тебе спасти из волн какую-нибудь приличную девушку из состоятельной семьи — я буду рад принять ее у себя в доме, когда вы вернетесь.

— По курсу «Скандермании» мало пустынных островов, — усмехнулся Хемертон. — Если Колина выбросит на берег, то его подберет южноамериканское судно, и он вернется к нам вместе с грузом мороженого мяса.

— Главное, чтобы вернулся, — заметил отец. — Хочешь еще немного портвейна, Колин?

— Дай мне волю, и я выпью всю бутылку. Нет, спасибо, мне пора отчаливать. Кстати, вино отличное, я бы не отказался от такого в корабельном баре. Чувствуешь себя так, словно готов встретить своего злейшего врага и свернуть ему шею. Что ж, надо идти, машина уже у подъезда.

— На чем ты поедешь?

— Я взял автомобиль, оставлю его в гараже на станции, а завтра кто-нибудь из наших отгонит его обратно.

— Отправь открытку, когда приедешь в Саутгемптон! У тебя есть карандаш? Нет? Возьми мой. Если потеряешь, нестрашно, на нем есть мое имя. Я тебя провожу.

— Не нужно, папа, ты простудишься. На улице холодно. Твое дело сидеть дома и хранить для меня пламя очага.

Глава 3

ДОНАЛЬД РИВЕР ОБЪЯВЛЯЕТ СВОЮ ВОЛЮ

Колин редко давал отцу хорошие советы, однако последнее замечание попало в точку. Дональд Ривер был здоровым человеком, но имел слабые легкие. После отъезда он действительно подхватил простуду и проболел до самого февраля, который оказался еще холоднее, чем январь. Мэри была так обеспокоена его болезнью, что намекнула на нее в своем послании Колину, отправленном на Мадейру — в один из тех портов, куда заходила «Скандермания» и где он мог получить ее письмо. Сестра не предлагала ему вернуться, поскольку не хотела прерывать его путешествие из-за ложной тревоги, но письмо было составлено так, чтобы потом Колин, в случае чего, не смог бы жаловаться, что его не предупредили. Желание соблюсти приличия часто является тайной подоплекой наших поступков, хотя мы и не склонны это признавать.

Почти две недели Дональд Ривер был прикован к постели. Потом он немного оправился, но вскоре свалился с еще более опасной лихорадкой. В субботу, двенадцатого февраля, доктор Парвис диагностировал пневмонию и намекнул родным, что больному было бы неплохо привести свои дела в порядок. Иногда Дональд впадал в горячечный бред, и никто не мог сказать, чем все это закончится. Его адвоката, мистера Гилкрита, известили по телефону, и тот согласился приехать из Эдинбурга и переночевать

в Дорне. Доктор Парвис лично доставил его с вокзала. По просьбе больного в тот же вечер пригласили и Генри Ривера, то ли в связи с деловыми распоряжениями, то ли из желания примириться со своим давним врагом, как того требовала серьезность момента. Кузен Генри согласился, однако от ночевки отказался, сообщил, что приедет на машине после ужина, а затем вернется домой.

В доме царил суматоха. Мистер Гилкрест непрерывно сновал между постелью своего клиента и кабинетом на первом этаже. Доктор Парвис отдавал распоряжения ночной сиделке и обустраивал комнату больного. Мэри и ее муж ходили по гостиной, брали книги и снова ставили их на полку, начинали разговор, но тут же обрывали его. Они беспомощно смотрели на камин, сознавая свою бесполезность на фоне возникшей суеты. В половине девятого во дворе послышался шум машины, и они поспешили в холл, чтобы встретить гостя. Кузен Генри, худой и невысокий, обладал военной выправкой и грубоватыми манерами. Большинство своих фраз он заканчивал вопросительным хмыканьем, что обезоруживающе действовало на собеседников. Несколько лет назад Генри женился на даме, чья респектабельность не соответствовала строгим требованиям кузена Дональда, и принял от него критические замечания, которые так и не смог ему простить. В отместку он стал вести себя как будущий наследник Дорна, что возмущало Дональда и задевало его отцовскую гордость, хотя для нее и не было особых оснований.

— Конечно, как же я мог не приехать, — буркнул Генри с видом человека, боровшегося с приступом сентиментальности. — Надеюсь, это ложная тревога. Дональд всегда себя очень берег, спорить не приходится. Да, я знаю Гилкреста. Он в кабинете? Надо к нему зайти. А вы дайте мне знать, если Дональд захочет меня видеть, ладно? Разумеется, если это его не утомит. Незачем зря его беспокоить. Так вы мне сообщите?

Мэри, с детства привыкшая высмеивать деревенские манеры кузена Генри, растрогалась, увидев, как он рас-

чувствовался. Гилкрита они застали за письменным столом, заваленным нераспечатанной корреспонденцией.

— А, миссис Хемертон, добрый вечер. Здравствуйте, майор Ривер. Я пытаюсь найти письмо из страховой компании насчет Колина. Ваш отец говорил, что взносы нужно вносить в начале года, но в последнее время он забросил дела, и я не получил никаких распоряжений. Может, вы поможете мне найти... Ага, вот оно! Конверт с их логотипом. Я немедленно выпишу чек и отдам ему на подпись, чтобы он не волновался. Удивительно, как люди все оставляют на последнюю минуту! Потом я вернусь к вам, майор, или пошлю за вами, если он захочет вас увидеть. Ну, вот! Скоро мы сможем умаслить парней из «Бесподобной».

Дональд Ривер увиделся со своим кузеном, и, надо полагать, у них состоялось нечто вроде примирения, хотя позднее об этом не было сказано ни слова. Генри побеседовал с адвокатом и отправился к себе домой, несмотря на проявленное к нему гостеприимство. Он прихватил с собой драгоценный конверт, который должен был «умаслить парней из “Бесподобной”», и пообещал завезти его на почту в Пенсивене. Дональд очень беспокоился о взносах за страховку и постоянно говорил на эту тему, поэтому дочери пришлось его успокоить, заверив, что письмо уже отправлено на почту. Осталось только подписать завещание и поставить подписи свидетелей, в роли которых выступили доктор и дворецкий. Как и ожидалось, большая часть его личного состояния — примерно равнявшаяся сумме страховой премии, полагавшейся в случае смерти Колина, — отошла к религиозной организации, принявшей его в свои ряды. Доктор Парвис, придерживавшийся своих взглядов на сей счет, нахмурил брови, поерзал на стуле, но вздохнул, пожал плечами и поставил подпись. Его главной задачей было выходить больного, а если бы он начал препираться с Дональдом по поводу завещания, ссора могла бы попросту убить пациента.

Но когда он попытался последовать примеру Генри Ривера и отправиться к себе домой, все бросились отго-

варивать его. Ему уже приготовили постель; если будет какой-то срочный вызов, ночная сиделка примет его по телефону; к тому же ехать к пациентам из Дорна ничуть не дальше, чем из его дома в Блэруинни.

— Вы правы, миссис Хемертон, — произнес доктор, — но я должен вернуться. Вашему отцу нужен лед, чтобы снимать температуру. По дороге я заеду на рыбный склад и попрошу привезти вам его.

— Но в этом нет никакой необходимости! У нас есть свой ледник, я дам вам ключ, и вы возьмете столько, сколько нужно. Домик очень легко найти: он находится слева за деревьями, на полпути к Блэруинни-драйв.

— Вы правы, об этом я не подумал, так будет быстрее. Но если Дональд узнает, что я остался, боюсь, его это будет беспокоить. Лучше сказать ему, что я уехал.

— Естественно, мы скажем, что вы уехали, — немедленно подхватила Мэри, — но это не означает, что вы должны уезжать на самом деле.

— Если бы я захватил свои личные вещи...

— Пустяки, Винсент обеспечит вас всем необходимым. Какой бритвой вы пользуетесь? У Винсента простая модель, надо только вставить новое лезвие. По правде говоря, доктор, я забочусь не столько о вас, сколько о своем отце: с вами нам будет гораздо спокойнее. А если уедете, всех это очень расстроит.

В общем, доктор Парвис сдался и принял предложение настойчивой хозяйки. Мы должны сказать пару слов об этом человеке, считавшимся не только большим чудачком, но и чем-то вроде местной достопримечательности. Люди говорили: «Да, Блэруинни маленький городок, зато у нас есть культура. К тому же нас лечит не кто-нибудь, а доктор Парвис». Нет, он не был какой-то крупной знаменитостью или участником научных конференций, о которых сообщают вечерние газеты, когда больше нечего писать, но его печатали медицинские журналы, и многие люди считали, что, не будь его взгляды настолько еретическими, он бы добился большей известности. В чем именно

заклучались эти взгляды, в Блэруинни никто не знал, однако это не мешало жителям придерживаться мнения, что они имеют большую ценность и их автора немилосердно зажимают. В любом случае злые ветры, мешавшие нашему герою получить должное признание, дули в благоприятную для Блэруинни сторону, поскольку давали ему такого замечательного врача, как доктор Парвис. А в том, что он опытный врач, никто не сомневался: это мог засвидетельствовать любой ребенок, родившийся за последние несколько лет в округе, и множество бодрых стариков, благополучно переживших свое восьмидесятилетие.

Что касается его взглядов на жизнь, то они действительно вызывали легкую оторопь. Сам Парвис называл себя безнадежным пессимистом. Доктор ратовал за эвтаназию и принудительную стерилизацию. По его мнению, не только слабоумных, но и всех пьяниц, лентяев и калек следовало немедленно умерщвлять в газовых камерах. Странный парадокс: те же люди, которые тратят свои силы и способности на то, чтобы выходить какого-нибудь хронического алкоголика, страдающего от собственных излишеств, потом заявляют, что лучше бы ему и вовсе не родиться. Они возмущаются перенаселенностью Земли, но отчаянно борются с эпидемиями, которые могли бы значительно уменьшить ее. Упрекают стариков за то, что те цепляются за жизнь, а сами делают все, чтобы продлить ее. В характере Парвиса сквозила странная бесчувственность, от нее людей порой бросало в дрожь. Он обрушивал молнии на противников вивисекции и, по слухам, хладнокровно пристрелил свою любимую собаку, когда ему сообщили, что она задрала овцу. Одни считали, что у доктора нет сердца, другие говорили, что когда-то оно было уязвлено, и с тех пор ведет себя так, словно его не существует. Парвис был вдовцом и имел незамужнюю дочь, которая вела его хозяйство.

Доктор хорошо знал поместье Дорн, часто приезжал сюда, особенно в те дни, когда здесь бывал Винсент Хеммертон, большой любитель шахмат. Но в этот вечер Хеммертон слишком устал и не мог играть. Они с Мэри рано

ушли спать, извинившись перед гостями и представив их самим себе. Впрочем, извинения были излишни: два шотландца и бутылка виски из чужого бара — что еще нужно, чтобы скоротать зимний вечер? С виду это были противоположности: тощий и сухой доктор с кустистыми бровями, вопросительно вздернутыми кверху, и краснолицый коротышка в весело блестящих маленьких очках, придававших ему фривольный вид. Когда они сели в гостиной, часы показывали одиннадцать. Вся ночь была еще впереди.

— Просто диву даешься, — задумчиво заговорил мистер Гилкрест, — какие огромные средства перемешаются в этом мире из рук в руки благодаря простому росчерку пера! Неправильно заполненная форма, чек, на котором забыли поставить подпись, — и вот уже деньги текут совсем в другую сторону. Возьмите хоть беднягу Ривера: он так носится с этой страховкой, а много ли людей в Шотландии получают страховые премии? Если бы мистер Колин не сбил того мальчика, а погиб бы сам, то можно забыть про компенсации.

— Это случилось два месяца назад, — заметил доктор. — Но, разумеется, вы правы: люди ведут себя беспечно. Впрочем, я могу лишь сожалеть, что беспечность моего пациента не продлилась немного дольше. Я знаю вас, адвокатов: вам безразлично, на что уйдут деньги, лишь бы все было по закону. Но я, будучи другом мистера Ривера, собственноручно подписал бумагу, из-за которой страховка его сына будет вычеркнута из семейного бюджета и перейдет в руки какой-то секты. Как по-вашему, не следует ли мне отозвать свою подпись?

— Черт возьми, этот совсем не тот вопрос, который доктор должен задавать адвокату! Наоборот, это вопрос, какой адвокат должен задавать доктору. Вы знаете, что нельзя больного беспокоить подобными проблемами. Ваш долг — вернуть его к жизни.

— Знаю, но зачем? Мое ремесло требует, чтобы я постоянно вмешивался в планы провидения или как там еще это называет ваша теология, прибавляя пару-тройку лиш-

них недель людям, жизнь которых для мира имеет такое же значение, как существование какой-нибудь букашки. Да, родные его любят. Но скажите, есть ли на этом свете хоть один человек, который заинтересован в том, чтобы Дональд Ривер прожил немного дольше?

— Да, — неожиданно ответил Гилкрист. — Майор Генри.

— Генри Ривер? С какой стати?

— Ему выгодно, чтобы Дональд прожил немного дольше. Или, если угодно, чтобы Колин прожил немного меньше. Речь идет о двойном налоге на наследство. Если Генри Ривер унаследует имение от Дональда, это сильно потреплет ему перышки; а если от Колина — при условии, что тот успеет стать владельцем Дорна, что вполне возможно, — буквально опустошит его карманы. Можете мне поверить, майор Генри явился сюда отнюдь не из сострадания: он хотел проверить, как идут дела у его кузена, и прошупать почву насчет того, можно ли компенсировать хотя бы часть налога на наследство с помощью страховки Колина. Когда он узнает правду, его это мало обрадует.

— Пожалуй. Сам я не сторонник таких земельных владений: по-моему, это просто пережиток паразитирующего класса. Но если вам нужен свидетель, который заявит в суде, что Дональд подписал свое завещание в твердом уме и трезвой памяти, то я вам не помощник. Все знают, что потеря жены стала для него большим ударом, а сегодня он буквально вышел из комы, чтобы поставить свою подпись, и, того гляди, впадет в нее раньше, чем на бумаге успеют высохнуть чернила. По-моему, это глупо.

— Для закона — нет. Вы прекрасно знаете, что завещание никогда не будет оспорено, если только Дональд Ривер не выздоровеет и не захочет его переписать. Мистер Генри сам решил свою судьбу. «*Scienti et volenti non fit injuria*»^{*} — вот наше правило. Он знал, на что шел, ког-

^{*} Правонарушение не происходит в отношении лица, которое знает и соглашается (*лат.*).

да ссорился с кузеном. Честно говоря, я не особо религиозен, но мне нравится, когда человек перед смертью вспоминает мир иной: «ибо будущность такого человека есть мир». Вы предпочитаете трезво смотреть на вещи и во всем опираться на здравый смысл, однако наши чувства невозможно игнорировать.

— Я намерен привести Дональда Ривера в сознание и попытаться образумить его. И если бы я мог сделать Колина Ривера бессмертным... Впрочем, не стоит об этом говорить. Отличный виски, мистер Гилкрист. Слава богу, что, обретя веру, хозяин Дорна не уничтожил свои погребки. Спасибо и на этом.

— Вам придется сильно потрудиться, чтобы сделать мистера Колина бессмертным, если верно то, что о нем говорят, — заметил адвокат, поднеся бокал к губам и, после секундного раздумья, выпив его содержимое.

— Вы правы: все может произойти в любой момент в ближайшие три-четыре года. Проблема в том, что бедняге было бы лучше вовсе не рождаться. Впрочем, не будем о нем говорить, ведь здесь его отец, который сильно болен и, вероятно, умирает. Хотите еще стаканчик, мистер Гилкрист?

— Нет, спасибо, доктор Парвис. *Jus suum cuique* — каждому свое: прекрасный принцип как в медицине, так и в юриспруденции. Посмотрим, у кого завтра будет больше болеть голова. Кстати, миссис Хемертон сообщила, что к завтраку может приехать Колин, если успеет на ночной поезд.

— Колин Ривер возвращается? Но... разве он им об этом написал?

— И да, и нет. Вчера от него пришло письмо, и миссис Хемертон прочитала его отцу. Но, похоже, оно было написано еще до того, как Колин узнал о его болезни: там об этом ничего не сказано. В любом случае, получив эту новость, он вряд ли продолжил путешествие. При желании мог бы успеть на то же судно, что доставило письмо. В общем, они надеются, что Колин придет утром.

— Что ж, буду рад, если он вернется. Спокойной ночи, мистер Гилкрест, и постарайтесь не шуметь на лестнице: мистер Ривер нуждается в отдыхе.

Глава 4

ЯСНОВИДЯЩИЙ

Англичане думают, будто вся Шотландия делится на две части горизонтальной линией, рассекающей ее посередине: южная половина абсолютно плоская и населяют ее в основном большевики-шахтеры и ткачихи, спорящие о богословии над своими веретенами; а северная половина — сплошные пропасти и горы, где обитают одни охотники, которые после каждой фразы добавляют: «Чо?» Познакомившись со страной поближе, они с удивлением узнают, что ее равнинный район — Лоуленд — может быть весьма гористым, а горный — Хайленд — наоборот, включать множество долин, что разделительная линия между ними идет не параллельно экватору, а круто спускается с северо-востока на юго-запад; и что, вообще, в Шотландии трудно найти какие-нибудь определенные места, которые можно было бы обозначить как точную границу между севером и югом. Например, имение Дорн географически относилось к равнине, но когда вы впервые приезжали туда, вам могло показаться, будто оно расположено на южном склоне горной гряды, возвышаясь над раскинувшейся внизу долиной. Однако это впечатление, несмотря на свою убедительность, было ложным.

На самом деле, главную часть Дорна составляла широкая и цветущая пойма реки — шотландцы называют их «карсами», — над которой гордо высился Пенстивенский замок. Холм, на каком он стоял, был не слишком велик, но на фоне речной впадины казался огромным. Его зубчатый силуэт удачно сочетался с неровной формой скалы, из которой вырастала его серая громада. Он выглядел более внушительным, чем Виндзор, более уединенным, чем

Дархем, и более суровым, чем замки на границе с Уэльсом. Он буквально заполнял собой пространство. В летний день, глядя вниз с террасы Дорна, можно было увидеть гигантские тени, гонявшиеся друг за другом по зеленой равнине и будто игравшие в прятки с темным замком, который то вспыхивал на солнце, то скрывался в сумрак. Еще лучше все это смотрелось вечером, когда одна половина замка была позолочена закатом, а другая пряталась в тени. Поздней осенью густой туман с реки заволакивал берега, словно упаковывая их в войлочный чехол, и колеблющимся ковром выстилал всю долину, наползая на подножия холмов и оставляя замок выситься над ними в гордом одиночестве, точно маленький островок посреди морской бухты. Но, пожалуй, эффектнее всего он выглядел в бледных лучах зимнего солнца, когда склоны гор были припорошены свежим инеем и морозный воздух еще больше заострял очертания вершин, придавая ослепительно-звонкую ясность краскам и звукам наступающего дня.

В Дорне имелись две дороги: одна плавно спускалась к городку Пенстивен, а другая петляла среди холмов и вела к почтовому пункту и железнодорожной станции в Блэруинни. Между собой Пенстивен и Блэруинни соединяло скоростное шоссе, на котором примерно в четверти мили друг от друга стояли два маленьких коттеджа. В том, что находился ближе к Пенстивену, жил старший егерь Макуильям, второй, соседствовавший с Блэруинни, принадлежал Хьюго Вишоу и пустовал со дня трагедии. Здесь, пожалуй, будет уместно сказать несколько слов о Макуильяме, которому предстоит сыграть важную роль в нашей истории. По манерам и разговору это был типичный горец, выросший в Шотландии, но имевший смешанные корни. От своей матери, смуглой уроженки Сейшельских остров, он унаследовал древнюю религию, никогда не знавшую о Реформации, и особый дар, якобы часто встречающийся в тех краях: то, что мы обычно называем ясновидением. Поговаривали, будто на том острове, где родился Макуильям, никогда не посылали за свя-

щенником, если кто-то находился при смерти: тот уже все знал заранее и являлся сам.

Макуильям вставал рано, как принято у людей, чья работа зависит от продолжительности дня. Утро едва брезжило над кромкой холмов — все происходило на следующий день после того, как Дональд Ривер объявил свою последнюю волю, — когда этот добросовестный слуга оставил жену и детей (слишком многочисленных, чтобы их мог принять один доктор Парвис) и двинулся по дороге в сторону Блэруинни. Он собирался проверить пару-тройку нор возле второго коттеджа, но до цели так и не добрался. Буквально в ста ярдах от места назначения увидел на шоссе нечто такое, что заставило его сразу перемахнуть через ограду и помчаться в сторону усадьбы Дорн. Ночная сиделка увидела Макуильяма из окна и побежала вниз, чтобы не дать ему войти в дверь и переполюшить весь дом. Именно она первой услышала страшную новость: молодой помещик, Колин Ривер, лежит бездыханным у скоростного шоссе, его лицо бледно как смерть, а сердце в груди не бьется.

Ночная сиделка сделала то, что повелевал ей долг: кинулась наверх и доложила обо всем доктору. Вся прислуга в доме испытывала священный ужас перед доктором Парвисом. Тот спросил: «Где это случилось?» — и, не сказав более ни слова, отправился сообщить новость Винсенту Хемертону и адвокату. Мэри Хемертон, первая, к кому следовало бы обратиться, спала в комнате, рядом с отцом, и они решили не тревожить ее, пока не выяснят, что произошло.

— Мы поедем на моей машине, — предложил доктор.

— А как насчет полиции? — спросил Хемертон.

— Разумеется, надо им сообщить. Думаю, мы сэкономим время, если я заберу их из Пенстивена, а вы с мистром Гилкристом осмотрите молодого человека. Возможно, Макуильям ошибся, и он еще жив. — Немного помолчав, доктор добавил: — Впрочем, если хотите, сами езжайте в Пенстивен. Но есть один момент: по дороге посмотри-

вайте по сторонам и, если заметите у шоссе какого-нибудь работника, спросите, не видел ли он в последние час или два проезжавшие мимо автомобили. Перед въездом в город ремонтируют участок, наверняка там есть дежурный. А мы, осмотрев Колина, наведем справки по ту сторону дороги.

Через несколько минут Хемертон сорвал брезентовый чехол со своего мощного «таркуина» и бросил его в салон. Оставив доктора возиться с двигателем, не запускавшимся после холодной ночи, он на полной скорости понесся в Пенстивен.

Доктор задержался всего на пару минут.

— Садитесь! — крикнул он остолбеневшему Макуильяму. — Вы можете нам пригодиться.

Они резко свернули на прямой участок, выходящий на Блэруинни-драйв, и увидели впереди закрытые ворота. Макуильяму пришлось выскочить и распахнуть створки. Через секунду автомобиль вылетел на главную дорогу, и они помчались дальше, с тревогой всматриваясь в царивший вокруг полумрак.

— С какой стороны шоссе вы его видели? — спросил адвокат.

— С правой, сэр, вон там, рядом с парком. Сразу за грудой камней, что у телеграфного столба.

Доктор Парвис остановил машину. Мистер Гилкрест выбрался первым и бросился к груде камней. Там было пусто.

— В чем дело? — воскликнул доктор, развернувшись и схватив Макуильяма за руку. — Что вы с ним сделали?

Тот перегнулся через ограду и заглянул в кювет. Потом выпрямился, перекрестился и пробормотал:

— Клянусь Богом, я его не трогал. Двадцать минут назад был здесь, а теперь его нет. Просто глазам не верю!

— Глаза иногда обманывают, — сухо заметил адвокат. — Господи, как же вы нас перепугали! На улице темно, и вы могли обмануться, приняв тень от столба за чье-

то тело. Нужно было все как следует проверить, прежде чем мчаться в дом и поднимать нас с постели посреди ночи. Пойдемте, доктор: вы же видите, это ложная тревога.

Но доктор Парвис, несмотря на свой обычный скептицизм, не спешил с ним согласиться.

— Вы ведете себя как настоящий адвокат, мистер Гилкрист. Считаете, что все свидетели лгут. Однако не забывайте, что Макуильям по профессии охотник и мастер своего дела: ему достаточно взглянуть на клочок травы, чтобы понять, что на ней лежало и лежало ли вообще. Вероятно, кто-то проходил мимо и передвинул тело.

— Или это был мешок с картофелем, — предположил Гилкрист.

— Картофель тут ни при чем, — хмуро возразил доктор. Было видно, что его нервы на пределе. — Лучше сходите на противоположную сторону шоссе и посмотрите, что там, а я проверю с этой стороны. Макуильям, оставайтесь около машины: по ночам тут бродят браконьеры, а в Блэруинни полно мерзавцев всех мастей.

Бесплодные поиски продолжались минут десять, когда со стороны Пенстивена вдруг послышался гудок и появилась машина Хемертона.

— Ну, что? — спросил он, выбравшись из салона вместе с меланхоличного вида полицейским. — Не можете найти?

Они коротко рассказали, что произошло. Винсент Хемертон нахмурился.

— Я, конечно, не знаю, — неуверенно произнес он, — но вы, наверное, слышали, что тут говорят про Макуильяма? Люди считают, будто у него дар ясновидения. Как, по-вашему, Парвис, может, он действительно видел... Знаю, звучит абсурдно... Видел то, чего здесь не было?

Инспектор, раскрывший блокнот, громко его захлопнул: сверхъестественные явления не входили в список служебных интересов полиции. Адвокат скептически поджал губы, но промолчал, боясь прослыть нетолерантным. Зато доктор Парвис сдерживаться не стал.

— Что за глупости, Хемертон! — воскликнул он. — Макуильям сказал, что видел тело. К тому же он ощупал его, чтобы проверить пульс. Спросите его сами, если хотите, он здесь, около машины.

Макуильям, хоть и ошарашенный исчезновением Колина, уверенно подтвердил, что тело действительно было и, дотронувшись до него, он почувствовал мертвецкий холод. Инспектор задал ему несколько рутинных вопросов о том, каковы были его действия и в каком положении находился предполагаемый труп. Нет, он был не похож на спящего: спящий человек кладет руку под голову, если ему приходится лежать на чем-то твердом. Может, он был просто пьян? Нет, вряд ли, пьяные лежат в удобной позе, а этот растянулся так, словно его уже мертвым выбросили на дорогу. Гилкрест поневоле признал правоту доктора: Макуильям был отличным свидетелем. Вскоре его отправили домой, дав ему строгое указание никому не говорить о происшедшем, пока это не станет достоянием гласности. (На самом деле, тайна сразу вышла наружу. Скорее всего, проболтался кто-то из слуг, слышавший их разговор. Ночную сиделку доктор Парвис на всякий случай отправил в Эдинбург. В общем, к завтраку все в Дорне уже знали о случившемся.)

Некоторое время все четверо стояли на дороге, не зная, что предпринять дальше. Гилкрест продолжал настаивать на том, что Макуильям мог ошибиться. Парвис слонялся к тому, что кто-то унес или передвинул тело. Инспектор робко заметил, что пока не имеется никаких свидетельств, которые могли бы подтвердить слова Макуильяма. Хемертон оптимистично предположил, что даже если Макуильям действительно видел здесь Колина, это еще не значит, что тот был мертв. В конце концов, он же старший егерь, а не доктор. Например, Колин просто упился до смерти и упал возле дороги. Пока Макуильям ходил за помощью, он вполне мог прийти себя и отправиться куда-нибудь в другое место — в отель «Блэруинни». Предложение инспектора объявить его в розыск бы-

ло встречено холодно: никто из родных и друзей семьи не желал огласки.

— Кстати, доктор, — добавил Хемертон, — я нашел сторожа на том участке, где ремонтируют дорогу. Мы спросили его, и он сказал, что за последние полчаса не видел ни одной машины. Но это нам мало чем поможет, поскольку за ночь тут могли проехать десятки грузовиков и легковушек, о которых он ничего не знает. Вероятно, следует поспрашивать в Блэруинни. Дальше дорога тянется прямо до города.

— Мы непременно сделаем это, — заверил инспектор. — Сейчас подъедут двое моих людей, и мы начнем расспросы и поиски автомобилей. Хотя надежды мало, тем более сейчас, когда дорога сухая.

— Что ж, мне лучше вернуться в дом. — Хемертон сел за руль и подал машину назад. — По пути загляну в коттедж и еще раз поговорю с Макуильямом, надо убедиться, что он будет помалкивать об этом деле. А вам в другую сторону, не так ли? Завтрак скоро будет готов, увидимся дома.

Он съехал на траву, сделал крутой разворот и помчался в сторону Пенстивена.

— Сэр, — произнес инспектор, — я не хотел говорить об этом при мистере Хемертоне, учитывая недавние события в Дорне. Скажите, мистер Колин сейчас живет в поместье? В газете писали, что месяц или два назад он уехал за границу, чтобы поправить здоровье.

— Вчера мы весь день провели в поместье, — ответил Гилкрест, — и не слышали ни слова о том, что он должен вернуться. Правда, в семье ждали его приезда, потому что сестра написала ему, что отец плох, и у него была возможность приплыть в Англию накануне вечером. Но если вы спросите меня, что он мог делать на дороге один, да еще в такое время, я вам вряд ли отвечу, да и остальные тоже.

Вскоре к инспектору присоединились двое подчиненных, а доктор с адвокатом отправились завтракать в Дорн.

Прибыв на место, они застали у дверей Хемертона и его жену: оба садились в машину и собирались уезжать. Миссис Хемертон рассыпалась в извинениях.

— Просите, ради бога, я вам так благодарна за все, что вы сделали, — затараторила она, — и мне очень жаль, что вам пришлось с этим столкнуться. Входите, прошу вас, и как следует поешьте: завтрак уже на столе. Мы с Винсентом хотим съездить в Блэруинни: у нас душа будет не на месте, пока мы не наведем справки на вокзале и в отеле и не попытаемся выяснить, не слышал ли кто-нибудь о Колине. Это не займет много времени, мы вернемся раньше, чем доктор Парвис успеет осмотреть отца. Надеюсь, вы дождетесь одиннадцатичасового поезда, мистер Гилкрист, но если хотите уехать раньше, просто скажите Сэндерсу: он подаст автомобиль. Боюсь, вы сочтете нас жуткими невежами, но, честное слово, я не смогу успокоиться, пока не докопаюсь до истины! Разумеется, я считаю все это полным бредом: после той злосчастной аварии Макуильяму могло почудиться что угодно. Они так впечатлительны, эти горцы! Садись за руль, Винсент, я слишком взволнована, чтобы вести машину.

Хемертоны все еще продолжали извиняться, пока их автомобиль не исчез за поворотом.

В конце концов, вчерашние посиделки повторились в том же составе, хотя и в менее приятной атмосфере. За завтраком оба гостя едва обменялись парой слов, и только когда они раскурили трубки, мистер Гилкрист стал более разговорчив.

— Я удивлен, — промолвил он, — что вы до сих пор ничего не сказали об этом деле. Между тем вас считают человеком, у которого на все есть свое мнение. Что вы думаете об этом происшествии?

Доктор Парвис улыбнулся:

— У меня только интуиция. И она мне подсказывает, что случилась трагедия и эта трагедия, как ни странно, в греческом духе. Но я не стану объяснять вам, о чем идет речь, догадайтесь сами.

Глава 5

ТЕЛО СНОВА НА МЕСТЕ

Следующая сцена вновь происходила за завтраком, но на сей раз время, место и действующие лица изменились. Прошло три дня, завтрак подали в частном доме в Баррингтоне. Новые действующие лица: Майлз Бридон, частный сыщик, работающий для «Бесподобной» страховой компании, его жена Анджела и их сын Фрэнсис, которому в данном случае была отведена роль «немного персонажа».

— Прочитай это и скажи свое мнение, — попросил Майлз, — а я пока поменяю подгузник Фрэнсису.

Под «этим» Бридон подразумевал невзрачного вида журнальчик вроде тех, что издают всевозможные прогрессивные фонды и филантропические общества. С первого взгляда было ясно, что он отпечатан за свой счет в какой-нибудь захудалой типографии в Дройтвиче. На обложке красовался крупный заголовок «Спасение», а внутри помещалось несколько работ по проблемам парапсихологии. Над заголовком красным карандашом было написано: «Прочитайте помеченную статью на странице 6 и оставьте у себя».

— Как же здорово быть знаменитым! — весело заметила Анджела. — Представляю, как издатель морщит лоб, думая, что не так с его прекрасным обществом, и вдруг понимает, что спасти его от краха может только великий Бридон. И сразу посылает тебе этот номер. Заметка напечатана из рук вон плохо, но я попытаюсь разобраться. Вот только доем бутерброд.

Мы приведем полный текст помеченной статьи, поскольку она невелика.

Перед самым выпуском номера мы получили сообщение от анонимного, но весьма надежного источника о примечательном случае, который произошел в городке Блэруинни (Шотландия). Вероятно, многие наши читатели уже озна-

комились с отчетахми прессы о внезапной смерти сына одного из местных землевладельцев, мистера Колина Ривера, предположительно наступившей в результате нападения. Эта новость привлекла особое внимание публики благодаря тому обстоятельству, что молодого человека нашли на дороге мертвым буквально в нескольких сотнях ярдах от дома его отца. Теперь стало очевидным, что напечатанная в газетах информация была подвергнута цензуре, и рассказанная в ней история лишена важного и существенного момента, связанного с парапсихологией.

Молодого человека нашли ранним утром пятнадцатого февраля, то есть в прошлую среду. Его тело, прислоненное к груде камней, лежало у обочины шоссе между Блэруинни и Пенстивеном неподалеку от охотничьего коттеджа в Дорн-парке, где находится поместье его отца. Мистер Ривер-младший был в обычном дорожном костюме, но без трости и пальто. Судя по всему, он срочно вернулся из морского круиза, прервав свое путешествие на острове Мадейра. Никто, за исключением его сестры и зятя (важность этого факта обнаружится впоследствии), не имел причин предполагать, что он мог вернуться в Англию. Как молодой человек оказался в том месте, где его нашли, и при каких обстоятельствах скончался, остается догадываться.

Однако для людей, склонных рассматривать все события нашей жизни в ее духовном преломлении, могут показаться весьма интересными следующие факты. В понедельник, тринадцатого числа, в половине седьмого утра, то есть в то же время, когда тело покойного было обнаружено два дня спустя, Гектор Макуильям, старший егерь в Дорне, проходил мимо того же самого места, где впоследствии нашли труп. В том, что он является носителем экстрасенсорных способностей, нет никаких сомнений: его мать была родом с Сейшельских островов, где подобное считается в порядке вещей. Впрочем, Макуильям никогда не практиковал в качестве медиума и не проявлял интереса к психофизическим экспериментам. Однако он утверждает и готов подтвер-

дить это под присягой, что в понедельник в половине седьмого утра видел своего молодого хозяина лежащим возле той же самой груды камней, за которой его нашли через два дня. Его ощущения были чрезвычайно достоверны. Он говорит даже о том, что «прикасался» к телу, хотя не может толком объяснить, что это значит: у него нет никакого представления об эктоплазме. Неудивительно, что в своем простодушии Макуильям вообразил, будто это феноменальное явление произошло на субстральном уровне, и поспешил в Дорн, намереваясь сообщить о своей находке. Когда он вернулся на место вместе с другими людьми, чья аура была враждебна парапсихическим флюидам, благоприятные условия, естественно, разрушились, и феномен перестал существовать.

Не так давно на страницах этого издания велась дискуссия о времени, и несколько наших читателей сообщили о своих ретроактивных переживаниях, касавшихся тех событий, которые еще только «должны были» произойти. Но материализация в Блэруинни, пожалуй, самый яркий из известных нам примеров предвидения будущего, поскольку он сопровождался точным совпадением времени и места и был передан другому лицу во всей полноте сенсорных ощущений. Крайне досадно, что подобные случаи...

Дальше в статье была уже откровенная пропаганда, которой я не хочу утомлять своих читателей.

— Ты не находишь здесь ничего странного? — спросил Бридон, когда жена положила журнал на стол.

— Господи, мне тут все кажется очень странным!

— Да, но издатель «Спасения», видимо, так не считает. Когда веришь в такие вещи, они кажутся тебе вполне естественными. А если не веришь, то слово «странный» звучит для них слишком мягко. Нет, я имел в виду не эти дурацкие истории про призраков или как они еще там называются. Ты не заметила ничего необычного в изложении данных событий, независимо от того, сверхъестественные они или нет?

— Давай, выкладывай. Я не в настроении решать шарады за завтраком.

— Ладно, не стану тебя томить. Ты не думаешь, что совпадение времени и места, о котором говорится в статье, слишком уж идеально, чтобы быть правдой? Представь, какой-то человек проходит по той же самой дороге — заметь, рано утром — в тот же самый час и в ту же самую минуту, а не получасом раньше или позднее. Бывает, конечно, всякое, но тут невольно задумаешься: совпадение ли это? Спиритуализм спиритуализмом, но Макуильям действительно находился на этом месте в шесть тридцать утра в понедельник, а некий Икс — в те же шесть тридцать утра в среду, хотя это не самое подходящее время для прогулок. Если бы мне поручили заниматься данным делом, — слава богу, что нет! — я бы очень заинтересовался человеком, убедившим Икса так точно следовать графику мистера Макуильяма. Но поскольку меня это не касается, я задам другой вопрос: что за ненормальный отправил мне эту статью?

— Если он ненормальный, то мы не узнаем правды. Сумасшедшие действуют вне логики, поэтому их трудно поймать. Уж кому это знать, как не тебе.

— Да, ты права, вряд ли мы что-либо выясним. Дай мне номер «Дейли экспресс», хочу просмотреть колонку бутлегера перед тем, как начать этот утомительно праздничный день.

Но Майлз ошибся, они снова слышали про статью в «Спасении», и притом очень скоро. Буквально через несколько минут Бридону позвонил его друг и коллега по «Бесподобной» Шолто и спросил, нельзя ли заскочить к нему на ланч. Была суббота, и Шолто часто заглядывал к ним по пути на гольф, так что вопрос решился быстро. Но перед тем как повесить трубку, он добавил:

— Кстати, я хотел поговорить с тобой насчет той штуки, которую отправил тебе вчера вечером. Надеюсь, ты получил ее?

— Боюсь, что нет. В утренней почте ничего не было.

— А как насчет призрака из Блэруинни?

— Черт, так это ты мне ее отправил? Вот уж не думал, что ты читаешь такие статьи. Ты не вертел, случайно, кофейный столик?

— Хватит дурачиться. Речь идет о деле. Объясню, когда приеду. Не выбрасывай статью!

Во время ланча разговор вертелся вокруг событий, уже хорошо известных читателю. Майлз Бридон получил полный отчет о происшедшем, после чего ему прямо заявили, что Компания хочет отправить его в качестве своего представителя для расследования обстоятельств смерти молодого помещика.

— Компания завязана в этом деле по уши, — объяснил Шолто. — Старик застраховал жизнь сына еще при жизни своей жены и регулярно платил взносы. Но в начале года соглашение продлено не было: хозяин заболел. Разумеется, в таких случаях мы даем месяц на размышления, хотя в буклете говорится всего про две недели. По истечении этого срока клиент считается незастрахованным, пока не возобновит контракт. Так вот, если мистер Колин Ривер действительно умер в среду, тогда все в порядке — если это звучит уместно, — потому что новый платеж поступил в наш офис в понедельник утром. Но если он умер в понедельник, тогда его жизнь на момент смерти была не застрахована, и Риверы не получают от нас ничего. Сам знаешь, какие у нас на сей счет инструкции, особенно если имеется хоть малейшее подозрение в жульничестве.

— Подозрение! Все ясно как божий день. Нужно только установить, кто является получателем и...

— Да, но все не так просто. Получателем денег является старый помещик, но он лежит в кровати с температурой, которая выскакивает за градусник. Даже если мы можем доказать мотив, необходимо раздобыть факты. У Компании хорошая репутация, но если мы начнем отказывать в страховых выплатах лишь на основании сомнительных показаний какого-то егеря, ее можно здорово подмочить.

— Проклятие, значит, надо выезжать на место. Но кое-что можно прояснить прямо сейчас. Я хотел что-то уточнить сегодня утром. Анджела, ты не помнишь, что это было?

— Ты спрашивал, какой ненормальный отправил тебе статью.

— Ах, да! Теперь мы это знаем. Без обид, Шолто, ты знаешь, что я имел в виду. Кстати, данный вопрос влечет за собой следующий: а как вообще журнал попал в Компанию? Вряд ли наше руководство почитывало его пути из Брайтона. Может, это не так уж важно, но если кто-то специально отправил журнал в Компанию...

— Нет, тут как раз все ясно. Ты не поверишь, но я тоже об этом подумал. Журнал появился вместе с другими бумагами из нашего бюро вырезок. Они решили прислать весь номер, потому что трудно представить, чтобы он мог понадобиться кому-либо еще.

— Но в статье нет никаких упоминаний о «Бесподобной», — заметила Анджела.

— О «Бесподобной» нет, зато есть о Колине Ривере. А мы заказываем вырезки обо всех наших клиентах со страховкой от десяти тысяч и выше. Порой это бывает полезно. Помнишь дело Рацци, Бридон?

— Еще бы! Что ж, штука полезная, поскольку иначе мы никогда бы не узнали о странной привычке Колина Ривера умирать дважды в одном и том же месте. Уверен, всем, кому нужно, заткнули рот деньгами, а Макуильяма каждый день спаивают, чтобы не сболтнуть лишнего. В общем, ситуация любопытная. Кстати, я вспомнил, о чем еще хотел спросить. Кто нашел труп во второй раз, в среду утром?

— Это тоже странная история. Ранним утром в среду в поместье сработала пожарная тревога: загорелся стог сена на участке, расположенном ближе к Блэруинни. Все бросились в ту сторону тушить пожар. И тут наш старый друг Макуильям...

— ...в очередной раз наткнулся на молодого помещика, лежавшего возле камней. Любопытно, что он сделал? Поклялся больше не пить?

— Не смешно. Он пошел в дом и все рассказал.

— А они ответили, что это уже слышали?

— Нет. На сей раз Хемертон, зять Колина, находился на ферме и тушил пожар. Его встретили дворецкий и слуга, потом миссис Хемертон вызвала из Пенстивена доктора. Их собственный врач был на выезде у больного.

— Сколько времени труп пролежал на месте?

— Я тебе уже говорил: тело сразу забрали в дом, вскрыли и похоронили. Если желаешь осмотреть его на предмет незамеченных пулевых отверстий, то тебе понадобится ордер на эксгумацию. Полиция, кажется, этим вообще не занимается. Там есть прокурор, который расследует все дела в округе, и его вполне удовлетворил отчет доктора, где заявлено, что Колин Ривер умер от переохлаждения.

— А сколько времени он был мертв перед тем, как его нашли?

— Четыре или пять часов. У тебя возникнут проблемы, если ты захочешь доказать, что он умер в понедельник.

— Ты же вроде говорил, что полиция занималась этим делом?

— Да, но в понедельник, а не в среду. Тогда Хемертон отправился в город и вызвал полицейских. Не знаю, зачем.

— Действительно, зачем? Ведь у них не было оснований считать, будто тут что-то нечисто, зато имелись причины, чтобы замять дело. Кажется, молодой человек любил закладывать за воротник? Значит, первым делом они должны были решить, что он напился и упал в канаву. Наверняка такие случаи уже бывали раньше. Ну, так с какой стати им тогда понадобилось мчаться в город и вызывать полицию? Тут что-то не сходится, Шолто, боюсь, мы многого не знаем. Однако полиция должна что-нибудь выяснить. У меня есть знакомый в Скотленд-Ярде — Лиланд. Как ты думаешь, он поможет мне с ними связаться? Например, потянуть за какие-нибудь ниточки в местной по-

лиции, как там у них это называется — Ингленд-Ярд? По крайней мере, можно попробовать.

— На твоём месте я бы так и поступил. Позвони ему сегодня. Сможешь отправиться туда в понедельник? Кстати, они хотят, чтобы ты пожил у них в поместье. Я бы даже сказал, они на этом настаивают.

— Господи! Впрочем, я, пожалуй, так и сделаю, не следует упускать шанс. Проблема в том, что если я поеду на машине, это займет много времени, а если поездом, то останусь без автомобиля.

— Ты прав, милый, — заметила Анджела. — Тебе надо ехать поездом в понедельник, а я приеду на машине во вторник вечером. Остановлюсь в каком-нибудь отеле. Где наш справочник? Так, у них отель-водолечебница «Блэр-уинни», умеренные цены, превосходные виды на живописные окрестности и все такое. Когда тебя выгонят из Дорна за подглядывание в замочные скважины, присоединишься ко мне. А я пока соберу для тебя местные слухи. Водолечебница! Представляешь, сколько там можно услышать сплетен!

— Ладно, — кивнул муж, — не такая уж плохая идея. Шолто, передай руководству, что я приеду в понедельник. Кстати, успею написать письмо миссис Хемертон. А пока уточним, все ли я правильно понял. Итак, седьмого января Колин уезжает за границу. В воскресенье, двенадцатого февраля, старый Ривер составляет завещание и в тот же вечер выписывает чек на страховой взнос, который приходит в наш офис в понедельник утром. В это уже утро, тринадцатого февраля, в половине седьмого утра Мак-уильям находит Колина у дороги, а затем то же самое повторяется в среду, пятнадцатого февраля. В понедельник врач не осматривал тело, поскольку оно исчезло. В среду доктор произвел осмотр и сообщил, что смерть наступила четыре-пять часов назад, то есть вскоре после полудня. Все верно?

— Да. Кстати, говорят, старый помещик пошел на поправку, так что ты сможешь с ним увидеться.

- Он знает о том, что случилось?
- Не больше, чем мы. А это, как ты правильно заметил, не так уж много. Огромное спасибо за обед. Привези мне оттуда вереск, если у них сейчас сезон.

Глава 6

ТИС И КИПАРИС

Дорн-хаус был из тех особняков, которые не торопятся открывать свои тайны. Его строили в разное время и без какого-либо плана, зато он имел свой характер, и причудливое очарование могли оценить только завсегдатаи. Но если вы приезжали сюда поздно вечером, когда все чувства обострены, древние стены и запутанные помещения могли впечатлить даже детектива. Открывая дверь в спальню, вы обнаруживали, что это шкаф; в ванной вас окружало множество загадочных дверей, куда вам не хватало духу заглянуть; лестницы вели то вверх, то вниз; коридоры пересекались под самыми невероятным углами, а переходы заводили в тупик. И хорошо еще, если вы были обычным постояльцем. Ваше замешательство усиливалось во много раз, если вы оказывались там в роли соглядатая, собиравшегося шпионить за хозяевами, притом, что те вполне могли догадываться о вашей миссии. Первый вечер, как признался себе Бридон, получился довольно натянутым. Миссис Хемертон почти не отходила от своего отца, который уже выздоровел настолько, чтобы обходиться без ночной сиделки, а ее муж, услышав, что гость не играет в шахматы, был разочарован тем, что уважаемая фирма прислала столь тупоголового эмиссара. Бридон попытался компенсировать его недовольство игрой в бильярд, но вскоре, сославшись на усталость после поездки, удалился в свою комнату — сначала в шкаф, а потом в спальню.

Оставшись один, он долго сидел перед угасающим камином, стараясь понять, что все это значит. Самым уди-

вительным ему казалось то, что он вообще попал в Дорн. И дело не только в желании Компании, безжалостно направившей его в дом скорби. Накануне Бридон получил теплое письмо от самой Мэри, которая, заранее извинившись за печальный прием, ожидавший его в поместье, настаивала, чтобы он поселился у них, поскольку это самое удобное место для его работы. Риверы явно хотели, чтобы Бридон жил в их особняке, хотя не прошло еще и двух дней с тех пор, как молодого наследника положили в гроб. Вообще, все выглядело так, словно его смерть, внешне обставленная необходимыми условностями, принятыми в обществе, не оказала никакого влияния на повседневную жизнь в Дорне. Бридон не заметил ни свободного места, оставленного за столом или у камина, ни драматичных пауз, возникавших в разговоре. Никто из близких не произносил с горькой улыбкой: «Ему бы это понравилось», и не замечал тихо: «Как жаль, что вы не знали Колина». Наоборот, чувствовалось какое-то облегчение, словно атмосфера расчистилась, и положение изменилось к лучшему. Словно судьба развязала наконец какой-то мучительный семейный узел. Позднее из разговоров с доктором Парвисом и другими Бридон понял, что эта видимая бесчувственность объяснялась в какой-то степени личными особенностями покойного, но в тот вечер он был обескуражен.

Ни в Винсенте Хемертоне, ни в его жене Бридон не нашел ничего необычного или тем более зловещего. Типичный представитель правящего класса, выпускник элитной школы и завсегдатай лондонских клубов, Винсент достойно нес бремя своего богатства, не страдая ни избытком высокомерия, ни отсутствием скромности. Единственным недостатком Хемертона, о котором мы уже упоминали раньше, была его склонность навязывать всем свое мнение по любым вопросам. То он настойчиво рассуждал о правильной тактике игры в бильярд, то наставительно описывал запутанный маршрут, благодаря которому Бридон якобы мог сэкономить лишних двадцать минут, то из-

лишне напористо излагал преимущества производства домашней соды. Его супруга, обаятельная и радушная, была приятной женщиной, и с ней вы чувствовали себя вполне свободно. Мэри могла легко говорить и об искусстве, и о классической литературе, не производя впечатления «синего чулка». Безусловно, они оба были прекрасными людьми, однако в их отношении к семье чувствовалось нечто настораживающее. Порой складывалось впечатление, будто эта пара до сих пор не могла простить Колину, что тот родился не девочкой, а мальчиком, единственным сыном и наследником поместья.

На следующее утро Бридон встал пораньше, чтобы насладиться лучезарным небом и легким морозцем, посереб্রившем окрестные луга. При свете дня особняк уже не выглядел тем мрачным лабиринтом, каким казался ночью. Наоборот, он привлекал своей странной и очаровательной бесформенностью, в которой чувствовалась рука многих поколений, некогда владевших Дорном и наложивших на него свой отпечаток. Надо заметить, что все большие здания в Шотландии делятся на два типа: замки, похожие на жилые дома, и жилые дома, похожие на замки. Первые поражают своим величием, порождают множество исторических аллюзий и даже могут похвастаться привидениями, но жить в них неуютно, и вам сильно повезет, если вы сможете хотя бы принять ванну. Вторые, напротив, обеспечат вас всеми удобствами, зато невольно внушат чувство, что архитектор пожертвовал своим замыслом в пользу комфорта, соорудив какой-то «новодел» в духе условного средневековья. Тем удивительнее, что в старом Дорне, возводившемся на протяжении трех или четырех столетий, вас не преследовали призраки прошлого и никто не пытался представить его чем-то иным, чем он был на самом деле, мирным и уютным гнездышком местного помещика. Прямоугольные окна честно выполняли свою простую функцию, фасад пребывал в гармонии с крепкой штукатуркой, острые крыши круто тянулись вверх, как положено домам на севере, но не старались притворяться

лживой «готикой». Если что-то и выделяло этот дом среди других, то разве что языки темных кипарисов, карабкавшихся вверх по стенам и лепившихся к грубой кладке, точно тайные лазутчики, пытавшиеся проникнуть в окна верхних этажей — изысканная деталь, которая радовала глаз как любителя, так и знатока.

В соответствии с общей атмосферой особняка сад имел типичные черты «регулярного стиля». Стройные ряды тисов тянулись параллельными аллеями, словно гигантские воланы, опиравшиеся на свои растопыренные перья; кое-где садовник выстригал их в форме конусов или правильных шаров. Пятнистые падубы чинно обрамляли мощные дорожки, подчиняясь царившему везде порядку. На склонах холма были разбиты широкие террасы, соединенные каменными лестницами; гранитные бордюры, балюстрады и декоративные гроты подчеркивали их закругленную форму, а арка старого моста придавала всему вид цельного ансамбля. Разумеется, здесь имелись и удаленные уголки, где формальный стиль уступал место свободной планировке и природа вступала в свои права. Но первое впечатление посетителя, входившего в этот сад, можно было описать как триумф искусства.

Я не случайно употребил слово «триумф», поскольку подлинная слава человека заключается в его борьбе с природой, и эти регулярные сады — ничто иное, как трофей, добытый в извечном противоборстве с окружающим нас хаосом. Помимо всего прочего, они свидетельствуют и об устоявшейся культуре, ведь все эти искусные деревья и лужайки требуют, по крайней мере, столетнего ухода. Впрочем, демонстрируя величие человека, они в то же время обнажают и его ничтожество: кипарисы или тисы, послушные его воле, — символы кратковременной победы. Выстраивая для себя прекрасные дома, мы лишь украшаем свои могилы. Возможно, именно поэтому, несмотря на все великолепие зимнего дня, Бридон чувствовал нечто зловещее в воздухе, обволакивавшем этот скорбящий дом, где он не нашел ни капли скорби.

Говоря о регулярном саде, я, разумеется, не имел в виду, что он был вычерчен по линейке или напоминал чертеж из «Геометрии» Евклида. Подобно самому дому, сад привлекал и озадачивал Бридона запутанным узором своих дорожек, расположенных настолько прихотливо, словно их единственной целью было сбить вас с пути. Секрет планировки заключался в том, что вы не могли попасть в сад иначе, чем из дома, если только не обладали недюжинными навыками альпиниста. Вход на его территорию был доступен только из главной и задней двери. Остальные выходы и французские окна фасада выводили на замкнутый участок, имевший причудливую форму и надежно изолированный от мира с помощью рвов и стен. Бридон поздравил себя с тем, что тело Колина нашли вдалеке от дома, если бы оно оказалось рядом, ему бы пришлось целый день зарисовывать план сада. На самом деле, один из садовых уголков выдавался далеко в поле и заставлял шоссе описывать вокруг него резкий поворот, поэтому дорогу не было видно из сада. Бридон подумал, что эта утренняя прогулка поможет ему почувствовать атмосферу Дорна. Его следующий шаг — посетить место трагедии, которую он должен был расследовать.

За завтраком Бридон получил вести от Анджелы. Она заночевала в Дареме по пути на север, машина вела себя отлично, а в отеле «Блэруинни» уже зарезервировали номер с панорамным видом. Хемертону в числе прочей корреспонденции доставили записку от Генри Ривера, который сообщал, что намерен приехать к ним на вечерний чай.

— Господи, что ему тут нужно?! — воскликнула Мэри. — Вы должны познакомиться с нашим кузеном Генри, мистер Бридон. Теперь он наследник Дорна, но, говоря по правде, мы с ним почти не видимся. Он неудачно женился, и папе это не понравилось. К тому же Генри довольно желчный, не правда ли, Винсент?

— Глупец, который даже не удосужился обзавестись телефоном, — подхватил Хемертон таким тоном, словно

данный факт являлся достаточно веской причиной, чтобы порвать с ним всякие отношения. — Знаете, что я сделал сразу, как мы поженились? Мой тесть — человек старомодный, и в его доме не было телефона. Так вот, я поставил здесь телефон — в качестве подарка невесте. Тесть не смог от него отказаться. Не хотите прогуляться, мистер Бридон? А прислуга пока разберет завалы наверху — верно, Мэри? — чтобы мистер Бридон мог повидаться с папой.

Как вскоре выяснилось, комната мистера Ривера находилась на первом этаже, рядом с дверью стояло инвалидное кресло. Старый помещик был на пути к выздоровлению и выглядел довольно бодро.

— Компания проявила чрезвычайную любезность, быстро откликнувшись на наше дело, — заявил он. — У нас никогда не было причин жаловаться друг на друга, и я надеюсь, что вы не станете журить меня слишком сильно, если я нарушил какие-то мелкие формальности. Полагаю, просроченный платеж не составляет большой проблемы, раз он все-таки был сделан.

Бридон пришел в замешательство, сообразив, что решение Компании прислать своего «представителя» хозяин Дорна воспринял как готовность заключить сделку, в худшем случае, вычесть штраф за просроченный платеж, но затем полностью выплатить всю сумму. Похоже, он ждал, что Бридон сейчас достанет чековую книжку и добродушно буркнет: «Да ладно, что там, не будем говорить о пустяках!» В результате получалось, что он не только был шпионом во вражеском лагере, но и рисковал прослыть за самозванца. Бридон с запинкой объяснил, что не имеет полномочий говорить о бизнесе и его визит — формальность, которая призвана устранить противоречия в сообщениях о дате смерти мистера Ривера. Что касается Компании, то она готова выплатить всю сумму страховой премии, если смерть клиента наступила после получения платежа. Если нет — не в его компетенции обсуждать, что будет или не будет сделано в этом случае. По крайней мере, его визит не следует рассматривать как знак того, что

они намерены оспорить их права на премию. Он не хотел злонамеренно воспользоваться гостеприимством, прибыв со столь неприятной миссией, однако...

— Дорогой мистер Бридон, — прервал Винсент, — в этом доме вы всегда можете рассчитывать на благожелательный прием, независимо от цели вашего визита. Компания абсолютно права, что хочет во всем разобраться: это ее прямая обязанность. Но в таком случае вы должны поговорить с людьми, которые могут рассказать вам больше меня. Полагаю, вы слышали о моей болезни: я узнал о смерти своего бедного сына только в четверг, на следующий день после того, как все случилось. Не говоря уже про странную историю Гектора Макуильяма. Родные не хотели меня беспокоить. Колин был моим единственным сыном, и мы все ждали, что он вернется, — да, да, вернется. Но если я чем-то смогу помочь пролить свет на данное дело, буду рад. Вы верите тому, что говорит Макуильям?

— Я с ним пока не виделся, хочу встретиться сегодня днем. Похоже, он действительно что-то заметил, хотя... Не могли бы вы рассказать о планах вашего сына и его возможных передвижениях? Простите, что затрагиваю эту тему, но...

— Не извиняйтесь, мистер Бридон. Все выглядит совсем иначе, когда понимаешь истинный смысл происходящего. Еще год назад подобная трагедия могла бы меня уничтожить. Но с тех пор я сильно изменился. Вы когда-нибудь общались с людьми из «Большого круга», мистер Бридон?

— Нет. Вот что я хотел бы уточнить: ваш сын уехал путешествовать месяц назад, но есть ли какие-то свидетельства, что он действительно отправился в круиз? Может, по каким-то причинам он предпочел остаться здесь и у него возникли, скажем так, некие проблемы, какие могут объяснить то, что с ним произошло?

— Вы задали прямой вопрос, мистер Бридон, и у меня есть на него прямой ответ. Я получил от своего сына письмо, отправленное из Мадейры и должным обра-

зом проштемпелеванное. Это было десятого или одиннадцатого января — позднее я бы не смог его прочитать. В то время мне уже перестали давать деловую переписку, но на конверте был почерк Колина, и мои родные решили, что письмо сына не причинит мне вреда, а, наоборот, взбодрит. А само письмо помечено пятым января. Мы заметили это, когда задумались о том, почему Колин вообще оказался в Шотландии.

— В письме он не упоминал о возвращении домой?

— Нет, но это неудивительно, потому что он ничего не писал и о моей болезни. Видимо, написал письмо, когда находился в море, и отправил сразу после того, как прибыл в порт, то есть раньше, чем получил почту и узнал новости из дома.

— А с тех пор ничего? Сын не отправил телеграмму о приезде?

— Писать письмо не имело смысла, поскольку Колин отправился домой на том же судне, что везло почту, и приехал бы в Дорн одновременно с письмом или чуть позднее. Что касается телеграммы — да, многие бы так и сделали, но не Колин: он вообще был непрактичным и часто менял свои планы, сам не зная, что сделает в следующий момент. Так, по крайней мере, мы подумали.

— А он не упоминал в своем письме какого-нибудь человека, вместе с которым путешествовал и кто мог бы знать о его планах? Конечно, можно спросить у капитана, но разыскивать людей, которые вечно носятся по морям, — задача не из легких. Если бы у Колина на корабле был друг, и мы могли бы расспросить его после возвращения домой, нам бы это сильно помогло.

— Вот что я вам скажу, мистер Бридон: вы человек не болтливый, это заметно. Колин тоже был не из тех людей, которые любят изливать душу в письмах. Я назвал бы его скорее замкнутым. Вы можете взять письмо и забрать с собой, чтобы почитать на досуге, потом, надеюсь, вы его вернете. Оно лежит вон там, на туалетном столике, среди другой почты, на конверте иностранный штемпель. Смо-

трите сами, что вы сможете из него извлечь насчет планов Колина.

— Огромное спасибо, мистер Ривер. Вероятно, шансы невелики, но попробовать следует. Обещаю, что буду обращаться с ним очень бережно. И еще один вопрос, если позволите: у вас есть какие-то предположения по поводу того, что делал ваш сын после приезда в Англию и почему он оказался там, где его нашли?

— Разумеется, мы пытались навести справки. На вокзале Колина никто не видел, в других местах тоже. Если он приехал тем же поездом, что и вы, пассажиров там совсем мало. Наверняка человек, проверявший билет Колина на станции, не разглядел его лица: вы сами видели, как там темно. Но вот вопрос: что стало с его багажом? Мы обратились в администрацию железной дороги — на тот случай, если Колин торопился и отправил багаж следом, — и они пообещали найти его. Но если он не будет найден... — Мистер Ривер замолчал.

— Что тогда?

— Мистер Бридон, я ничуть не сомневаюсь, что прокурор — честный человек и знает свое дело. Но если багаж не обнаружится, мне придется себя спросить: а не стал ли мой бедный сын жертвой преступления?

Глава 7

ДОРОЖНЫЕ БАЙКИ

Помещик не успел продолжить свою мысль, потому что в этот момент в комнату вошла Мэри и объявила, что приехал доктор. Не может ли мистер Бридон отложить их разговор? По негласному правилу, если врач намерен сообщить больному, что тот уже достаточно окреп и может немного погулять или выйти к чаю, это ни в коем случае не должно дойти до ушей непосвященных.

Бридон послушно вышел. Он рассчитывал встретить доктора на лестнице, и ему это удалось. Доктор Парвис,

несмотря на свои почтенные года, сохранил хорошую фигуру, но лицо его было очерчено резко и характерно, как положено человеку в солидном возрасте. По словам Джонсона, встретив его на тропинке, вы бы сразу поняли, что «перед вами личность». Бридона очень интересовал Парвис. Он знал, что врач не вскрывал тело, зато осматривал Колина в то время, когда тот был жив, и с ним следовало поговорить. Ему стало досадно, когда хозяйка дома не сделала никакой попытки познакомить их. Да, они были здесь не гостями, а вынужденными посетителями, к тому же доктор, вероятно, был очень занят и не собирался заводить новые знакомства. И все-таки детектив был задет, это сразу пробудило в нем упрямство, всегда присущее нашей натуре, и он дал себе слово непременно встретиться с доктором. В холле Бридон уселся в кресле с номером «Охоты», чтобы иметь респектабельный вид. За четверть часа он выяснил о повадках белой куропатки больше, чем, как выражаются в подобных случаях, мог бы узнать за всю жизнь. Когда доктор спустился вниз, снова в компании Мэри, знакомство все-таки состоялось. Парвис, похоже, не возражал. Он приветствовал Бридона с сердечностью, показавшейся ему даже чрезмерной, и они несколько минут поболтали на общие темы. Мэри не отходила от них ни на шаг, а в ее присутствии говорить о найденном трупе было не совсем удобно. Вскоре она сказала:

— Кстати, мистер Бридон, мы пригласили Макуильяма, егеря. Он ждет вас в приемной. Хотите с ним побеседовать?

Словно почувствовав, что слишком откровенно выпроваживает детектива, Мэри обратилась к доктору и спросила, не останется ли он на ужин: Хемертон жаждет реванша за проигранную партию. Парвис принял приглашение, к большому удовольствию Бридона. Ему все больше нравилось его общество. Вот только не стал ли он слишком много фантазировать? Может, ему показалось, будто хозяйка дома не желала его встречи с доктором, а потом, когда они все же познакомились, не хотела

оставлять их наедине? И что, чувствуя себя некомфортно и желая сохранить лицо, она попыталась компенсировать это новой встречей за ужином, где им вряд ли удастся побеседовать с глазу на глаз? Ну, конечно, он отдался игре воображения. Наверное, во всем виноват этот мрачный дом, где за каждым углом чудятся тайны и загадки. Недовольный собой, детектив развернулся и решительно направился в сторону кладовой, а потом, осознав свою ошибку, в приемную.

Макуильям действительно ждал его там, почтительный и скромный, как положено егерю и горцу. Он стоял посреди комнаты и робко мял в руках кепку, всем своим видом выражая верноподданническую преданность. Но Бридон, плохо знакомый с феодальным этикетом, предложил ему сесть и этим поразил его до глубины души. Бедняга Макуильям много пострадал за последнюю неделю. В понедельник и во вторник в Дорне не было ни одной домохозяйки, которая не тыкала бы в него пальцем и не называла его лунатиком. Если он заходил к кому-нибудь в Блэруинни, хозяева сразу осведомлялись, не видел ли он еще какого-нибудь призрака или трупа. Зато после того, как труп действительно нашли, к Макуильяму стали относиться с преувеличенным почтением, как к человеку, которому открыты тайны будущего. Когда он проходил мимо, на лицах людей появлялось благоговение, а один священник даже прочитал против него проповедь. По натуре это был чистый северянин, подозрительный и скрытный. Он приготовился к защите, притворившись дурачком.

Но Бридон подкупил Макуильяма тем, что повел себя просто и естественно и не стал изображать джентльмена, рассуждая о гончих или дичи. Он прямо обратился к нему за помощью, как делает путешественник, сбившийся с дороги, подобные призывы редко остаются без ответа.

— Полагаю, вам надоело рассказывать свою историю, мистер Макуильям, — начал Бридон, — растолковывая всем и каждому, что вы видели. Я здесь для того, чтобы составить отчет для страховой компании, и если вы крат-

це опишите обстоятельства данного дела, я буду полностью удовлетворен. Меня не интересуют истории о призраках. — Он позволил себе улыбнуться, и Макуильям расслабился. — Я хочу спросить у вас одну вещь, если она, конечно, сохранилась в памяти, не было ли какой-то разницы между телом, которое вы видели в понедельник, и тем, что предстало перед вами в среду? Например, различия в одежде, в растительности на лице или — хотя это менее важно, но все же, — в положении самого тела? Принимаю, что было темно, но попробуйте вспомнить.

— С вашего позволения, сэр, это первый разумный вопрос, который я услышал за последнюю неделю. Теперь, когда вы спросили, я действительно припоминаю, что была разница. В среду молодой хозяин опирался на камни почти всем туловищем и плечами, а не только головой, как в понедельник. К тому же в первый раз он лежал ближе к дороге. Хотя одежда и все остальное выглядело так же.

— Прекрасно. Не возражаете, если я буду делать заметки? В понедельник никаких других людей рядом не было, иначе вы бы обратились к ним за помощью. Как по-вашему, не мог ли кто-нибудь проходить в такое время по дороге, например, после того, как вы бросились бежать в поместье?

— Говоря по правде, это маловероятно. Хотя по воскресеньям у нас частенько бывают браконьеры, и не думаю, чтобы они бы обрадовались, если бы я их заметил. Но зачем им могло понадобиться мертвое тело?

— Вы правы. Хорошо, пойдем дальше. Вы удостоверились в том, что человек действительно мертв, иначе остались бы рядом с ним. Вы прослушали его сердце или приложили что-нибудь к губам?

— Я послушал сердце, оно не билось.

— А когда вы к нему наклонились — простите, что задаю такой вопрос, — от него не пахло виски?

— Нет. Хотя доктор что-то говорил про алкоголь, когда его осматривал, но это вы у него спросите.

— Разумеется. Еще один момент. Пожалуй, с него и надо было начать: кто-нибудь мог знать, что в то утро вы встанете так рано и пойдете именно по данному маршруту? Или это произошло случайно?

— По понедельникам я всегда выхожу в это время, но редко иду по главной дороге. В среду я немного припозднился и еще не успел одеться, когда зазвонил телефон.

— А, так вам позвонили? Из поместья? Или с фермы?

— Из поместья.

— И вам сказали, что на ферме начался пожар и вы должны спешить на помощь? Наверное, это был мистер Хемертон?

— Нет, мне звонил дворецкий, по поручению мистера Хемертонна. В тот раз я взял велосипед, чтобы поскорее добраться туда.

Бридон задал еще несколько вопросов — не для того, что получить ответы, а чтобы лучше рассмотреть и оценить самого Макуильяма. Он пришел к выводу, что это честный человек, который ничего не скрывает и которому нечего скрывать. Впрочем, страховой агент не забывал, что его реакции могут отличаться от обычных.

— Полагаю, я легко смогу вас найти, если мне понадобится ваша помощь? — спросил Бридон и услышал в ответ, что его рады будут видеть в любой день, когда ему заблагорассудится посетить домик егеря.

До завтрака оставалось немного времени, и Бридон не мог найти ему лучшего применения, чем ознакомиться с письмом с Мадейры. Он отнес его к себе в комнату и аккуратно разложил на столе конверт и вложенное в него послание. Почтовый штемпель был проставлен пятого февраля в Фуншале. Время отправления, как часто бывает в таких случаях, оказалось смазанным. Оставалось неясным, получил ли его Колин до или после письма сестры, где сообщалось про болезнь отца. Конверт и бумага не имели ничего общего с теми хлипкими писчебумажными принадлежностями, какие обычно можно видеть у путешествую-

ших за границей. Не было на них и маленьких картинок с изображением «Скандермании». Очевидно, Колин захватил с собой блокнот и несколько простых конвертов, которые полностью удовлетворяли его скромные потребности в отправке корреспонденции. Конверт выглядел сильно потрепанным, словно проделал долгий путь и не раз переходил из рук в руки, не всегда чистые. Однако он был надежно запечатан, и его явно не вскрывал никто, кроме получателя. Письмо было адресовано «Д. Риверу, эсквайру», отправлено в Дорн и проштемпелевано в Блэруинни утром одиннадцатого числа. Это все, что успел заметить Бридон в поисках какого-нибудь мошенничества или подлога.

Ничего подозрительного он не обнаружил.

Письмо оказалось длинным — даже на удивление, если вспомнить, как невразумительно обычно пишут молодые люди; тем более, что мы говорим о не совсем обычном молодом человеке, всегда считавшемся замкнутым и не ладившим со своей семьей. Бридон был почти тронут усилиями этого домашнего изгоя, не привыкшего излагать свои мысли на бумаге (в письме было несколько орфографических ошибок, которые мы здесь опустим), и скорее всего не отличавшегося особой наблюдательностью, но честно старавшегося передать те впечатления, которые накопились у него за время путешествия.

Все выглядело так, словно Колин хотел возместить отцу свое долгое пренебрежение и считал, что лучше это сделать письменно, а не лицом к лицу. Он действительно походил на любящего сына, который мог прервать свой морской круиз и броситься домой при первых признаках того, что здоровье отца пошатнулось.

Мой дорогой папа!

Письмо немного запоздало, знаю, но писать во время путешествия совсем не хочется, несмотря на то, что больше заняться особо нечем; да и в комнате отдыха всегда много людей. Надеюсь, ты будешь рад услышать, что погода на

протяжении всего плавания стоит прекрасная и с каждым днем становится все жарче. Сейчас, когда я пишу письмо, мы приближаемся к Мадейре. Первый порт, куда мы зашли, был Лиссабон, поэтому теперь про меня никто не скажет, будто я «не видел в жизни ничего хорошего» — именно так гласит португальская пословица по поводу тех, кто никогда не бывал в Лиссабоне. Город действительно очень красивый, особенно при входе в гавань. Он окружен невысокими холмами, хотя сам залив огромный, и дома поднимаются над морем ступенчатыми террасами, что сразу напомнило мне Дорн. Впрочем, ты побывал там во время поездки в Индию, и я не стану докучать тебе цитатами из путеводителя. Ты видел и Гибралтар, поэтому опущу и эту часть. Следующим пунктом стала Майорка, где мы высадились на пару дней на берег и поселились в дорогой гостинице. Городок назывался Пальма. Собор там такой древний, что трудно вообразить, а скульптуры на фасаде поистине великолепны. Сбоку к нему примыкает большая часовая башня, которая сама по себе довольно интересна, хотя почти никто не обращает на нее внимания, поскольку она теряется среди соседних зданий. Больше всего мне понравилась усыпальница какого-то короля вся из черного мрамора и с бронзовыми статуэтками. Но главной достопримечательностью города считается старинная ратуша с огромными часами, они показывают движение солнца или нечто подобное: я не совсем понял, в чем там дело.

Менорка была менее интересной, возможно, потому, что напомнила мне Англию. Всюду торчат ветряные мельницы: стоит ли ехать за границу, чтобы смотреть на это? Порт Махон неплохо смотрится со стороны залива, но внутри скучный и серый. Старая столица, Сьюдадела, намного интереснее — чего стоят одни крепостные стены. Потом мы отправились в Неаполь, он выглядит точь-в-точь как на картинках, только Везувий почти не дымит. Господи, до чего же грязно в этом городе! Лучше бы мы туда вообще не заходили. Сицилия — другое дело. Сначала мы причалили в Таормине и посетили древнеримский амфитеатр: одни развалины, однако размеры впечатляют, а вид с холма —

это трудно описать. Повсюду холмы, но сам городок тихий и уютный, хотя в нем много современных отелей. В Палермо тоже есть достопримечательности, например, королевский дворец. Он построен в незапамятные времена, пол и стены сплошь покрыты мозаиками, а часовня выше всяких похвал. Жаль, мы провели мало времени в Сицилии. Там найдется на что посмотреть.

Ты знаешь, я не очень люблю писать письма, но когда путешествуешь, о многом хочется рассказать. У меня уже устала рука, хотя я добрался еще только до Европы. Алжир и Северную Африку я поберегу для следующего письма. На корабле много интересных людей, и все очень дружелюбны и общительны, не нужно ждать, когда тебя кому-нибудь представят. Я часто играю в триктрак с одним пожилым пассажиром, которого все зовут «полковник». Впрочем, он, кажется, никогда не служил в армии. Пожалуйста, передай Мэри, что я пока не встретил свою роковую соблазнительницу. Всем женщинам, которых я здесь вижу, далеко за пятьдесят, и они некрасивые. Уверен, на Мадейре меня будут ждать ваши письма, но это послание я постараюсь отправить при первой же возможности, поскольку, если оно пролежит у меня в кармане пару дней, я о нем наверняка забуду. Надеюсь, дома все в порядке.

Твой любящий сын

Колин.

— Что ж, тут все ясно, — пробормотал себе под нос Бридон. — А поскольку до завтрака есть немного времени, будет нелишним покопаться в местной библиотеке.

Он все еще рылся в книгах, когда хозяйка дома пришла к нему с сообщением, что завтрак готов.

— Мистер Ривер любезно разрешил мне ознакомиться с письмом с Мадейры, — произнес Бридон. — Не знаю, может, имеет смысл послать телеграмму на «Скандерманию» и выяснить, действительно ли ваш брат сошел с корабля в Мадейре? А заодно опросить таможенников в Саутгемптоне на случай, если они запомнили вашего бра-

та, хотя это маловероятно. Впрочем, письмо само по себе достаточно проясняет дело, не так ли? Отослав его, Колин сразу получил ваше послание и немедленно отправился домой. Письмо прибыло в Англию — а значит, и ваш брат тоже, — десятого числа, то есть в прошлую пятницу. Если он успел на почтовый поезд, то приехал одновременно с письмом в субботу утром. Думаю, нужно проследить за его перемещениями — через неофициальные источники, конечно, — во время уикенда. Вероятно, в Саутгемптоне Колин остановился в каком-нибудь отеле. Или, наоборот, сразу поехал в Лондон и провел там выходные. Вы знаете каких-нибудь его приятелей или знакомых, у которых он мог бы переночевать в Лондоне? Или, по крайней мере, к кому мог бы обратиться?

— В Лондоне Колин почти всегда заезжал к нам. Верно, Винсент? Если он действительно заходил к нам в дом, миссис Криппс должна быть в курсе. Я напишу ей. И потом, у него есть друг, Стратт, вместе с ним он попал в аварию. Стратт живет в Лондоне, и его фамилию можно найти в телефонном справочнике. Попробуйте обратиться к нему. Больше я ничего не могу придумать, хотя, разумеется, у Колина полно оксфордских друзей, о которых мы ничего не знаем.

— Из чего следует, — вставил ее муж, — что многих проблем можно было бы избежать, просто потратившись на открытку с почтовой маркой. Я всегда отправляю открытку, когда куда-то приезжаю.

Глава 8

КУЗЕН ГЕНРИ ПРИХОДИТ НА ЧАЙ

Библиотека занимала самый большой зал в Дорне. При строительстве дома два помещения соединили в одно, а потолок подняли до уровня второго этажа. Винтовая лестница вела снизу вверх на обходную галерею, плотно заставленную книгами. Всюду на лепных карнизах, в риф-

ленных сводах и на изразцах камина красовалось изображение подковы — герб семьи Риверов. Несмотря на размеры, комната выглядела достаточно уютной, и зимой здесь часто устраивали послеобеденное чаепитие. В половине пятого, когда Бридон продолжал «копаться» на библиотечных полках, в зал неожиданно вошел майор Генри Ривер и с удивлением воззрился на него как на человека, чье присутствие было так же нежелательно, как и необъяснимо. Очевидно, кузен хотел поговорить со своим родственниками тет-а-тет и, хотя он попытался скрыть разочарование, обнаружив в доме незнакомца, ему это плохо удалось. К счастью, одна случайная деталь помогла им сломать лед. На столе лежал воскресный номер «Очевидца». Оказалось, что они оба решали один и тот же сложный кроссворд, еженедельно печатавшийся в газете. Но несмотря на это, собеседники обрадовались, когда в зале появилась хозяйка дома.

— Кузен Генри, добро пожаловать! Винсент сейчас придет. Мистер Бридон, это мой кузен, майор Ривер. Приятно, что день стал немного длиннее, правда? Жаль, что вы не смогли остаться у нас после похорон, но в доме царила такая суэта, что мы все равно не могли бы толком поговорить. Другое дело сейчас, когда вы приехали один... А, вот и Винсент!

И Мэри Хемертон принялась хлопотать над чайным столиком, предоставив мужу развлекать гостей. Однако было очевидно, что Генри Ривер приехал отнюдь не для того, чтобы поболтать о погоде. Он ерзал на стуле и косился на Бридона, словно спрашивая себя, есть ли какие-то шансы на то, что тот покинет комнату.

— Я приехал, чтобы кое о чем поговорить. Простите, мистер Бридон — тот самый джентльмен из страховой компании? Если нет, я не стану его утомлять. Кому интересно слушать про чужие семейные проблемы? А если да, я не возражаю, чтобы он остался. Вопрос в том, хотите ли вы, чтобы мы говорили в присутствии мистера Бридона? Мне кажется, незачем вмешивать сюда других людей.

Бридон сделал глоток обжигающего чая и уже стал подниматься, когда его остановил Винсент Хемертон.

— Все в порядке, — сказал он. — Поскольку дело касается страховки, мистер Бридон заинтересован в истине так же, как и мы. Уверен, ему можно доверять, и он не станет публично полоскать грязное белье нашей семьи, раз этого не требуют его обязательства перед Компанией. Выпейте еще чашечку чаю, мистер Бридон, и устраивайтесь поудобнее. Кстати, как вам чай? Вы не найдете этот сорт в обычных магазинах. Я специально заказал его за границей. Итак, майор, что вас беспокоит?

— Убийство, поджог, вредительство, — громко отчеканил Генри Ривер.

— Ну, что вы, дружище, — успокаивающим тоном пробормотал Винсент Хемертон.

— Так оно и есть. Я хочу вас спросить, что вы намерены с этим делать? Не стану делать вид, будто меня не волнует состояние вашего поместья. Еще одна подобная атака, и ваш отец может отправиться в мир иной. А что мне тогда достанется? Убийство, поджог, вредительство — вот что.

— Но, кузен Генри, вы же не хотите сказать, что Колин...

— Именно это я хочу сказать. Как умер бедный мальчик? Вы не знаете и не желаете знать. Но я будущий наследник и не собираюсь молчать. Взгляните на это! — Генри достал из кармана смятую бумагу и расправил ее. — Вы занимаетесь страхованием, сэр. Прочитайте это и скажите, сколько стоит жизнь человека, который получает подобные послания с утренней почтой?

Бридон взял листок и прочитал небольшой текст, написанный пляшущим раскосым почерком, который так любят авторы анонимных писем.

Мистер Генри Ривер, сэр! Проклятие снова обрушилось на вашу семью, гнусные убийцы, втаптывающие в грязь несчастных бедняков и сбивающие насмерть их детей! Спро-

си себя, почему погиб Колин Ривер? Но скоро придет и твой черед, свинья. Дьявол сожрет твою душу, а мы будем смеяться над тобой.

— Это написал какой-то сумасшедший, — предположила Мэри.

— На свободе бродит гораздо больше психопатов, чем находятся в больницах, — согласился ее муж. — Они часто хватаются за какую-нибудь новую сенсацию, о которой трубят газеты, а потом рассылают письма фигурантам дела. В печати вас упоминали как наследника поместья, майор.

— Психопат, говорите? Значит, это психопат убил беднягу Колина?

— Но, кузен Генри, никто не говорит, что Колина убили! Как это возможно? Не выявили никаких следов насилия или остатков яда, доктор ясно все сказал. Бедный Колин умер от переохлаждения.

— Возможно, он умер от переохлаждения, только что это меняет? Есть много способов убить кошку... Как там звучит эта поговорка, сэр? — Майор раздраженно повернулся к детективу.

— Не утопив ее в сметане? — предположил Бридон. — Я совершенно с вами согласен, сэр. Когда мертвые тела появляются в самое неожиданное время и в самых неожиданных местах, вряд ли можно говорить о несчастном случае или даже о самоубийстве. Но, как верно заметил мистер Хемертон, проблема в причине смерти. Человека действительно можно убить с помощью переохлаждения, если его предварительно оглушить, связать или усыпить так, чтобы он не мог сдвинуться с места. Но все перечисленные способы оставляют следы, и опытный врач сразу обратит на них внимание. А вы, если не ошибаюсь, имели дело с опытным врачом.

— Ну, а если затащить его на какую-нибудь высокую скалу, с которой он не сможет спрыгнуть? Или запереть

в холодной комнате, откуда нет выхода? Какие тогда останутся следы?

— Насколько я понимаю, — вставил Хемертон, — вопрос в том, как принудить к этому жертву, не применив насилия. Ведь он станет сопротивляться, не так ли?

— Я как раз и пытаюсь вам объяснить, что Колина убил не один человек, а целая компания, его похитили, а затем оставили умирать. Вы сами знаете, как эта история с аварией переполошила всю округу. Люди уже давно высказывали недовольство, кузина Мэри, еще с тех пор как ваш отец перестал думать о хозяйстве. Кто нашел тело в понедельник? Макуильям. Кто обнаружил его в среду? Макуильям. Я никогда не доверял этому егерю — он горец, а они все дикари. Не известно, сколько у него было помощников, тем более теперь, когда все помешаны на большевизме. Это заговор, понимаете? Сначала они убили Колина, потом стали поджигать сено. То же самое происходило в Индии, в Ирландии, везде.

— Кузен Генри, — холодно промолвила Мэри, — давайте придерживаться фактов. Мы ни к чему не придем, если станем полагаться на подобные фантазии.

— С вашего позволения, сэр, — произнес Бридон, — самый важный момент во всей этой истории — исчезновение и новое появление молодого мистера Ривера. И я не совсем понимаю, как с этим можно совместить вашу версию о похищении его бандой мятежников. Я не говорю, что это невероятно, но хотел бы уточнить детали.

— Могу точно описать вам все, что произошло, — заявил майор и, к облегчению своих собеседников, слегка понизил голос. — Прежде всего, болтовня слуг. Никто бы не узнал, что Колин может вернуться, если бы не пошли слухи. Нет, вряд ли в деле замешана домашняя прислуга: они только сплетничали. Но кто-то из них проболтался. Дальше, если вы хотите кого-нибудь похитить, вам нужен транспорт. Скорее всего в сговоре участвовал кто-либо из таксистов: к ним надо присмотреться. Итак, вы сажаете Колина в такси — вместе с багажом, конечно, — и везе-

те в какое-нибудь тайное место, так, чтобы он этого не заметил. Или в машину с двух сторон садятся двое верзил и следят за тем, чтобы он не выпрыгнул и не издал ни звука. Вы увозите его — куда? Я об этом размышлял. Чтобы я сделал, если бы хотел похитить человека? Отвез бы его на Чертову впадину. Вы не знаете этих мест, мистер Бридон. Чертова впадина находится в паре миль отсюда, в сторону гор, но это очень уединенное местечко, просто выступ на крутом склоне, внизу обрыв, а сверху почти отвесная стена. Говорят, люди прятались там в сорок пятом году. Достаточно оставить одного-двух громил, чтобы он не мог выбраться. Разумеется, вы его немного кормите: никто не хочет, чтобы он умер от голода. Дальше просто оставляете пленника на месте, и несколько холодных ночей делают свое дело. У вас на руках труп, и никто не о чем не догадается.

Мэри поехала, для человека, знавшего Чертову впадину, картинка получилась пугающе реальной.

— То есть они захватили Колина в субботу, а к понедельнику он умер?

— Нет, тут они немного просчитались. Колин впал в голодный обморок, а они решили, будто ему конец. Поэтому они отвезли его на открытое пространство, где тело мог найти какой-нибудь прохожий. Обочина шоссе, да еще ранним утром — лучше не придумать. Макуильям — они выбрали его, потому что он жил рядом, — побежал с новостями в Дорн, а остальные стали разъезжаться. Но тут, когда егерь находился уже слишком далеко, чтобы вернуть его обратно, покойник взял и открыл глаза! Нет, так не пойдет: его должны найти мертвым. Они быстро уволокли Колина обратно в Чертову впадину, ничего другого им не оставалось. Макуильям, конечно, выглядел полным дураком, но тут уж ничего не поделаешь. Они продержали Колина еще пару ночей, чтобы удостовериться в его смерти. Затем отвезли на то же место и положили у дороги. Макуильям снова побежал в поместье. А другие уехали и подожгли сено.

— Зачем? — спросил Хемертон.

— Просто из вредительства, чтобы нанести ущерб поместью. А отчасти для создания общей суматохи. Люди не заметили, как подбросили труп, поскольку мчались тушить пожар, и не обратили внимания на поджог, потому что кинулись обратно к мертвецу. Классическая диверсия, это вам любой военный скажет. Может, кто-либо из них раньше был солдатом. Вот как все произошло.

Первым на рассказ майора откликнулся Бридон.

— Стог был большой? — спросил он.

— Большой? — удивился Хемертон. — А причем тут это?

— Кажется, довольно крупный, — ответила его жена.

— Чепуха! — отрезал майор. — Я отлично знаю ферму в отличие от вас. Это был маленький стог. Почему вы спрашиваете?

— Если они действительно хотели нанести ущерб поместью, то выбрали бы нечто более ценное, — скромно предположил Бридон.

— Но они выбрали его, — упрямо возразил майор.

— При условии, что это действительно был поджог. Если пожар возник случайно, то размер не имел значения.

— Я всегда считал, что сено никто не поджигал, — заявил Хемертон. — Пожары тут — частое явление. Вот если бы вы скирдовали сено, как у нас в Англии...

— Ладно, ладно! — перебил майор. — Если это единственное возражение, которое вы можете придумать...

— Вовсе нет, — дружелюбно сказал Бридон. — Возражений сколько угодно. Похитителям требовалось точно знать, что Колин умер, а не просто «отключился». Значит, они должны были продержаться у себя его тело пару дней, чтобы удостовериться в смерти. Между тем, по словам доктора, Колин умер пять или шесть часов назад. И потом, кто мог знать, к какому поезду подать такси? Миссис Хемертон говорила, что понятия не имела, когда он приедет, если приедет вообще. Дальше, если уж вы дали себе труд затащить человека на вершину обрыва, зачем спу-

скать его обратно? Не лучше ли столкнуть вниз, сделав вид, будто тот просто сорвался со скалы? Есть множество других мелких нюансов, на каждый в отдельности можно что-то возразить, но в сумме они полностью исключают вашу версию... Прошу прощения, сэр, все это звучит так, словно я пытаюсь читать вам лекцию. По правде говоря, детективные истории — моя слабость, и порой я слишком увлекаюсь.

Люди, хорошо знакомые с Майлзом Бридоном, знали, что последняя фраза была грубейшим искажением фактов. По крайней мере, она противоречила его мнению о самом себе: он всегда считал, что терпеть не может загадочных историй, и занимается ими только для того, чтобы заработать себе на хлеб. В любом случае Бридон был недоволен тем, что слишком рано раскрыл свои карты, выставив себя перед местной публикой экспертом по криминалистике.

Генри Ривер немного сник.

— Короче, это мое мнение, — буркнул он, — и я не изменю его до тех пор, пока кто-нибудь не найдет объяснения получше. Мне вот что интересно, — добавил он, повернувшись к Хемертону, — вы так и не намерены ничего предпринимать по этому поводу? Будете и дальше сидеть и говорить, что все это очень странно?

Вместо мужа ответила Мэри Хемертон:

— Простите, кузен Генри, но мы с Винсентом не считаем, что произошло нечто экстраординарное. Ясно, что Колин потерял память и просто бродил по округе. Может, он даже искал Дорн. Согласитесь, мистер Бридон, мой брат не мог быть в здравом уме, иначе как бы его занесло на дорогу между двух коттеджей? Оттуда нельзя попасть в Дорн. Я говорю про среду, конечно. Что касается понедельника... Тут можно обратиться к британскому здравому смыслу и предположить, что в понедельник произошло примерно то же самое, и брат бродил по полю, пока не упал в обморок, а Макиульям, наткнувшись на него, решил, что он мертв. В таком случае позднее Колин

мог встать и уйти туда же, откуда пришел. Жаль, что мы его не нашли! Но если хотите знать мое мнение, я верю, что Макуильям получил некое предупреждение, увидев Колина благодаря своим телепатическим способностям. Иначе как объяснить такое совпадение времени и места? Порой мне кажется, будто Макуильям и сам в это верит, хотя и не признается. Горцы очень гордые. Вот что, по моему, происходило в действительности. В конце концов, потеря памяти случается не так уж редко, правда, мистер Бридон? Наверное, вам уже приходилось сталкиваться с чем-либо подобным. У вас есть какие-нибудь предположения?

— У меня? Нет. Судя по тому, что мы знаем, ваша версия кажется самой вероятной. Меня только беспокоит, куда пропал багаж вашего брата. Если он его где-то оставил, вещи должны найтись. Надеюсь, скоро мы услышим новости от железнодорожников. И потом, его верхняя одежда... Колин не мог долго обходиться без пальто, ночи холодные. Где-то его должны найти. А пока, майор, я не представляю, что можно предпринять, даже если ваши опасения оправданы. Полиция не станет охранять вашу собственность — да и вас самих — без дополнительных улик. Единственное, что мы можем сделать, — продолжать выяснять правду, стараясь действовать как можно тише. Если кто-либо из обитателей поместья замешан в этом преступлении, то чем меньше мы будем об этом говорить, тем лучше. Иначе мы их спугнем, как вам кажется?

— Вы правы, полиция нам не поможет. По крайней мере, до сих пор они ни черта не сделали. Ни в Ирландии, ни в Индии. Я вам скажу, что намерен делать. Я пойду на дорогу и буду ходить по обе стороны от охотничьего домика, пока что-нибудь не найду. Если они притащили туда тело, то наверняка остались какие-нибудь следы. Вот что я буду делать. Только не говорите о моих подозрениях Дональду: пусть сначала поправится. Он будет нервничать, а нам это совсем ни к чему.

Глава 9

УЖИН С ДОКТОРОМ ПАРВИСОМ

Трудно найти более разных гостей, чем те, кого вы приглашаете на чай, и те, кто приходит к вам на ужин. Беседа за вечерней трапезой протекала в другом тоне. Если майор раздраженно выкладывал все, что было у него на уме, и любое возражение только укрепляло его в собственном мнении, то доктор Парвис тщательно продумывал каждый свой ответ, даже если речь шла о самых обыденных вещах. К тому же он обладал редким свойством воспитанных людей с интересом слушать то, что говорят ему другие. Беседа неизбежно затронула тему, которая так волновала кузена Генри: о тайном возмущении, якобы растущем среди обитателей поместья.

— Скажите, Парвис, — обратился к доктору Винсент Хемертон, — по-вашему, для подозрений Генри Ривера есть какие-то основания? Вы всю жизнь работаете с этими людьми и лучше, чем кто-либо другой, знаете их настроения. Мы считаем, что майор хватил через край. Вопрос лишь в том, являются ли его предположения преувеличением или чистой выдумкой?

— Я всегда говорил, что бесполезно спорить с человеком, который пытается наспех обобщить сложные проблемы, — ответил доктор. — Конечно, недовольные всегда найдутся. Младший плотник хочет быть старшим, старший — главным, и так далее. Они часто ворчат за кружкой пива, и тем, кто их слушает, может показаться, будто за этим скрывается что-то серьезное. Но то, что утверждает майор — полная чепуха. Взять хоть этого Макуильяма, которого он выставляет чуть ли не главарем заговора. Макуильям, прошу заметить, получает неплохое жалованье и к тому же пытается одурачить вас, растягивая на год ту работу, какую можно сделать за полгода. У него прекрасное положение — лучшее, на какое могут рассчитывать люди вроде него. К тому же он горец, а горцы, хоть и гордый

народ, свято чтут феодальный кодекс. В общем, как ни крути, Макуильям не станет вредить исподтишка. Он человек совсем другого склада.

— Значит, вы не придаете никакого значения анонимному письму? — спросил Бридон.

— Никакого, мистер Бридон. Полагаю, и вы тоже. Не спорю, где-нибудь в Бэнтри найдется немало безработных шахтеров, которые терпеть не могут всех богачей и особенно помещиков. И среди них, наверняка, есть люди, скажем так, не вполне адекватные, от кого лучше держаться подальше. А наша система образования, которой мы все так гордимся, обучает каждого из них письму, не научив при этом думать. Между тем, мистер Бридон, у сумасшедших часто наблюдается невероятная страсть к писанию: они не могут спокойно видеть клочка бумаги без того, чтобы что-нибудь на нем не накарябать. А поскольку друзей у них мало, они обычно пишут тем, чье имя встретили в газетах; и, разумеется, поливают их грязью, потому что это первая и самая естественная вещь, которая приходит им в голову. Для того чтобы работать врачом в Блэруинни, нужно в первую очередь быть психиатром.

— Но и среди горцев тоже есть немало сумасшедших, верно? — произнесла Мэри.

— Разумеется, это прямой результат близкородственных браков. Подобное часто случается в изолированной местности, миссис Хемертон. Но Макуильям, если вы имеете в виду его, человек столь же здравомыслящий, как вы и я. Все эти рассказы про его паранормальные способности исходят от соседей. Сам он никогда не говорил ничего подобного и не проявлял таких наклонностей, насколько мне известно. По правде говоря, теперь, когда Макуильяма окружила толпа столичных репортеров и глупых женушек, которые кудахчут вокруг него как наседки, было бы вполне извинительно, если бы он и сам начал в это верить. Но ничуть не бывало, Макуильям так же разумен и практичен, как и прежде.

— Да, он мне тоже понравился, когда мы виделись сегодня утром, — заметил Бридон. — Но признайте, доктор, все-таки трудно объективно судить о деле на основании неподтвержденных показаний одного-единственного свидетеля, особенно в Лондоне, где его никто не знает.

— А что, у вас в Лондоне верят в ясновидение? — усмехнулся доктор Парвис.

— Какое это теперь имеет значение? — заметила Мэри Хемертон, и в ее голосе прозвучали раздраженные нотки. — По-моему, мы все страдаем чрезмерным любопытством. В конце концов, в жизни полно вещей, о которых мы никогда не узнаем. Лучше оставить все как есть.

— Как же можно обойтись без любопытства? — возразил доктор. — Это характерная черта человеческой натуры. Отнимите у нас любопытство, и мир окажется во власти белых муравьев.

— Люди всегда проявляют любознательность, если речь заходит о деньгах, — добавил ее муж. — Но я бы не хотел продолжать данную тему, чтобы не нервировать мистера Бридона. Что касается вас, доктор, я никогда не понимал, почему вам так трудно поверить в ясновидение. Ведь это лишь вопрос времени, разве нет? Вы читали книгу «Эксперимент со временем»?

— Я не силен в физике, — вставил Бридон, — но даже если вы не верите в ясновидение, доктор, то, по крайней мере, должны допускать галлюцинации. Если бы я проводил эксперимент со временем, то в первую очередь хотел бы убедиться, что во вторник брат миссис Хемертон был все еще жив. Мне кажется невероятным, что Колин мог бродить так долго и не оставить никаких следов. Должен же найтись хоть кто-то, кто его видел и может удостоверить его личность. Надо только отыскать эти следы.

— Вы приехали с Юга, мистер Бридон, — заметила Мэри, — и вряд ли представляете, насколько безлюдны наши места, особенно если отойти на пару миль в сторону холмов. Колин всегда любил уединение и часто бродил по холмам в одиночестве. Вероятно, после возвращения

из круиза у него началось умственное расстройство — переживания из-за той аварии, — и он машинально отправился в знакомые ему места, стараясь держаться подальше от людей.

— А в итоге оказался на большом шоссе? Это требует объяснения.

— Может, на время его разум прояснился, и он вспомнил путь домой. Или двинулся туда по наитию, как поступают животные. Доктор Парвис, вы говорили, что интересуетесь подобным. Как по-вашему, могло такое быть?

— Я бы не сказал, что это самое правдоподобное объяснение того, почему Колин так неожиданно исчез, а потом вернулся, чтобы умереть от переохлаждения. Сомневаюсь, миссис Хемертон, чтобы он смог протянуть целых четыре дня, с субботы по среду, без еды и без посторонней помощи. У вашего брата, знаете ли, было неважное здоровье. Меня бы не удивило, если бы его нашли мертвым в понедельник, но в среду... Тут я, скорее, согласен с мистером Бридоном: не представляю, как он мог прожить столько времени, не имея пищи и места для ночлега.

— О, вы безнадежны! — рассмеялась Мэри. — Всем известно, что если уж доктор Парвис составил какое-то мнение, то не изменит его. А он верит в Макуильяма, только Макуильяма и ни в кого, кроме Макуильяма! Ладно, джентльмены, позвольте вас временно покинуть: хочу сходить наверх и посмотреть, как там папа. Но потом я вернусь, не то вы никогда не закончите свою шахматную партию.

Пожалуй, на свете есть мало занятий, которые так же увлекательны в первые минуты и так же скучны в оставшееся время, чем наблюдение за игрой в шахматы. Игроки на ваших глазах превращаются в застывшие фигуры. Они почти не меняют позы, лишь изредка выпрямляя спину или наклоняя голову. Кажется, будто душа покинула их тело. Даже взгляд застыл, прикованный к игрушечным фигуркам на доске. Все их действия, подчиненные умственной работе, перестают быть похожими на дей-

ствия людей и больше напоминают механические жесты автомата или поведение двух марсиан, состоящих только из щупалец и мозга и лишенных эмоций. В этой схватке интеллектов их волнует только чистое искусство — потому что где вы видели шахматистов, играющих за деньги? — и они излучают мыслительные волны, заставляя вас буквально слышать, как работает их разум, пощелкивая, словно счетчик у таксиста. И хотя внешне соперники выглядят одинаково, их подлинная суть проявляется в манере игры, поскольку даже в шахматах люди ведут себя по-разному. Винсент Хемертон предпочитал открытый и раскрепощенный стиль. Он хмурился, бормоча себе под нос: «Нет, так не пойдет», — и его рука подолгу застывала над фигурой, после чего он снова погружался в размышления. Когда ход переходил к оппоненту, Хемертон постоянно переводил взгляд с доски на его лицо и опять с лица на доску, точно пытаясь прочесть мысли своего противника. Доктор, наоборот, сидел с бесстрастным видом, однако ходил всегда быстро и решительно, передвигая фигуры так стремительно и легко, будто их перемещение не являлось следствием долгих и тщательно взвешенных решений. Ожидая хода партнера, он спокойно смотрел перед собой в пространство, словно ему было проще иметь дело с воображаемой доской, а не с реальной, стоявшей перед ним на столике.

Бридон и хозяйка дома следили за партией, пока им не наскучило. Затем они пересели поближе к камину и стали негромко беседовать, как гости на свадебной церемонии. Когда она заговорила о планах на завтрашний день, он собрался с духом и заявил, что, к его большому сожалению, завтра ему придется покинуть их гостеприимный дом, как он и предупреждал ее в письме. «Разве вы больше не будете проводить расследование?» — удивилась Мэри. Бридон напрягся еще больше и объяснил, что отправится не дальше, чем в Блэруинни. Про Анджелу детектив упоминать не стал: если бы он использовал жену в качестве предложения, это выглядело бы так, словно он напрашивается

на второе приглашение. В порыве гостеприимства миссис Хемертон, чего доброго, предложила бы ему перебраться к ним со всей семьей, включая няню и прислугу. Бридон привел аргумент, который был чистой правдой, что ему будет удобнее вести дела из отеля «Блэруинни». Он хочет иметь возможность выходить и возвращаться в любое время. Очевидно, ему придется допрашивать множество людей — носильщиков, парикмахеров, портье, — а некоторых и приглашать к себе. Ему постоянно будут звонить и, вероятно, он устроит пару-тройку ночных экспедиций. Иначе говоря, он должен быть полностью свободен. Бридону стоило большого труда убедить Мэри Хемертон, что эта свобода подразумевает, в том числе, и отсутствие опеки со стороны такой радушной хозяйки, как она. Компромисс был достигнут после того, как Бридон поклялся, что станет считать Дорн-хаус своим родным домом, не постесняется без приглашения являться на любую трапезу и готов требовать любой помощи и допрашивать сколь угодно долго всю домашнюю прислугу и прочих жителей поместья. Может, он как-нибудь пригласит к ним на обед миссис Бридон? Они будут счастливы с ней познакомиться.

— Мистер Бридон, — произнесла Мэри, — раз вы решили уехать, предлагаю вам кое-что сделать, пока вы еще здесь, разумеется, если захотите. Вам не кажется, что следует осмотреть комнату Колина? Мы оставили там все как было: бумаги и прочее. Может, вам удастся найти какие-нибудь письма или документы, которые помогут выяснить, что с ним произошло.

Бридон охотно принял предложение. Они потихоньку вышли из комнаты, не тревожа увлеченных игроков.

— Подождите минутку, — сказала Мэри, когда они уже находились в коридоре, — я должна взять ключ.

Они с Бридоном поднялись наверх, где Мэри открыла одну из ничем не примечательных дверей. Бридон заметил, что прежде чем отпереть дверь, миссис Хемертон подула на ключ, словно сдувая с него пыль. Где его хра-

нили? И как на нем могло скопиться столько пыли, если после отъезда Колина прошло не более месяца?

В комнате было холодно, и Мэри поспешила удалиться, сославшись на легкость своего наряда. Бридон заверил ее, что без труда найдет обратный путь. Рачительные хозяева застелили мебель газетами и натянули чехлы, поэтому детективу пришлось потрудиться, чтобы обнаружить книжный шкаф и письменный стол — единственные предметы интерьера, которые могли представлять какой-то интерес. Сначала он посмотрел на шкаф, попытавшись составить мысленный портрет человека по тем книгам, какими тот себя окружал. Но такие умозаключения не особенно надежны, особенно если речь идет о молодых людях. Они читают то, что попадет им под руку, под влиянием момента или по воле случая. В их выборе нет системы, а значит, отсутствует полезная информация. Университетские учебники Колина чередовались с детективами, оксфордскими словарями, подарочными альбомами на Рождество, современными романами и даже поэтическими сборниками, словно временами хозяина комнаты охватывала страсть к самообразованию. Не было недостатка и в тех скучных и ничем непривлекательных изданиях, которые заставляют гостя недоуменно хмурить брови: «А это-то ему зачем понадобилось?» Трудно составить представление о молодом человеке по такой, например, библиотечке: «Алгебра» Холла и Найта, «Statuta et decreta, Universitatis Oxoniensis»*, «Письма Плиния» (избранное), «Месть косолапого», «Арабские ночи» Дюлака, «Улица ангела», «Колеса», «Трое в лодке, не считая собаки», «Как выращивать кроликов», проповеди Уолшэма Хау на тему конфирмации, «Тайны Вселенной». Только одна книга привлекла внимание Бридона, поскольку лежала на столе, и Колин, очевидно, читал ее перед отъездом. Это были стихи Стивенсона. На полях он увидел пометки, сделанные карандашом: строки, которые понра-

* «Устав и правила Оксфордского университета» (лат.).

вились больше всего или вызвали желание закрепить их в памяти. Сам карандаш лежал между двух страниц, раскрытых на небольшой поэме, написанной в духе «Скитальца Уилли». Она вполне подходила человеку, уезжавшему из родных мест:

И теперь средь вересков ветхою руиной
Он стоит, заброшенный, обомшелый дом.
Позаброшен дом наш, пуст он и покинут
Смелыми и верными, выросшими в нем.

Эти строки словно намекали на упадок, который грозил Дорну при нынешних владельцах. Само поместье вполне могло послужить образцом для другой строки: «Над болотом светит в доме теплый огонек». А в последнем четверостишии звучали воистину трагические нотки:

Сияет солнце так же, как сияло в детстве,
Волшебно ярок сад, приветлив милый дом.
Струится щебет птиц, и дверь открыта настежь...
Вот только не бывать мне больше в доме том.

Были, впрочем, и другие строчки, не отмеченные карандашом, но не менее знаменательные:

Я помню старый дом, что подлинно был домом,
Где много добрых лиц и детской беготни...

Может, что-то в душе Колина откликалось на эти чувства?

Конечно, все это были довольно банальные заметки, однако они давали представление о впечатлениях молодого шотландца, который втайне от всех хранил любовь к болотным пустошам и вересковым чащам.

Хоть перед смертью повидать тот дивный уголок,
Услышать эхо меж холмов, куда так путь далек... —

воскликает напоследок странник. И потом:

Стих для могильного камня готов:
“Здесь он обрел покой.
Охотник, спустился с зеленых холмов,
Моряк, вернулся домой”.

Бридон неторопливо полистал книгу, насвистывая себе под нос, потом посмотрел письма, но не обнаружил ничего примечательного. Одно из них, совершенно пустое и незначительное, он прихватил с собой: на нем был адрес оксфордского друга, который ехал с Колином в машине в день аварии. Вероятно, позднее ему придется связаться с ним. После этого Бридону осталось только вернуть на место чехлы, выключить свет и пуститься в обратный путь в поисках библиотеки.

Глава 10

БЕЗ РАЗУМА И ТЕЛА

На следующее утро у Бридона опять состоялся разговор с Дональдом Ривером, на сей раз короткий. Старый помещик сообщил, что ему стало лучше. Действительно, он выглядел неплохо, но вид у него был немного обескураженный, словно он боялся, что быстрый отъезд Бридона — свидетельство его неблагоприятного решения по поводу страховки. Однако о деньгах не было сказано ни слова. Землевладелец расспросил, какие действия детектив намерен предпринять в Блэруинни. Когда Бридон стал расхваливать Парвиса как «замечательного доктора», мистер Ривер, как прежде его дочь, начал жаловаться на его редкое упрямство:

— Не обращайтесь особого внимания на то, что говорит Парвис. Он большой ученый, но претендует на безгрешность. Не помню, чтобы он когда-нибудь признался, что хоть в чем-то был не прав.

На этом беседа закончилась, и мистер Ривер, хотя и несколько ворчливым тоном, повторил все предложения Мэри насчет их дальнейшего гостеприимства.

Позднее в разговоре с миссис Хемертон Бридон высказал мысль, которая пришла ему в голову при виде пометок в книге Стивенсона:

— Наверное, вы были правы насчет брата: я имею в вашу идею, что после приезда он мог отправиться на холмы, пораженный некой умственной болезнью. Понятно, что мы не можем тщательно прочесать все окрестности. Однако, помнится, вчера майор говорил о каком-то уединенном месте...

— Чертовой впадине?

— Вот-вот. Он заявил, что именно в такое место увез бы человека, если бы хотел похитить его и изолировать от всех. Не могла ли такая же мысль прийти в голову вашему брату, если он... решил умереть среди родных холмов?

— Хорошая мысль, — помолчав, ответила Мэри. — Пожалуй, он мог отправиться туда. В детстве мы с ним часто устраивали там пикники, хотя дома нас за это ругали, ведь это опасное место для детей. Послушайте, мистер Бридон, почему бы вам не остаться на второй завтрак? Тогда мы могли бы сегодня же съездить туда на машине. Чертова впадина милях в пяти отсюда, и потом еще пару миль пешком, если вы не против прогуляться по крутым тропинкам.

Но Бридон не стал отклоняться от намеченного плана.

— Вы очень любезны, миссис Хемертон, однако сейчас не самое подходящее время. Сначала мне нужно проделать рутинную работу, разослать запросы и так далее, а завтра я съезжу на Чертову впадину. Не могли бы вы показать мне ее на карте? Не хочу привлекать к себе лишнего внимания, спрашивая про дорогу у местных жителей.

В Блэруинни детектива подбросил Винсент Хемертон, который в тот же день уезжал в Лондон. Жена Бридона, Анджела, не относилась к тем супругам, которые любят, когда мужья участливо расспрашивают их, как они себя чувствуют и как дела в семье. Ей не хотелось, чтобы Майлз уверял ее, будто она прекрасно выглядит, или жаловался, как сильно он скучал в ее отсутствие. Все это бы-

ло кстати, потому что Бридон, со своей стороны, не делал ничего подобного. Не успев побыть вместе и пяти минут, они уже углубились в обсуждение проблемы, с которой требовалось разобраться. Анджела, как всегда, была увлечена ее сложностью, а Майлз радовался, что нашел наконец собеседника, от которого нечего скрывать. Правда, в этом случае он решил не сообщать жене о своих подозрениях.

— Мне бы хотелось, чтобы ты составила собственную картину, — объяснил он. — Если я начну посвящать тебя в свои версии, это может сбить тебя с толку. Буду рассказывать обо всем, что мне известно, что хочу делать и о чем хочу узнать, но ни слова о том, к каким выводам я пришел. Хотя бы потому, что пока у меня почти нет версий и они все такие слабые, что ты поднимешь меня на смех. И потом, как я уже сказал, это позволит тебе составить собственное мнение. Итак, слушай.

Бридон подробно рассказал жене о своей поездке в Дорн и том, какое впечатление на него произвели поместье и его обитатели.

— Знаешь, Майлз, — задумчиво протянула Анджела, — если твой майор не прав насчет местных якобинцев — а здесь, в отеле, я не вижу ничего похожего, — вряд ли речь идет об убийстве. По правде говоря, я часто за тебя беспокоюсь, представляя, что может случиться, если ты встретишься с каким-нибудь опасным преступником, и тот вдруг на тебя накинется. Но в данном случае я не вижу признаков убийства. Я бы с удовольствием сказала тебе, что какие-то бандиты с большой дороги убивают несчастных путников. Но, если не ошибаюсь, речь идет скорее о манипуляциях с мертвыми людьми, а не об убийстве живых.

— Ты считаешь, что если доктор констатировал смерть от переохлаждения, какое бы то ни было насилие исключено. Честно говоря, я сам не верю в версию Генри Ривера, который думает, будто самый удобный способ убить человека — наставить на него дуло револьвера и держать

подальше от теплого пальто, пока он не замерзнет. И все-таки я был бы не прочь встретиться с доктором Парвисом и спросить — мне не хотелось делать это при всех за ужином, — действительно ли тот так уверен в своем вердикте. Может, это не столько попытка установить истинную причину смерти, сколько декларация того, что ты не можешь допустить никакой другой? Я читал, что существуют способы убить человека, не оставляя на нем видимых следов, например, нанести ему сильный удар в живот или в сердце. Надо обсудить это с доктором Парвисом.

— Раз уж ты заговорил о своих подозрениях, можно узнать, почему ты так заиклен на мысли об убийстве? Просто любишь сенсации или существуют другие причины?

— Колин Ривер выехал из Дорна, имея в чемоданах одежду, бритву и множество других вещей. На нем было пальто, в бумажнике лежали деньги, а в кармане — паспорт. Не забывай, что потеря паспорта — жуткий кошмар, потому что нужно сто лет, чтобы его восстановить. Когда Колина Ривера нашли у дороги, ничего из этого с ним не было. Конечно, можно придумать много разных объяснений, почему он их потерял: например, сошел с ума — по версии его сестры — решил вести жизнь на природе и прочее. Но если человек теряет багаж, то теряет его в определенном месте. Как правило, это происходит на железной дороге, где предусмотрены особые меры для страховки рассеянных пассажиров. Разумеется, порой вещи исчезают самым странным образом и на весьма продолжительное время, их отсылают в самые невероятные места, скажем, в Киндсбридж или Форт-Уильям. Но история о Колине была в газетах, и я не могу представить, что какой-нибудь носильщик, увидев на бирке фамилию «Ривер», не заявил бы куда следует.

— Багаж иногда крадут.

— Верно, но не весь же сразу? Ради кошелька можно украсть дамскую сумочку или мужское пальто, хотя это довольно глупо. Однако, обыскав одежду, вор сразу изба-

вится от нее. Да и стянуть пальто вместе с двумя чемоданами, тростью и дорожным пледом — это надо ухитриться. Нет, вряд ли вещи были потеряны, и я не верю в то, что их украли. Наверное, Колин сам их где-то оставил, в таком случае, я намерен разыскать вещи. Похоже, их исчезновение — часть общей загадки. А если так, возникает вопрос — зачем кому-то понадобилось избавиться от них?

— Если кто-то не стал церемониться с мертвым телом, почему не предположить, что он проделал такой же фокус с его ключками для гольфа?

— А какой мотив? Действительно ли Колин был найден у дороги мертвым в понедельник? Макуильям утверждает, что да, но он не видел его вещей, и другие тоже, хотя прочесали все вокруг. Предположим, у кого-то была причина обнаружить тело Колина именно в этот день и оставить его в определенном месте, так сказать, на всеобщее обозрение. Разве он не позаботился бы о том, чтобы положить рядом хотя бы трость, намекая на раннюю прогулку? Или сунуть в карман зубную щетку, будто Колин отправился в поход? А деньги? Никто не путешествует без денег, даже если у него отшибло память. Если бы этот человек решил предъявить тело не в понедельник, а в среду, соображения были бы те же самые. Но инстинкт убийцы — о, это совсем другое дело!

— Знаешь, если бы я решила убить тебя, то не стала бы особенно беспокоиться об инсценировке. Если бы я убила тебя в машине, то оставила бы в салоне зонтик, чтобы все подумали, будто ты его забыл, это как раз в твоём духе. А если бы я убила тебя в поезде, то сдала бы багаж в камеру хранения и взяла бы квитанцию. А если...

— Уверен, что ты совершила бы много всяких милых ошибок, но в данный момент меня интересует иное. Я говорю о нормальном преступнике и абсолютно уверен, что ключом к пониманию его поступков должен быть страх. «Что, черт возьми, мне делать с вещами мертвеца?» — спрашивает он себя. «Улики, улики!» — подсказывает его внутренний голос, и в приступе паники он бросается их

уничтожать: швыряет с моста в реку, сжигает на заднем дворе или совершает еще какую-нибудь глупость, которая в конце концов приводит его за решетку. В общем, моя задача — не только выяснить, как у дороги появился труп, но и почему он вообще стал трупом.

— А других аргументов нет? Не думаю, что полиция клюнет на такой крючок. То, о чем ты говоришь, больше смахивает на совпадение. Я знаю, ты их обожаешь.

— Ничего подобного. Если в данном деле и есть нечто похожее на совпадение, то лишь на первый взгляд. В феврале нетрудно умереть от переохлаждения, если спишь на улице. Кроме того, в этом месяце люди часто болеют пневмонией. Уверен, именно поэтому «Бесподобная» любит, чтобы взносы платили до первого января, они получают недурной доход за счет клиентов, которые умирают от пневмонии раньше, чем успевают оплатить страховку. Единственное совпадение, как я уже говорил, заключается в том, что труп был найден дважды в одно и то же время. Только вряд ли это привлечет внимание полиции. Больше всего меня настораживает в официальной версии странное предположение, будто Колин Ривер потерял память. По-моему, это чепуха.

— Да, но подобное случается сплошь и рядом. В стране часто находят людей, которые бродят по улицам и не знают, как туда попали. А у этого молодого человека, если верить доктору, всегда было плохо со здоровьем. От пьянства оно явно не улучшилось, да и дома все смотрели на него как на «хромую утку». После той аварии Колин сам стал считать себя изгоем, которого ненавидят даже в Дорне. В конце концов, все это вполне могло подействовать ему на голову.

— В первое время — да, но не «в конце концов». Меня бы не удивило, если бы он тронулся умом сразу после инцидента или вскоре после этого: начал бы чудить на круизном лайнере, выкладывая из акульих плавников силуэт автомобиля. Все это можно было бы объяснить. Однако нам подсовывают нечто иное. Хотят внушить, что по-

сле катастрофы Колин Ривер на время впал в истерическое состояние и вбил себе в голову, что должен вступить в Иностранный легион и тому подобные глупости. Вскоре его отговорили, успокоили и убедили отправиться в морской круиз, как переутомившегося школьника. Что происходит дальше? Судя по его письму, ему все это понравилось, он вошел во вкус и стал получать удовольствие от жизни. Потом приходят новости о болезни отца. Заметь, не о том, что он при смерти, а всего лишь сообщение о затянувшейся простуде, которая может быть опасной. Тут нет ничего такого, от чего Колин мог потерять голову, но даже если бы это случилось, почему он не проявил свое безумие сразу? Почему в буквальном смысле не сиганул за борт, когда они находились в море? Такое порой случается. Вместо этого Колин Ривер решил вернуться домой — поступок разумного человека, а не психопата. По дороге он, очевидно, вел себя нормально, иначе его поведение обратило бы на себя внимание и кто-нибудь связался бы с родственниками. Итак, Колин благоразумно отправляется домой — и тут вдруг, ни с того и ни с сего, прямо в поезде теряет разум и память. Выбрасывает в реку два чемодана, пальто, трость, деньги и паспорт, прибывает на какую-то из соседних станций абсолютно незамеченным, несмотря на свое странное поведение и на то, что он не кто-нибудь, а Колин Ривер, и начинает бродяжничать по округе. Как по-твоему, это звучит правдоподобно?

— Ну... если все подать в таком виде, то, наверное, нет. Слишком натянуто. А может, он просто ударился в запой? Это вполне вероятно, хотя семье вряд ли понравится такая версия.

— Дорогая, тебе когда-нибудь приходилось пьянствовать в Шотландии без денег в кармане? А если приходилось, то удалось ли тебе при этом остаться незамеченной? Когда я говорю «без денег», то не имею в виду, что у Колина не нашлось бы пары шиллингов, чтобы заплатить за выпивку. Вопрос в том, что у него не было денег на взятку полицейскому. Первое, что должны были подумать по-

лицейские, когда к ним явились родственники, — то, что он напился и его ограбили. Они должны были прочесать все городские пабы и притоны, а заодно и несколько ломбардов. Между тем, когда нашли Колина Ривера, на руке у него были отличные часы, наверняка очень дорогие. Допустим, в каком-нибудь темном переулке на него набросилась кучка забулдыг, но как он потом оказался на дороге недалеко от дома? Если бандиты знали, кто он, то какая наглость с их стороны! А если не знали, то какое совпадение! Нет, в этом явно есть какой-то умысел, хотя, должен признать, чертовски сложный. То, что произошло, результат действия чьей-то сильной воли, а не поступков пьяницы или лунатика.

— Хорошо, пусть это убийство. Раз уж ты не хочешь говорить о подозрениях, я сделаю это сама. Предположим, кто-то должен был получить большую выгоду от страховки Колина, благодаря завещанию Дональда Ривера. Он убивает Колина, но обнаруживает, что сделал это преждевременно: смерть не покрывается страховкой из-за невыплаченных взносов. Поэтому сначала он должен убедиться, что страхование оплачено, и лишь потом положить тело. Ах, я забыла про понедельник. Ну, хорошо, значит, сначала он подложил труп в понедельник утром, думая, что с премией все в порядке, а потом вдруг оказалось, что взноса не было, и он спрятал тело на пару дней, пока Дональд Ривер не выслал чек. По-моему...

— Ключевое слово тут — «вдруг», кстати, спасибо, что его озвучила. Согласись, преступник вряд ли мог узнать про проблемы со страховкой в тот короткий промежуток, когда Макуильям бегал к дому. На все ушло не более двадцати минут. Получается, что он услышал про неоплаченный взнос в течение той ночи, то есть в ночь на двенадцатое февраля. В таком случае, каким же ему надо быть идиотом, чтобы дожидаться, пока тело найдет Макуильям, вместо того, чтобы увезти его под покровом темноты? Нет, тут что-то не клеится.

— Согласна. Так или иначе, тебе предстоит провести долгий день в поисках преступника, а это, насколько я знаю твои методы, означает ходьбу по барам. Так почему бы нам пока не подкрепиться хорошим ланчем? Ты не представляешь, Майлз, как мне хочется показать тебе местных дам! Честное слово, ты не пожалеешь! Я мечтала обсудить их с тобой вчера вечером, а тебя рядом не было. Сногсшибательные старушки!

Глава 11

ЧЕРТОВА ВПАДИНА

Отель «Блэруинни» — так же, как многие церкви у шотландцев именуются не в честь святых, а по районам и кварталам, где они построены, так и в названиях их гостиниц часто фигурируют не львы, драконы и прочие геральдические звери, а сам город, — был задуман как водолечебный курорт, но со временем стал обычным местом отдыха для гостей из Глазго, которые любили проводить здесь выходные, сидя на веранде в шезлонгах и рассматривая окрестности. Не стану описывать его подробное устройство, поскольку он вполне соответствовал своему типу, и этот тип всем хорошо известен. Достаточно сказать, что он нес на себе отпечаток тяжеловесного комфорта и апеллировал не столько к воображению, сколько к солидности и порядку. Ни его архитектура, овеянная духом шотландской старины, ни интерьеры, выполненные в том же стиле, не располагали к богемной жизни. Известный остроумец, который, перефразируя Аристотеля, однажды сказал, что мораль — это золотая середина между двумя крайностями: аморальностью и балморальностью*, мог бы указать на отель «Блэруинни» как на квинтэссенцию последней. Конечно, в наше развращенное время и тут находились юнцы, которые в фэйф-о-клок подкатыва-

* Имеется в виду балморал — шотландская шерстяная пряжа.

ли к подъезду на спортивных машинах и заказывали крепкие коктейли, но они никогда не останавливались в номерах. Сама местная атмосфера исключала подобное. Однако нельзя сказать, чтобы здесь царило полное уныние, как в большинстве водолечебниц. Отель не только имел лицензию на продажу алкоголя, но и мог похвастаться сомнительной пристройкой, выходявшей в соседний переулок, где усталый прохожий всегда мог промочить горло и утолить жажду в знойный день. Излишне говорить, что два этих заведения, бар и гостиница, работали в строгой изоляции друг от друга.

Несмотря на то, что часть клиентуры приезжала в «Блэруинни» скорее за отдыхом, чем за лечением, слово «водолечебница» гордо красовалось на его фасаде, и когда доктор Парвис появлялся здесь со своим черным саквояжем, это воспринималось не как недостаток, а как реклама. Здоровье постояльцев буквально начинало бить ключом от одной мысли, что, если что-то пойдет не так, ими будет заниматься не кто-нибудь, а сам доктор Парвис. Впрочем, сам доктор относился к своим визитом настолько серьезно, насколько этого хотелось управляющим. Он был твердо убежден, что любой человек, приехавший лечиться в «Блэруинни», является *malade imaginaire*^{*}, и старался посещать отельных пациентов в самом конце своего утреннего обхода. Вот почему Майлз Бридон, который провел предыдущий день в бесполезных телефонных разговорах, а ночь — в столь же бесплодных размышлениях, столкнулся с ним у дверей только в половине двенадцатого, когда уже собирался отправиться вместе с женой на Чертову впадину.

— Здравствуйте, доктор, — сказал он. — Никогда не догадаетесь, куда мы едем.

Когда доктор Парвис узнал про его план, на его лице появилась смесь удивления и насмешки. Бридон поспешил объяснить, что не верит в версию майора про боль-

* Мнимый больной (*фр.*).

шевистский заговор, однако допускает, что Колин по каким-то своим соображением уединился в этом месте, где могли остаться следы его пребывания. Лицо доктора стало вдруг серьезным.

— Знаете, мистер Бридон, прогулка на Чертову впадину в такое время года может быть опасна, особенно для людей, незнакомых с местностью. Из-за морозов склоны становятся скользкими, надо хорошо знать дорогу. К сожалению, в ближайшие полчаса я должен осмотреть одну старушку, которая живет наверху. Она здорова как мул, но воображает, будто у нее что-то серьезное. Если вы согласны немного подождать и не боитесь опоздать на ланч, то я готов составить вам компанию.

Бридон принял его предложение с энтузиазмом, не потому, что сомневался в своем альпинистском мастерстве, а просто хотел продолжить знакомство с доктором. Был уже полдень, когда Анджела села за руль, и они тронулись в путь, сначала по центральной магистрали, а затем по узким проселочным дорогам, где две встречные машины не могли разъехаться, не свернув на обочину. Низкие ограды из камней тянулись в разные стороны по унылым холмам, чередовавшимся с болотной пустошью; кое-где торчали одинокие дома, черневшие печными трубами; над горными ручьями висели хрупкие мосты, которые, казалось, может унести следующее же половодье. Но даже здесь попадалось множество пересекающихся дорог, и на каждом перекрестке приходилось сверяться с картой. Дело осложнялось тем, что шотландцы не любят признавать малонаселенность своих земель и указывают на дорожных знаках название любой фермы, расположенной в радиусе нескольких миль. В конце концов, свернув в какие-то ржавые ворота, болтавшиеся на одной петле, они съехали с последней дороги и медленно поползли по земляной колее, плавно поднимавшейся в гору. Ветки сухого дрока скребли о бока автомобиля, колеса с хлюпающим звуком выдавливали жижу из заболоченного торфа. Лохматые овцы, давно отвыкшие от

вторжений автомобилистов, испуганно разбегались во все стороны.

Но даже в Шотландии существуют места, где нельзя проехать на машине. Когда они двинулись вперед пешком, им показалось, будто дальше тянется бесконечная равнина, но не прошло и десяти минут, как эта иллюзия рассеялась. Постепенный подъем в гору вдруг закончился крутым обрывом, и они остановились в двух шагах от широкой впадины, в глубине которой неожиданно открылся лилипутский мир — с крошечными машинами, узкими ленточками дорог, карликовыми церквушками и миниатюрными фермами.

Путешественникам пришлось вытянуть шеи, чтобы заглянуть через край и увидеть чуть ниже ровную площадку примерно пять футов шириной, а перед ней — темный вход в пещеру. Спуск казался не таким уж трудным, но голова невольно кружилась при мысли, что может произойти, если сделать один неверный шаг.

— Я пойду первым, — предложил доктор Парвис. — Так мне будет удобнее указывать вам путь, да и руку протяну в случае чего. Ничего не делайте, пока я вам не скажу.

По тому, как ловко доктор начал спускаться вниз, было видно, что он опытный скалолаз. Уже через две минуты Парвис стоял перед пещерой, нахмутив брови и удивленно глядя в ее проем.

— Кажется, вы попали в точку! — крикнул он снизу. — По крайней мере, здесь точно кто-то был. Спускайтесь по моим следам и держитесь не за камни, а за стебли дрока, камни скользкие, а ветки вас удержат.

Бридон вызвался идти вперед и взял с Анджелы обещание, что она не ступит на тропу, пока не убедится, что он благополучно добрался вниз. Несколько минут она следила, как муж спускается к площадке, где возвышалась темная фигура доктора. Сама она проделала спуск легко и быстро, думая не столько об опасности, сколько об ожидавших их открытиях.

— Вот видите! — Доктор Парвис указал на пару белых спичек, лежавших на песке площадки, чистых и свежих, словно их уронили только вчера. — Кстати, нам самим понадобятся спички, — добавил он. — Жаль, я не захватил фонарик, он бы пригодился.

Доктор чиркнул спичкой и поднес ее к проему, прикрыв рукой от ветра.

— Смотрите! — воскликнул он. — Нам даже не нужно заходить внутрь. Что вы скажете об этом?

На ровной поверхности скалы в том месте, где ее поверхность была отполирована каплями струившегося сверху родника, виднелась вырезанная кем-то надпись. Разумеется, надписей вообще было много: летом на Чертовой впадине частенько устраивались пикники, и посетители любили оставлять тут свои автографы. На одном куске стены красовались два переплетенных сердечка, на другом — «Дж. Элфинстон из Глазго». Но эта надпись сразу бросалась в глаза, потому что была свежей, кроме того, она выделялась своей длиной — писавший даже очистил от мха кусок скалы, чтобы хватило места. Они прочитали:

«К.Р. XIII. II (далее следовал текущий год). ЗДЕСЬ ОН ОБРЕЛ ПОКОЙ». Было похоже, что в конце оставили свободное пространство, чтобы закончить цитату. Все слова состояли из заглавных букв, а цифры были римскими, кроме года, написанного в арабском стиле. Самое интересное — по крайней мере, для тех, кто сейчас рассматривал скалу, — заключалось в том что в числе «XIII» последняя «I» была перечеркнута бледной, но хорошо видимой чертой.

— Ух ты, — прошептала Анджела.

Ее муж наклонился ближе, внимательно разглядывая надпись и царапину на скале. Несомненно, это была не просто трещина или какой-то изъян камня, существовавший здесь всегда. Бридон мог даже различить — или ему просто мерещилось? — что поперечная черта на «I» появилась позднее, чем сама цифра: кажется, она слегка поцарапала ее края.

— Доктор, — произнес он, — взгляните на это. Как по-вашему, черта, перечеркивающая цифру «I», сделана той же рукой, что и сама цифра?

Доктор Парвис, сохранявший невозмутимость, ответил с присущей ему рассудительностью.

— Про руку не скажу, а вот проведена она другим инструментом. Видите, здесь линия гораздо толще? Судя по всему, сама надпись была сделана острым краем камня: вокруг полно подходящих обломков.

— А почему не ножом?

— Нож режет гораздо тоньше, конечно, если им не выдалбливать дерево. Нет, скорее можно предположить тупой металл, например, браслет от ручных часов или нечто подобное. Но камень — самый правдоподобный вариант. Правда, если писавший обнаружил, что ошибся с датой и захотел исправить число тринадцать, старого инструмента уже могло не оказаться под рукой или ему не хотелось использовать тот же самый. Он взял другой, с более широким и мягким наконечником. А может, его рука просто ослабела, и он не сумел вывести черту так же четко, как цифру.

— Вы думаете, это сделал один и тот же человек?

— Простите, мистер Бридон, но детектив здесь вы, а не я. Я лишь врач, привыкший иметь дело с плотью и кровью, а не с наскальными рисунками вроде этих. Могу только заметить, что зимой тут пустынно, и люди отнюдь не спешат выстраиваться в очередь, чтобы полюбоваться Чертовой впадиной при плохой погоде. Давайте посчитаем: сегодня четверг, значит, надпись вырезали всего десять дней назад. Или одиннадцать, если считать, что число тринадцать написали по ошибке.

— Мы так и не войдем в пещеру? — поинтересовалась Анджела тоном обиженной девочки, которой отказали в лакомстве.

Доктор вежливо отступил в сторону:

— Только после вас, миссис Бридон. Если не вы, мы бы так и спорили до вечера.

Но Анджела не рвалась вперед.

— Можете считать меня трусихой, но я бы предпочла, чтобы ты пошел первым, мой милый Майлз. Честно говоря, это выглядит жутковато.

Действительно, любая пещера представляется нам чем-то заманчивым и в то же время устрашающим. Антропологи, вероятно, не преминут заметить, что в этих чувствах сказывается память наших предков, сформировавшаяся в те древние времена, когда вопрос о том, кто обитает в подобном месте, являлся вопросом жизни или смерти. Пещеры циклопов, Какоса и Али-Бабы, пещеры разбойников, пиратов и контрабандистов, пещеры, где скрывались ковенантеры или якобиты, спасавшиеся от своих преследователей, — все эти старые истории довлеют над нашим прошлым и несут в себе угрозу. А пещера, где еще совсем недавно обитал какой-то человек, наполняет нас особым чувством. Даже если мы твердо знаем, что он уже умер и поэтому не может находиться внутри, это не слишком успокаивает наши нервы... тем более, если его тело имеет странную привычку исчезать и появляться в самых неожиданных местах.

Майлз, впрочем, был далек от подобных предрасудков. Наклонив голову, чтобы не стукнуться о низкий свод, он шагнул вперед, чиркнул спичкой и огляделся по сторонам. Первое, что привлекло его внимание, — огарок свечи, стоявший на каменной полке на высоте его поднятой руки. Он поднес к нему спичку, и над воском, издав легкий треск, замигал язычок пламени. Рядом со свечой обнаружилась другая, более длинная и лежавшая на боку. Тут же валялась почти полная коробка спичек, выпущенная в Шотландии и имевшая патриотичную этикетку (хотя производителя давно уже купила английская компания). Сама полка была скорее выступом в скале, не особенно ровным, но достаточно широким и выполнявшим функции шкафчика или буфета. Бридон обнаружил на ней консервы с копченым языком: банка была открыта, и ее содержимое выглядело

вполне аппетитно, что не должно никого удивлять, если вспомнить, что в полной темноте и на холодном воздухе пища хранится долго. Рядом стояла жестяная коробка с печеньем, абсолютно пустая, чуть дальше валялась бумажная обертка от шоколадного батончика. Больше еды не было, зато имелись туалетные принадлежности: зубная щетка, которую детектив предполагал найти на трупе, и баночка с зубным порошком, почти использованная. Бридон хорошо знал эту марку порошка, не без волнения он вспомнил, что такая же стояла на туалетном столике Колина Ривера. В углу пещеры лежал сухой хворост, хотя поблизости он не заметил ни чайника, ни какой-либо посуды для приготовления пищи. Не имелось здесь также ни одежды, ни книг, ни каких-либо удобств: обитатель пещеры ограничил себя самым необходимым.

— Как насчет еды, доктор? — спросил Бридон. — Сколько на ней можно протянуть?

— Ну, если правильно распределить ее, то, пожалуй, три или четыре дня, хотя для холодной погоды это будет маловато. Как видите, он съел почти весь язык... Правда, совсем другое дело, если не беречь припасы, а питаться в любое время, когда голоден или просто хочется перекусить. Если предоставить человека самому себе, он использует все это за один день, максимум за полтора. Кстати, когда нашли труп, мы не заметили никаких признаков голодания. Конечно, можно предположить, что он ел гораздо больше, чем то, что здесь осталось.

— Наверное, вокруг пещеры можно найти консервные банки.

— Да, но не забывайте, что, находясь на высоте, человек любит бросать что-то вниз, просто чтобы посмотреть, как это летит.

— Вы правы. Честно говоря, я предполагал, что еды будет гораздо больше. Хотя... Анджела, — Бридон повернулся к жене, — что, по-твоему, не хватает в этой пещере? Так сказать, по хозяйственной части?

Анджела хорошо знала, когда от нее требуется быть собранной и серьезной. Она наморщила лоб и огляделась по сторонам, словно стараясь представить обитателя пещеры.

— Мыла, — ответила она.

— Верно, — кивнул Бридон. — Доктор Парвис, мне нужен ваш совет не как врача, а как местного жителя и друга семьи. Что мы должны сделать с этими вещами? Вынести их и уничтожить? Отдать семье? Оставить здесь?

— На вашем месте я бы оставил все здесь, учитывая то, что вы можете захотеть показать их кому-нибудь другому. Вынести вещи можно позднее, когда вы закончите свое расследование. Не волнуйтесь, что сюда явится кто-то еще: до апреля тут не будет ни одного туриста или любителя пикников, это я вам гарантирую.

Совет был принят, и они вышли из пещеры, задержавшись у ее входа для того, чтобы снова прочитать печальную надпись.

— «Здесь он обрел покой», — произнес доктор Парвис подобающим случаю торжественным тоном.

— Да, конечно. — В голосе Бридона прозвучала нотка горечи. — Вопрос только — кто?

Глава 12

АНДЖЕЛА ЗНАКОМИТСЯ С ОБЩЕСТВОМ

В отеле «Блэруинни», как и во всяком другом, имелся дворик с небольшим садом, достаточно унылым, чтобы никто, включая самых благожелательных постояльцев, не захотел бы иметь его в собственном доме. Никто не знает, почему гостиничные сады должны быть непременно безобразными, это просто факт, не требующий объяснений. Сад, о котором идет речь, включал в себя узкие дорожки с хрустящей галькой, квадратные лужайки, на ко-

торых никто не играл в крокет, мрачные туи, заключенные в гигантские горшки, тощие аллеи пыльных лавров и летние домики, настолько убогие, что даже местные работники не делали вид, будто они годятся для гостей, и хранили в них садовый инвентарь. Росли здесь и деревья, но в основном чилийские араукарии, столь же банальные, как герань или фикус. Высаживались и цветы, но такие скучные, словно их выкопали в городском парке. Садовник, похоже, занимался только тем, что стриг лужайки и ровнял дорожки с помощью граблей. Клумбы были выложены крупными камнями, выкрашенными в белый цвет. И, неизвестно почему, в каждом уголке пахло бензином.

В такой неприглядной обстановке, впрочем, не обращая на нее никакого внимания, Бридон и доктор Парвис прогуливались после обеда. Следует заметить, что доктор остался на обед и даже согласился выкурить сигару-другую. Бридона восхищала неторопливость доктора: качество, которое в отношении других позволяло заподозрить скрытность или педантизм, но в случае Парвиса свидетельствовало только об эпикурейском вкусе к истине. Доктор отнюдь не сторонился вопросов детектива и проявил себя как полезный источник информации.

— Утром вы сказали, что у Колина Ривера не было признаков голодания, — произнес Бридон. — Вы сами это видели?

— Да, хотя и не собственными глазами. Когда нашли тело, мне позвонили, но я был занят с одним пациентом, попавшим в аварию. Естественно, они торопились и пригласили моего коллегу, доктора Маклохлина из Пенстивена. Это он осмотрел труп и делал вскрытие.

— Как вы думаете, доктор не мог ошибиться насчет времени смерти?

— По его словам, когда он увидел тело, на нем уже были явные признаки окоченения. А их вряд ли с чем-либо спутаешь. Но если вы хотите спросить, ошибаются ли врачи в своих диагнозах, мистер Бридон, то я могу вам рассказать много историй на эту тему. В общем,

в Дорн я попал только после утреннего обхода, а это было уже в полдень. Я приехал туда скорее не как врач, а как друг семьи.

— В таком случае, надеюсь, вы поможете мне разрешить несколько вопросов, которые меня интересуют, но я не решился задать вам их, когда находился в Дорне. Прежде всего, был ли Колин Ривер от природы настолько бледен, что цвет его лица — скажем, в состоянии сна, — мало чем отличался от цвета лица после смерти?

— Особой живостью он не блистал, мистер Бридон. Кожа всегда имела мертвенный оттенок. Но все-таки лицо живого человека и лицо мертвеца — не одно и то же.

— Спасибо. Другой вопрос: вы не видели, что было найдено в его карманах? Или, может, вам кто-нибудь говорил?

— Я сам попросил показать мне вещи. Вы, наверное, помните, что я был среди тех людей, кто последовал за Макуильямом в понедельник. Естественно, меня заинтересовала вся эта история. В карманах обнаружили мало, можно сказать, ничего: несколько шиллингов серебром, носовой платок и пару ершиков для чистки трубки.

— Ершики для чистки трубки? Притом, что при нем не было ни трубки, ни табака. Колин Ривер курил?

— Больше, чем позволяло здоровье. Да, я удивился, что трубку не нашли, потому что, если бы какой-нибудь бродяга обчистил его карманы, он бы забрал серебро и оставил трубку.

— А как он был одет? Насколько я понял, не так, как люди, занимающиеся пешим туризмом. На одежде были следы непогоды? Грязь на туфлях? Может, он отрасстил бороду? Все это естественные вопросы, учитывая наши утренние находки.

— Насчет туфель трудно сказать определенно: на них остались следы соломы, словно Колин ходил по полю, но земли не было. Воротничок был грязным, а костюм испачкан, что неудивительно, если он действительно жил в той пещере. Но при этом Колин был тщательно выбрит.

— Солома на ботинках? А как насчет мелких частиц на одежде — песок, ворсинки, пух? Часто они дают ценные подсказки.

— На одежде тоже заметили соломинки, налипшие в разных местах. Совсем маленькие.

— Значит, солома... Ладно, идем дальше. На нем были наручные часы, вероятно, они остановились?

— Естественно.

— В какое время?

— В половине четвертого.

— Либо задолго до смерти, либо, наоборот, часом или двумя позднее. Похоже, он совсем не спал. Даже если люди ложатся спать в пещере, поужинав только шоколадом и копченым языком, вряд ли они забудут завести часы, это въедливая привычка. Жаль только, что циферблат показывает двенадцать часов, а не двадцать четыре. Или, в нашем случае, семьдесят два. Впрочем, в них просто мог сломаться механизм.

Доктор Парвис усмехнулся:

— Боюсь, вы подумаете, будто я изображаю детектива, но все-таки скажу: пару раз я покрутил заводную головку, и часы сразу завелись.

— Доктор, вы должны работать сыщиком! У вас есть для этого все необходимые качества. К сожалению, это не поможет нам установить, когда наступила смерть — в ночь на понедельник или на среду. Но меня немного смущает, что часы вообще остановились. Во вторник днем Колин был еще жив и наверняка смотрел на время. Однако любой человек, увидев, что его часы остановились, заведет и пустит их снова, что не так уж разумно, если нет возможности выставить точное время. Значит, они остановились уже после смерти, примерно в три часа ночи. А отсюда следует, что Колин всю ночь провел вне дома. Может, потерял сознание и несколько часов лежал у дороги. Если так, то вам не кажется, что это должен был заметить какой-нибудь добрый самаритянин, проезжавший по шоссе?

— В наше время на дороге чаще попадаются не самаритяне, а фарисеи и левиты. Увы, большинство тех, кто оказывается на шоссе в поздний час, не станут тормозить, заведя незнакомца. Скорее всего они проедут мимо, решив, что это какой-нибудь пьяница или бродяга. Ночь была холодной, но без сильного мороза.

— Все равно, после шумихи в газетах... Обычно фары ярко освещают придорожные камни, и на их фоне трудно не заметить темную фигуру. Честно говоря, доктор, меня сильно удивляет полное молчание местных жителей относительно молодого человека, которого они могли видеть или о котором могли слышать в последние несколько дней.

Разговор продолжался дальше, но приводить его не имеет смысла, поскольку он касался вещей, уже известных читателю. Тем временем Анджела, оставив мужчин одних, — она знала, что разговоры тет-а-тет развязывают им языки, — попала в руки негласной королевы отеля «Блэруинни» миссис Уочоуп. Это была солидная пожилая дама, чью страсть к посещению подобного рода водолечебниц можно было отнести к одной из необъяснимых странностей человеческой природы. Буквально с первого взгляда становилось ясно, что она принадлежит к правящему классу или тому, что теперь принято так называть, настолько она была уверена в себе, резка на язык и равнодушна к бесчисленным правилам и тонкостям хорошего тона, какие в нас усердно вколачивают с помощью книг по этикету. Среди других дам из Глазго миссис Уочоуп сияла подобно бриллианту среди фальшивок и подделок. Увидев ее, вы не могли усомниться, что она на короткой ноге с лучшими представителями графства и легко могла бы получить приглашение в Дорн, если бы этого хотела. Она сидела с вышивкой в большом плетеном кресле посреди сада и, увидев Анджелу, подозвала ее к себе.

— Сюда, сюда, милая! — воскликнула миссис Уочоуп. — Поговорите со мной! Когда доживете до моего возраста, поймете, что для нас, старых перечеиц, очень важно об-

щаться с молодыми женщинами вроде вас, тогда все подумают, будто нас еще рано сдавать в утиль. Но сначала возьмите свое вязание, терпеть не могу, когда кто-то глазеет на мою вышивку и думает, до чего она уродлива. Только возвращайтесь сразу и никуда не исчезайте, хорошо?

Анджела охотно исполнила ее просьбу, миссис Уочоуп, несмотря на властные манеры, была приятной женщиной и, кроме всего прочего, могла рассказать о Дорне и об истории жившего там семейства. Излишне упоминать, что она была прекрасно осведомлена обо всех старых домах Шотландии и знала про них каждую мелочь: кто на ком женился, кто у кого купил поместье, за какую цену, когда и по какой причине. Шотландцев никто еще не упрекал в пренебрежении к своим корням.

— Позвольте спросить, что вы делаете в «Блэруинни»? — спросила миссис Уочоуп, когда Анджела присоединилась к ней с вязанием. — Ясно, что не для лечения. Глядя на вас, не скажешь, что вы болели хоть раз в жизни. И уж тем более вы не похожи на человека, которому нравится проводить время в обществе старых гримз, собирающихся в этом отеле. Давайте я озвучу вам свою версию, а вы пока сочините какую-нибудь правдоподобную историю, если не хотите сказать правду. Я думаю, что один из вас — не знаю, кто именно, — решил написать роман о провинциальных нравах и приехал сюда, чтобы изучить здешних чудаков и простофиль. Так и вижу, как вы с мужем смеетесь, обсуждая нас за ужином. «Кто эта старая ведьма?» — спрашиваете вы, глядя на мой столик. Нет, умоляю вас, не говорите мне, что не пишете роман, я буду страшно разочарована.

Анджела решила, что честность — лучшая политика. Миссис Уочоуп чрезвычайно порадовал ее рассказ.

— По-моему, это прекрасный способ зарабатывать деньги, — заметила она. — Я всегда восхищалась теми, кто ухитряется надувать страховые компании, потому что люди, ими управляющие, настоящие людоеды, и у них зи-

мой снега не выпросишь. Значит, Дональд Ривер обратился в «Бесподобную»? Ну, еще бы, он всегда любил выжимать деньги из чего угодно. Премилое местечко этот Дорн! Вы там не бывали? Непременно попросите мужа свозить вас туда. Этот несчастный молодой человек... Странная история, не правда ли? Впрочем, в нем всегда было что-то неправильное, все считали его не совсем нормальным. Вы, конечно, знаете, что с ним случилось в детстве?

— Нет, я вообще ничего не слышала о Риверах, пока мой муж не занялся данным делом.

— Ну, да, вы ведь с Юга. Так вот, это история, которую я обычно не люблю рассказывать, не потому, что осуждаю сплетни, а просто терпеть не могу использовать длинные слова, если не уверена в их произношении. Короче, когда Колину было лет пять, выяснилось, что он пироманьяк. Надеюсь, я правильно сказала? Только не спрашивайте, как это пишется, я все равно не знаю.

— Жаль, потому что потом я хочу посмотреть в словаре, что это означает.

Миссис Уочоуп рассмеялась.

— Люблю честность! Раньше я сама часто проверяла длинные слова, если встречала их в книгах, но в последнее время все они значат нечто столь ужасное, что я предпочитаю не смотреть. Краснею до ушей и читаю дальше. Впрочем, пиромания — кажется, звучит так, — к ним не относится. Это вполне респектабельная вещь, хотя и не совсем удобная для общества, особенно для страховых компаний. Так называют непреодолимое желание поджигать все на свете, например, дома, и самое удивительное в том, что вы потом ничего не помните. Нечто вроде лунатизма, но в другом роде. Пару раз Колина поймали за этим занятием, когда он был еще мальчишкой, и всех это очень расстроило, потому что Дорн может вспыхнуть от одной спички, как сухой хворост, а там есть много чего ценного, как вы понимаете. Позднее, правда, стали говорить, что он «из этого вырос», и его отправили в школу как обычного ребенка. Ничего ужасного вроде не прои-

зошло, хотя вначале все считали, что ему придется ходить с огнетушителем на спине, ну, знаете, как те, кто что-то рекламирует на улице. Согласитесь, трудно понять, вырос человек из чего-то или нет. В любом случае Колин всегда ходил подавленный и нелюдимый, и Дональду Риверу приходилось с ним тяжело. Доктор Парвис говорил, что его надо усыпить. Вы знаете доктора Парвиса? Он просто помешан на правде. По-моему, это какая-то болезнь, правдомания или как там ее еще назвать. Причем часто более опасная, чем пиромания.

— Я слышала, что упоминали про какое-то семейное проклятие, — заметила Анджела. Ей хотелось, чтобы миссис Уочоуп продолжила тему Риверов.

— Насчет того, что старший сын никогда не сможет получить наследство? Да, есть такое, — произнесла миссис Уочоуп. — Хотя, если вспомнить, как много старших сыновей проматывают состояние, я бы назвала это скорее благословением. Если уж на то пошло, наследовать поместье в наши времена — само по себе проклятие. Возьмите хоть Генри Ривера — это тот самый кузен, которому достанется поместье, — на ком он женился? На натурщице, если не ошибаюсь. В любом случае на особе, на которых в прежние времена никто не женился. Я знаю, что Дональд Ривер всегда упрекал его в этом. Потом она умерла. Так вот, ему придется много попотеть, чтобы как следует управлять поместьем, разумеется, после того, как он оплатит наследственную пошлину. Если бы поместье унаследовал Колин, и если бы он при этом не женился, Генри Ривер разорился бы на одних налогах. Кстати, этот кузен — тот еще подарочек, тоже своего рода проклятие. Вряд ли кто-то в поместье мечтает о подобном хозяине. У него жуткий характер, и всегда был такой. Правда, при Колине поместье разорилось бы, это точно, если бы только он не завел бы себе жену, которая позаботилась бы и о хозяйстве, и о нем самом. Раньше ходили слухи, будто Колин влюблен в дочь доктора Парвиса. Он вдовец, и всегда им был, то есть я хочу сказать, что он уже овдо-

вел к тому времени, когда сюда приехал. Девочка у него премиленькая, но я не думаю, что тут было что-то серьезное. Она стала бы для Колина неплохой женой, если бы удержала его от бутылки. Ну, все, дорогуша, очень мило, что вы согласились со мной посидеть и поболтать, но, увы, мне пора идти в своей номер и немного отдохнуть. Я забочусь о цвете лица так же ревностно, как реставратор о памятнике старины. Вы, конечно, думаете, будто я покрываю его какой-нибудь новомодной штукатуркой, как обычно делают с ветхими домами? Уверяю вас, это не так. Увидимся позднее, и, пожалуйста, не обсуждайте меня с мужем за ужином, я от этого так нервничаю, что забываю, какой рукой брать нож. А, вот и ваш муж. Попросите его как-нибудь свозить вас в Дорн непременно.

Бридон и Парвис уже возвращались со своей прогулки.

— Я вас хотел спросить еще кое-что, — сказал Бридон, — хотя и по другому поводу. Возможно, вы не знаете ответа или не захотите отвечать. А вопрос такой — знают ли в обществе о том, что Дональд Ривер написал в своем завещании? Это существенный момент.

— Трудно сказать наверняка, мистер Бридон. По крайней мере, ни для кого ни секрет, что в ту скверную ночь, когда ему стало совсем плохо, — то есть в воскресенье, — старый джентльмен сделал свои распоряжения, а его дворецкий и я были свидетелями. Вряд ли он хотел, чтобы его завещание стало известно, иначе обратился бы к мистеру Хемертону. Впрочем, какой смысл строить догадки?

Глава 13

ЛЕКЦИЯ О ЧИСЛАХ

— Итак, — произнес Бридон, опустившись в плетеное кресло, — ты избавилась от императрицы Евгении.

— О, мой милый, мы ошибались на ее счет — она совсем не унылая старуха. Даже лучшие детективы порой попадают пальцем в небо. Она говорит без умолку, но со-

всем не глупо и в хорошем стиле, просто ходячий Мэй-фер. С ней приятно общаться. К тому же интересуется семьей Риверов, которых знает чуть ли не с пеленок. Не думай, что только ты потратил время с пользой.

— Выкладывай. Как ты хорошо знаешь, мне трудно чем-то удивить. Что она сказала о Риверах?

— Например, что Колин Ривер был... Боже, я забыла, как это называется! Пиломаньяк?

— Может, пироманьяк?

— Вот именно. Терпеть не могу, когда ты изображаешь всезнайку. Я узнала кое-что такое, чего ты не распотрошил, проторчав два дня в Дорне и оставив меня чахнуть среди бегоний. Майлз, только не говори, что тебя это не поражает, иначе я расплачусь.

— Меня это поражает. Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что на сей раз могу говорить первой, поскольку это мое открытие. В ночь на среду Колин Ривер был еще жив, потому что это он поджег солому. Вот!

— Ну, раз это твоя версия, могу добавить, что на одежде Колина обнаружили следы соломы. Доктор Парвис только что рассказал мне об этом.

— Все сходится! Майлз, разве ты не доволен?

— Я доволен всем, что делает эту историю хоть немного более понятной. Однако я не сторонник поспешных умозаключений. Факт, что во время смерти Колина произошел пожар, можно естественно связать с его прежними наклонностями. Эта связь не так очевидна, как ты пытаешься представить, но все-таки... Правда, доктор Парвис утверждает, что Колин Ривер много курил и в его карманах нашли ершики для чистки трубок, но никаких следов самой трубки или табака. Не было даже спичек, а они весьма полезны для поджогов. Кроме того, при нем не обнаружили денег, не считая немного мелочи серебром... Впрочем, это нам уже известно.

— Похоже, Колин потерял свое пальто.

— Именно. Только я пошел бы дальше и сказал, что он неожиданно остался без пальто. Обычно путешествен-

ник кладет деньги и табак в карманы пальто или плаща — это удобно, потому что в пути верхняя одежда всегда на нем и ему приходится часто пользоваться деньгами и курить трубку. Но, разумеется, легкий плащ не подходит тому, кто бродит по дорогам и даже живет в пещере. Давай вспомним, что еще мы там видели?

— В пещере? Помню, ты меня спросил, чего там не хватает, а я ответила — мыла. Я слишком хорошо воспитана, чтобы сразу задавать вопросы, но теперь ты можешь мне сказать: я была права?

— Не совсем. Как насчет бритвы и бритвенных принадлежностей?

— О, я об этом не подумала.

— Ну, да, потому что ты женщина. А мужчине это сразу пришло бы в голову.

— Майлз, ты темнишь. Что ты вообще скажешь о пещере? Со стороны майора Генри было очень умно вспомнить про Чертову впадину, верно?

— Это местная достопримечательность, и нет ничего удивительного, что у двух человек могла появиться одна и та же мысль: а где у нас самое лучшее место, чтобы спрятаться? Меня больше интересует, почему Колин Ривер вообще решил укрыться там в такое время года. Зачем ему прятаться? И если уж он это сделал, для чего потом спуститься вниз и бродить по родному поместью, чтобы там и умереть? С какой стороны ни посмотри, это выглядит странно.

— Но ты же не станешь отрицать, что «К.Р.» — это Колин Ривер, учитывая дату? А разве цитата не взята из той книги Стивенсона, которую он читал? Майлз, у него просто помутился разум, и я уже сто раз тебе говорила. Бесполезно размышлять, почему они поступают так, а не иначе. Они действуют как во сне.

— Я бы сказал, Колин действовал как в кошмарном сне. Ну, хорошо, если он написал на стене «тринадцатое февраля», то зачем он взял и все испортил, перечеркнув последнюю единицу, словно речь шла о двенадцатом числе?

— Люди часто путают даты. У меня тоже так бывает, я думаю, что сейчас уже завтрашнее число, а потом спохватываюсь и исправляю цифру. Ты же видел мои письма. Может, это была просто случайная трещина на стене.

— Господи, помоги этой женщине! Она говорит так, словно это что-то меняет. Если у Колина Ривера не было таких заскоков с датами, какие, по твоим словам, есть у тебя, тогда он действительно написал это тринадцатого числа и в таком случае его мертвое тело не могли найти у дороги в то же утро. По крайней мере, это маловероятно, ведь он вряд ли сделал надпись раньше, чем рассвело.

— Почему?

— Иначе Колин работал бы со свечой. А человек, пишущий при свече, постарался бы зайти глубже в пещеру, подальше от сквозняка. Если надпись сделана у входа, значит, он писал при свете дня, причем довольно ярком, иначе ему мешала бы тень.

— Ты прав. Но бедняга избавил бы нас от множества проблем, если бы нацарапал дату обычными английскими цифрами, а не римскими. Почему он так не сделал? Они ведь короче.

— Зато в них есть закругления. Похоже, в школе тебя никогда не заставляли вырезать свое имя на доске. Иначе бы ты знала, что резать легко, пока делаешь прямые линии. Проблемы возникают, когда они начинают изгибаться. Римляне, дорогая Анджела, — раз уж ты хочешь услышать лекцию по палеографии, — сначала выбивали свои надписи на надгробиях и тому подобных местах, поэтому цифры у них в основном прямолинейные. Арабы же использовали перо и чернила и могли позволить себе округлости. Колин Ривер и так намучился, вырезая свои инициалы, и ему не хотелось тратить лишние усилия еще и на цифры. Пока он не добрался до года, разумеется, писать год римскими цифрами чересчур длинно, ему бы не хватило места. Но чтобы исправить дату, Колину пришлось бы сильно попотеть, стирая лишнюю единицу, на которую

ушло столько трудов. Поэтому он должен был дважды подумать, прежде чем написать число.

— Хорошо, пусть будет тринадцатое. Но на скале была трещина, она перечеркивала последнюю «I», а он этого не заметил, поскольку заканчивал работу вечером. Или его инструмент случайно скользнул вбок, когда надпись была уже готова. Или... хотя все остальные «или» означают, что в пещеру мог заглянуть кто-нибудь еще. По крайней мере, я не представляю, зачем Колина Риверу, потратив столько сил на вычерчивание даты, понадобилось бы исправлять ее на ложную.

— Верно. Вот почему меня так интригует данный факт. Но если в пещере после Колина побывал кто-то другой, то кому могло понадобиться подделывать дату? Что это был за человек?

— Например, Дональд Ривер. Хотя вряд ли он стал бы шататься по болотам, едва оправившись от болезни. Но если это не он, значит, кто-то, кто мог получить выгоду от его завещания.

— Когда я научу тебя правильно выражаться? Не «мог получить выгоду», а думал, что может получить выгоду. И это еще больше усложняет дело. Если бы Дональд Ривер умер, мы бы сразу узнали, кто получил в наследство деньги от страховки. Даже сейчас, когда он так неосторожно выздоровел, мы можем это выяснить, например, спросить его самого. Но нам это ничего не даст, потому что человек в пещере — не тот, кому достанутся деньги, а тот, кто думал, что они ему достанутся; и мы можем предположить, кто это был, только опираясь на догадки. Между тем ты наверняка заметила...

— Что подделка была сделана неправильно? Да, заметила. Если там написано «тринадцать», Компания обязана выполнить свои обязательства по страховому договору. Но если это число «двенадцать», ее обязательства оказываются под вопросом. Вывод: кто-то из директоров «Бесподобной», следуя твоим инструкциям, явился сюда и изменил «тринадцать» на «двенадцать».

— Блестящая версия. Правда, чтобы забраться на эту скалу, каждому из них как минимум полгода пришлось бы просидеть на диете. В то же время, как ты правильно заметила, непонятно, почему кто-то, желая передвинуть дату смерти Колина Ривера, зачеркнул последнюю единицу. Было бы логичнее соединить нижние концы двух последних единиц и получить число XIV.

— Майлз, наверное, меня слишком далеко заносит, но, может, это был двойной обман? Допустим, сначала Колин действительно написал XII. Потом пришел кто-то, кому хотелось заставить Компанию раскошелиться. Почему бы ему просто не дорисовать еще одну «I»? Это легко установить, скажем, он сделал не такой пробел, или работал инструментом не так, как Колин, или просто его цифра чем-то отличается от других, если рассмотреть ее под микроскопом. Как он мог отвести подозрения в подделке? Да очень просто, перечеркнуть ту цифру, которую сам же и написал. Так он снял подозрения с себя, переложив их на другого.

— Анджела, это любопытное предположение.

— Я довольно умна, не правда ли?

— Да, ты довольно умна, именно это и делает тебя такой полезной. Потому что я могу использовать твоё мышление как индикатор мышления других людей, например, преступников. Большинство мошенников, пытающихся обмануть страховые компании, как правило, довольно умны. А вот если бы ты была очень умна...

— Эй, хватит! По-твоему, я сморозила чушь? Ты скажешь, что так в жизни не бывает. Это твоя обычная реакция, когда не знаешь, что делать с моими гениальными идеями.

— В данном случае мне безразлично, как бывает в жизни. Вопрос в том, может ли «довольно умный» человек вроде тебя считать, что такие вещи действительно случаются. Если да, что ж, прекрасно, значит, они порой и происходят. Единственное, чего я не понял, почему, на твой взгляд, поперечная черта выглядит такой бледной?

Казалось бы, наоборот, она должна быть очень четкой, чтобы ни у кого не возникало никаких сомнений... Ну, хорошо, теперь давай вспомним еще раз о том, что в пещере не было бритвы.

— Ты имеешь в виду, что если Колин Ривер находился в пещере уже в воскресенье двенадцатого, то в ночь на среду у него бы уже отросла щетина... Но мы не можем быть уверены, что все случилось именно в ночь на среду! Проклятие! Тогда так, если Колин был в пещере в понедельник двенадцатого, то в ночь на среду его щетина должна была заметно отрасти. Верно?

— Да, это я и хотел сказать. Ладно, давай обсудим вот что: доктор Парвис сказал, что когда нашли тело, у него было мертвенно бледное лицо. Что ты об этом думаешь?

— Вообще-то, я плохо разбираюсь в трупах, но, по моему, этого и следовало ожидать.

— Я не стану говорить тебе про свою версию, потому что для меня важно, как на все это смотрит человек со стороны. Иначе я не смогу трезво оценить факты и начну подгонять их под свою версию. Что тебе еще сказала Императрица? Как, кстати, ее зовут?

— Миссис Учоуп. Ну, она много болтала про их семью. Заявила, что у Генри Ривера — чудовищный характер и ему очень повезло, что Колин умер раньше своего отца, иначе пришлось бы платить двойной налог на наследство. Еще упоминала, что Колин, по слухам, был влюблен в дочь доктора Парвиса. А у доктора мания говорить правду. И что она отдыхает днем наверху, потому что заботится о цвете своего лица.

— Кто — дочь доктора?

— Нет, миссис Учоуп. Майлз, я хочу представить тебя этой даме. Она может положить на лопатки любого собеседника. Получишь удовольствие. Так, кажется, посылный несет тебе телеграмму. По крайней мере, он смотрит на тебя, словно сомневаясь, тот ли ты человек, кто ему нужен. Можешь ее вскрыть, пока я не ушла. Есть новости?

— Нет, скорее их вечное отсутствие, — ответил Бридон, нахмутив брови. — Компания нанимает частные детективные агентства, чтобы разгрести всякую рутинную работу в таких делах, как это. Вопрос в том, хорошо ли они ее делают? В агентстве клянутся, что за последние две недели в Саутгемптоне на берег не сошло ни одного человека по фамилии Ривер.

— Он мог забыть свое имя, если потерял память.

— Да, но таможенники обычно заглядывают в паспорт. А паспортный контроль — вещь серьезная. Только не говори, что Колин мог приехать под вымышленным именем, тогда тебе придется объяснять, откуда он взял фальшивые документы. Боюсь, придется попросить судходную компанию дать телеграмму капитану «Скандермании». Мне бы этого не хотелось, ведь тогда история станет всем известна. Или лучше телеграфировать консулу в Мадейре? Наверное, я так и сделаю.

— По-твоему, консул что-нибудь знает?

— Да, если произошло то, что я думаю. Разумеется, официально я должен сделать это через детективное агентство, но вряд ли Компания станет возражать. В общем, ситуация та еще. Смотри, кажется, это автомобиль Хемертона.

Действительно, это был тот самый «таркуин», который накануне привез Бридона в отель. За рулем сидел сам Винсент Хемертон. Не успел детектив представить его своей жене, как он выпалил привезенную им новость.

— Просто невероятно! Помните, как майор Генри за чаем излагал свою версию о заговоре и говорил, что намерен сам заняться расследованием смерти Колина? Мы только что получили от него письмо, где он уверяет, что обнаружил нечто чрезвычайно важное. Конечно, трудно предположить, что Генри Ривер может счесть «чрезвычайно важным», но поскольку он попросил меня приехать, отказаться было бы невежливо. Про вас майор ничего не пишет, однако я уверен, что он не будет возражать против вашего приезда, раз уж вы занимаетесь нашими про-

блемами. Может, и миссис Бридон к нам присоединится? Вы должны познакомиться с майором, миссис Бридон, это любопытный экземпляр.

Но Анджела объяснила, что хочет написать несколько писем до дневной отправки почты, и Бридон собрался ехать один.

— Что такое мог раскопать майор? — пробормотал он. — Чувствую, скоро я останусь на вторых ролях рядом с таким энергичным конкурентом.

Хемертон рассмеялся:

— Скорее всего, это полная чушь!

Добравшись до перекрестка, они свернули на Пенстивен и через несколько минут уже ехали по сонным улочкам старого городка.

— У них тут даже светофоров нет, — вздохнул Хемертон.

Глава 14

НАХОДКА МАЙОРА РИВЕРА

Дом Генри Ривера представлял собой нечто среднее между скромным особняком и уютной виллой, словно он так и не смог определиться, где ему хотелось жить — в деревне или в городе. Серое здание, опрятное и чистое, было сложено из местного камня, испорченного многократной обработкой и попытками придать фасаду «натуральный» вид: грубая поверхность стала бугристой под мазками извести. Рамы в окнах и лестничные перила резко выделялись на фоне древесины, которую в любой другой стране покрыли бы краской. К главному подъезду поднимался широкий веер из ступенек, поскольку особняк был «врезан» в склон холма. На маленькой лужайке перед входом торчал флагшток, с помощью которого майор выражал свои патриотические чувства, если какой-нибудь национальный праздник или годовщина давали ему для этого повод. Генри Ривер увлекался садоводством и любил возделывать всякие экзотические растения на скуд-

ной почве, где природа предназначила расти только вереску, папоротнику и чертополоху. Он усердно копал землю, подстригал кусты и полол грядки, но не из любви к симметрии и не ради красоты, а чтобы побить чей-нибудь рекорд и сообщить об этом в «Ежемесячник любителей рододендронов». Вполне возможно, что вскоре и террасам Дорна предстояло превратится в некое подобие гималайских гор.

Майор встретил гостей в просторном холле, увешанном барометрами и головами антилоп.

— Заходите и садитесь! — произнес он. — Пока мы не начали разговор, скажу сразу: скоро сюда должен приехать доктор Парвис. Он мне нужен, позднее я объясню, зачем. Признайтесь, Хемертон, вы сочли меня болваном, когда я сказал, что хочу обыскать обочины дороги? Это было написано у вас на лице.

— Не стану отрицать, я не верил, что вы что-нибудь найдете, майор. Особенно, если вы были правы насчет криминальной подоплеки в этом деле, в чем я отнюдь не уверен. Раз уж тут, по-вашему, действовал преступник, то неужели он не позаботился получше замести следы? Если бы я совершил преступление, то льстил бы себя мыслью, что люди начнут искать всякие улики. В том числе, обследовать местность. Но мы с нетерпением ждем ваш рассказ, майор. Надеюсь, вы не возражаете, что я привез мистера Бридона? Он — заинтересованная сторона.

— Несомненно. Я бы и сам попросил вас приехать, если бы знал, что вы еще здесь. Но мне никто не сообщил. А, вот и Парвис, подождите минутку, я выйду встретить его. Осторожнее с ковром, мистер Бридон — он сделан до войны!

Майор быстро вышел и вскоре вернулся с довольным видом. Доктор Парвис, появившийся вслед за ним, скептически шурился, словно заранее уверенный в том, что вся эта суэта ни к чему не приведет.

— У меня мало времени, майор, — предупредил он. — Выкладывайте сразу. Нет, спасибо, никаких угощений.

— Ладно, давайте без предисловий, — объявил Генри Ривер. — Итак, одно мы знаем наверняка, тело бедного парня таскали, как мешок с углем. Сделать это можно двумя способами. Быстрее всего на машине, но пешком можно передвигаться более скрытно, поскольку вы не связаны с шоссе и можете идти по бездорожью. Кроме того, если я прав в своих предположениях, то эти джентльмены не из тех людей, кто может легко раздобыть машину или ездить на ней, не вызывая подозрений. В понедельник утром на главном шоссе не было никаких автомобилей, кроме вашего, доктор, и кроме вашего, Хемертон. Как я это узнал? Спросил в полиции. Они специально все проверили: ни одной машины в обе стороны. Прочесали все боковые дороги, опросили жителей в каждой деревне — ничего. Значит, Колина везли не на машине, а тащили по земле. Это ясно?

— Если считать, что его кто-то вез, — заметил Хемертон.

— Итак, его тащили без машины, но не по дороге, потому что там бы их сразу увидели. Они прошли через придорожную ограду. Но где именно? Не со стороны парка — это было бы слишком рискованно. Вы бы первый их заметили, доктор, выбери они этот путь. Значит, они пронесли его через изгородь с противоположной стороны шоссе. Куда ведет ближайшая тропа? Через пустоши в сторону Чертовой впадины. Завтра я намерен сходить туда.

— Мы с доктором Парвисом были там сегодня утром, — сообщил Бридон. — Потом расскажем вам, что увидели.

— Хорошо. В ночь с воскресенья на понедельник была оттепель, земля размякла. Если бы полицейские знали свою работу и осмотрели бы почву вокруг ограды, то наверняка заметили бы на ней следы. Вместо этого они искали отпечатки шин на дороге. Не знаю, что они там нашли, мне никто не говорил. В ночь со вторника на среду было намного теплее, поэтому нет оснований считать, что они оставили следы. В любом случае отпечатки исчез-

ли бы раньше, чем я успел бы найти их. В общем, в поисках не было особого смысла, если вы не рассчитывали найти нечто более важное. Например, если они развели костер или что-нибудь потеряли. Вы были правы, Хемертон, — это маловероятно. Но, сказал я себе, когда тащишь тело, надо быть очень осторожным, иначе можно выронить что-нибудь из карманов. Как известно, в карманах Колина нашли совсем мало вещей: ни спичек, ни трубки. Ладно, подумал я, я должен убедиться, что они ничего не обронили. Так вот, пройдя половину пути между тем местом, где нашли труп, и дорогой на Чертову впадину, я нашел... Как вы думаете, что?

— Наверное, трубку, — предположил Бридон. — Ее легко потерять.

— Плащ! И весь набор вещей: табак, трубка и тому подобное.

— Этого следовало ожидать, — сдержанно пробормотал Бридон.

Реакция доктора Парвиса оказалась более бурной.

— Плащ? По ту сторону дороги? Но почему вы решили, что это плащ Колина?

— Разумеется, его! А чей же еще? По-вашему, люди часто бросают плащи посреди пустоши? Какой табак он курил?

— «Уокер». Я убедил его перейти на этот сорт. Тот, что он курил прежде, был для него слишком крепким.

— Ладно, посмотрим, что лежит в его кисете. Я буду крайне удивлен, если сестра Колина или кто-нибудь из слуг не узнают его трубку. Кисет новый, куплен в «Дертчипе». И фонарик тоже.

— У него был с собой фонарик? — оживился Бридон.

— Конечно. Как можно жить в пещере без фонарика? И портсигар с деньгами.

— Тоже новый?

— Нет, старый, из оружейного металла. Жаль, что он не оставил еще и визитную карточку — для скептиков вроде вас, доктор.

— И больше ничего? — спросил Бридон. — А паспорт?

— Слава богу, в Британии можно путешествовать без паспорта, — ответил майор. — Шотландия ведь пока не другая страна?

— Самое лучшее, что можно сделать с паспортом, — сказал Хемертон, — это сразу после таможни убрать его в ручной багаж. Тогда вы точно не потеряете его. Я всегда так поступаю.

— Очень мудро, — с легкой улыбкой отозвался Бридон. — Но, насколько я знаю, ваш шурин не был предусмотрительным. Пройдя таможню, он скорее положил бы его в карман плаща или пальто. Впрочем, Колин мог потерять паспорт позднее.

— Естественно, — кивнул майор. — А может, его прикарманили преступники, которые похитили Колина? Например, чтобы потом сбежать с его помощью из страны?

— Не так-то легко уехать из страны по чужому паспорту, — возразил Бридон. — Это превосходит возможности местных коммунистов. Кроме того, незаметно, чтобы кто-то шарил по карманам Колина. Деньги-то они пропустили. Сколько там было?

— Фунт и десять пенсов. Немного. Но вы правы, они бы взяли их, если бы нашли.

Доктор продолжал с недовольным видом барабанить пальцами по столу.

— Сомневаюсь, что присяжные согласятся с вашим мнением, майор, — заявил он. — У вас есть старый портсигар, каких полно, пригоршня табака, который курит половина Англии, новенький кисет, новенький фонарик, коробка спичек — и больше ничего. Ах да, трубка. Согласен, хозяева легко узнают свои трубки, но кто может поклясться, что эту трубку курил Колин Ривер и никто другой? И еще плащ, откуда он?

— Плащ? Куплен в Оксфорде. Здесь такие не носят.

— И это все?

— Доктор, сначала ответьте на мой вопрос. Вы лечили Колина Ривера. Скажите, он принимал таблетки?

— Так вот почему вы просили меня захватить пилюли Дрэймана? А я уж надеялся, что вы снова сляжете в постель. Значит, у него были с собой лекарства?

— Да, пузырек, а в нем белые таблетки. Сверху написано: «Дрэйман». Куплены в лондонской аптеке на Пиккадилли. Вопрос в том, действительно ли это пилюли Дрэймана? Я подумал, что неплохо бы их сравнить. А потом вы можете забрать их с собой — проанализировать состав.

— К чему вы клоните, майор? — спросил Хемертон, удивленный не меньше остальных.

— Его накачали, — коротко объяснил майор Генри. — Накачали Колина таблетками, вот что они сделали. Я всегда это подозревал. Вот почему Макуильям был сбит с толку, когда нашел его в первый раз. Колина напичкали таблетками. Понятно, что человек вроде Макуильяма не смог заметить разницу...

— Майор Ривер! — перебил его Бридон. — Вы же говорили, что Макуильям сам был одним из заговорщиков, и все они считали Колина мертвым, когда решили оставить его на обочине дороги?

— Да, — подтвердил майор, пытаясь на ходу переделывать свою версию. — Макуильям вполне мог являться заговорщиком. А как вам такой вариант? Они усыпили беднягу Колина и оставили лежать на холоде, пока не решили, что он умер. А он взял и открыл глаза в самый неподходящий момент. Снотворное — вот что это за пилюли. Сейчас все сами увидите. Я их принесу.

Он вышел и вскоре вернулся, держа в руках обычный плащ с оттопыренными карманами.

— Я положил все так, как было, — гордо объявил майор. — Вот трубка, вот фонарик, вот спички. Мистер Бридон, вы курите трубку и разбираетесь в таких вещах. Ваша версия?

Майор спросил это таким тоном, словно рассчитывал, что Бридон немедленно выложит ему имена и адреса преступников.

— Можно позаимствовать ершик с вашего камина? — произнес детектив.

Он сунул щетку в канал трубки и вытащил ее абсолютно чистой. Потом пощупал кисет с табаком и озадаченно сдвинул брови.

— Вы курите трубку, мистер Хемертон? — спросил он.

— Нет, только сигареты. Не хочу много курить, а любители трубок часто этим грешат.

— Значит, вы не поймете, что тут не так. Но майор догадается. Трубка чистая, словно ее давно не курили. А табак совсем свежий. Майор, вы знаете, что стоит табаку полежать несколько дней в кисете, и он превращается в труху? Как можно связать две эти вещи, если плащ действительно принадлежал Колину?

Майор с озабоченным видом пощупал кисет.

— Вы правы. Но такой табак хранится долго, не то, что ваши английские смеси. Могу сказать, что он пролежал тут не более недели. Похоже, Колин насыпал его незадолго до смерти. Да, так оно и было.

— Я тоже слабо разбираюсь в табаке, — заметил доктор. — Можно взглянуть на ваши таблетки? Тут я в своей стихии.

Парвис вынул из кармана пузырек, снял крышку и потряхнул на ладонь пару белых пилюль. Таблетки, которые майор с гордым видом фокусника извлек из плаща, выглядели так же. Коробка, где они лежали, была наполовину пуста. Доктор достал несколько штук и, положив их вместе со своими на столе, внимательно рассмотрел.

— Не вижу никакой разницы, — сообщил он. — Хотя отштампованный на фабрике ширпотреб обычно можно отличить от лекарств ручной работы, которые делают в аптеках. Будь это какой-нибудь необычный препарат, вряд ли его выпускали бы тысячами... В любом случае таблетки следует изучить, если, конечно, вы не хотите опро-

бовать их на своей собаке. Хотя непохоже, чтобы ваш Виктор нуждался в транквилизаторах, когда он так мирно лежит возле камина.

Все обернулись и взглянули на спаниеля, который развалился у ног майора и, помаргивая, смотрел на них с видом умного пса, понимающего, что говорят о нем.

— Может, сначала попробуйте сами? — возразил майор, слышавший, что доктор был сторонником опытов на животных. — А то вдруг это какой-нибудь яд?

— Скоро узнаем, — пообещал доктор Парвис и, смахнув на ладонь свои пилюли, аккуратно убрал их обратно в пузырек. — Я возьму на анализ две или три таблетки, на случай, если они разного состава.

— А сколько осталось в коробке? — спросил Хемертон. — Если с ними что-то не так, мы должны знать, какую дозу принял бедняга Колин.

— Верно, — кивнул Бридон. — К счастью, такие таблетки оставляют белые круги на том месте, где они лежали, так что мы легко сможем посчитать, сколько их было. Одна, две... не хватает трех.

— По-моему, больше, — заметил Хемертон. — Нет, — добавил он, пересчитав белые пятна, — я ошибся.

— Если это настоящие пилюли, в такой дозе они не причинили ему особого вреда, — заявил доктор. — На ярлычке ясно написано «раз в день перед едой», да и вообще, они довольно безопасны. Колин иногда жаловался на проблемы с пищеварением. Хемертон, не знаете, он принимал это лекарство?

— Нет. Мэри должна знать.

— Мистер Бридон, — вмешался майор, — вы говорили, что были на Чертовой впадине и собирались нам об этом поведать. Что вы там нашли? Бандитское логово?

Бридон подробно рассказал о том, что они обнаружили в пещере, и о странной надписи, вырезанной на скале у входа. Трудно сказать, кто был больше взволнован этой новостью: Хемертон или Генри Ривер. Майор торжествующе воскликнул:

— Ну, что я говорил? Самое подходящее место для этих негодяев. Достаточно поставить наверху человека с револьвером или даже палкой, и пленнику ни за что отсюда не выбраться. Они просто подождали, когда его убьет холод. Наверняка это случилось в понедельник, поскольку во вторник мороза не было. Да, вот как все произошло!

— Пожалуй, мне пора ехать, — произнес доктор, взглянув на часы. — Подбросить вас в город, мистер Бридон? Тогда Хемертону не придется заезжать в Блэруинни.

— Не возражаете, если я прихвачу с собой фонарик? — спросил Бридон. — Похоже, его купили в «Дертчипе», но кто знает, может, он продавался в каком-то маленьком магазинчике. Тогда есть надежда, что покупателя кто-нибудь вспомнит. Большое спасибо. Не хочу упускать даже маленького шанса.

Сомнения Бридона в происхождении фонарика не помешали ему заехать в один из филиалов «Дертчип» и купить точно такой же. В конце концов, не только доктор Парвис умел проводить эксперименты.

Глава 15

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

— Я хочу услышать, что ты об этом думаешь, — обратился Бридон к своей жене.

Они сидели в своем номере после вечерней трапезы. Доктор Парвис отказался от чая и задержался только для того, чтобы осмотреть одного из пациентов. Майлз Бридон, будто ему не хватало обычного освещения, включил два электрических фонарика и пристроил их на подлокотниках кресла.

— Прости, мой ангел, но сначала я должен разобраться с этими фонариками. Не уверен, что из этого что-то получится, но раз уж деньги потрачены... Кстати, в коробке есть две лишние батарейки, могут пригодиться, если ночью заскрежет мышь. Эксперимент простой. Я тебе

уже рассказывал про экспедицию, которую устроил вчера майор. Вот этого паренька на левом подлокотнике — назовем его Чарли — нашли на левой стороне дороги в Пенстивен, позади ограды. А вот этого — Хораса — я купил сегодня в «Дертчипе». От твоего внимания, естественно, не ускользнуло, что они похожи как сиамские близнецы. Поэтому я решил включить обоих, чтобы посмотреть, кто протянет больше.

— Если Хорас продержится дольше Чарли, например, на четверть часа, то именно столько времени Колин Ривер использовал свой фонарик? Из этого опыта можно извлечь кое-какую пользу.

— Несомненно. Но если Хорас проживет ровно столько же, сколько и Чарли, разве и это не будет полезной информацией? Представь, что молодой человек жил в пещере и бродил по ночам, держа в кармане новенький фонарик, но при этом ни разу им не воспользовался. Согласись, странно. А теперь скажи, кого ты подозреваешь и почему. Только давай будем работать в полную силу, ладно? Безо всякой там «женской интуиции».

— Протестую! Кстати, Майлз, хочу напомнить, что ты так и не познакомил меня с этими людьми, кроме Хемертона и доктора. Как я могу подозревать тех, кого никогда не видела? Нужна хоть какая-то информация, чтобы почувствовать атмосферу... Ладно, начнем с начала. Мистер Лиланд говорил, что прежде всего ты подозреваешь человека, который нашел труп. В нашем случае это Макуильям. Но, по-моему, он тут ни при чем.

— Почему?

— Я не спорю, против него можно много что сказать. Например, всю эту странную историю с исчезновением тела легко объяснить тем, что Макуильям попросту соварал. Нет ни одного свидетельства, подкрепляющего его слова. И опять же версия, какую выдвинул майор Генри... Хотя кажется невероятным, что такая, в общем-то, слабая и бесцветная личность, как Колин Ривер, могла возбудить в поместье столько ненависти из-за нечаянной гибели ре-

бенка. Если мы будем каждую смерть в аварии объявлять убийством, многие из нас останутся без друзей. По-моему, так же нелепо предполагать, будто Макуильям бросился в дом с новостью о трупe, не убедившись, что жертва и правда умерла. Его ведь никто не торопил.

— Можно добавить, что если он действительно участвовал в заговоре, то ему не было смысла «находить» тело самому, вместо того, чтобы просто оставить его на обочине. Зачем связывать себя с убийством, признавая, что ты находился на месте преступления?

— Значит, Макуильям пока выбывает. Думаю, мы вычеркнем и Дональда Ривера, поскольку тут все просто. Он лежал в постели, а постель — при условии, что рядом сиделка, — неплохое алиби. Нет никаких свидетельств, что, вернувшись из поездки, Колин побывал дома или что его отец знал, где он. Разумеется, можно предположить, что у Ривера-старшего был сообщник, он сделал за него всю работу, но тогда нужно найти этого сообщника. Звучит разумно, правда?

— Более или менее. Если Колин действительно умер в ночь на понедельник, это исключает его отца уже по соображениям мотива. Какой дурак станет убивать застрахованного на огромную сумму родственника в ту самую ночь, когда сам же отправляет взнос за просроченную страховку?

— Верно. Но то же соображение относится и к другим обитателям Дорна, я имею в виду Хемертонов. Они знали, что страховка просрочена, поскольку старика это сильно беспокоило. Так зачем убивать той же ночью Колина? Или им просто подвернулась какая-то удобная возможность, которую они не хотели упустить?

— Кому, как не им, было знать, когда Колин вернется из-за границы, хотя они это и отрицают? Хемертоны могли заранее составить план убийства Колина, изобразив все так, словно он умер, возвращаясь из круиза. Что ты думаешь об этой паре?

— Миссис Хемертон я совсем не знаю и могу судить о ней только по твоим словам. А ты, увы, плохо разби-

раешься в женщинах, Майлз, наверное, я перестаралась с твоим воспитанием. Конечно, у нее имелись основания рассчитывать на завещание отца, хотя нельзя сказать, чтобы она или ее муж нуждались в средствах. Но если по каким-то причинами она убила своего брата в ночь на понедельник, то в ее интересах было скрывать его смерть до среды, когда «Бесподобная» уже получила чек. Насколько я понимаю, Мэри и сейчас настаивает на том, что Колин умер в среду.

— Естественно, но для этого ей не обязательно быть убийцей. Она просто хочет получить свои деньги, как и всякий другой на ее месте. Думаю, миссис Хемертон мы тоже можем исключить, по крайней мере, как человека, действовавшего в одиночку. Я знаю, ты высокого мнения о женском интеллекте, но мне трудно представить, как бы Мэри могла «устроить» смерть своего брата через переохладжение. Для этого нужно было применить угрозу или силу, а женщины не любят прибегать к подобным средствам.

— Хорошо, тогда обсудим мистера Хемертона. Трудно говорить по первому впечатлению, но он показался мне человеком жестким, из тех, что не упустят своего. Понятно, что оба супруга помалкивают, мечтают похоронить Колина Ривера, сделав вид, будто это просто несчастный случай, поэтому, мол, и расследовать тут нечего. Когда все это произошло, Хемертон находился в Дорне и ему ничего не стоило вести игру, пока старик лежал при смерти и у всех было много забот. Как быстро он примчался к майору Генри, когда тот сказал, что у него есть новости: явно у него совесть не чиста!

— Но перед этим заехал к нам и взял меня с собой, что было любезно с его стороны. Непохоже, чтобы Хемертон чувствовал себя виноватым.

— Не исключено, что он просто водит тебя за нос. Такое уже случалось. Но вряд ли он мог заранее знать, что конкретно обнаружил кузен Генри. И потом, не забывай, именно Хемертон первым предложил сообщить обо всем

в полицию. Это меня озадачивает. Если Хемертон действительно убийца, то зачем ему настаивать на визите полицейских?

— Согласен. Если уж он такой профи, что может выдать убийство за смерть по естественным причинам, не представляю, правда, каким образом, — с какой стати ему мучится угрызениями совести и связываться с полицией? Если Хемертон водил кого-то за нос, то именно полицию, судя по тому, что результаты расследования равны нулю.

— Знаешь, Майлз, даже если Хемертон не преступник, все равно странно, что он вызвал полицейских. Как ты уже сказал, он знал, что в ночь на понедельник страховка Колина Ривера была просрочена, и при этом мог рассчитывать на свою долю в завещании. Вспомним, кто тогда находился рядом с ним? Доктор Парвис, друг семьи, и домашний адвокат. У Хемертона был реальный шанс закрыть дело, посвятив в него только этих двоих, плюс двоюродного и сиделку. А вызывать полицию, чтобы найти тело, значило напрашиваться на неприятности.

— А если Хемертон заранее знал, что труп не найдут? Тогда полиция могла засвидетельствовать его отсутствие.

— Это похоже на правду. Если Макуильям действительно обнаружил тело в понедельник, тогда утащил его точно не доктор, потому что доктор находился в доме, когда Макуильям прибежал туда. И они сразу нашли Хемертона. Если он возился с трупом, ему пришлось бы быстро вернуться в свою спальню. Кстати, как он отнесся к нашей экспедиции на Чертову впадину?

— Я его не спрашивал. Но я говорил с миссис Хемертон, и она охотно поддержала эту идею. Мэри даже предложила меня туда подбросить, хотя и не расстроилась, когда я сказал, что поеду без нее. Хемертон вообще не интересовался этой поездкой. Я упомянул о ней только в разговоре с майором Генри, и именно он напомнил мне, что я обещал рассказать об этом. Непохоже, чтобы Хемертон беспокоился по этому поводу.

— У него был мотив, не так ли? Если он рассчитывал, что старый джентльмен оставит что-нибудь дочери, ничто не мешало ему потихоньку избавиться от тела Колина, пока его никто не видел. Я только не понимаю, почему Хеммертон не подождал, когда Ривер-старший оплатит взнос.

— Может, он так и сделал, а Макуильям что-то перепутал.

— Кто еще находился в доме в ночь на понедельник?

— Прислуга, но у нас нет причин подозревать ее. К тому же, будучи в Дорне, я не чувствовал себя достаточно свободно, чтобы с кем-то из них поговорить. В конце концов, я не из полиции. Кроме слуг, было трое: ночная сиделка, адвокат и доктор.

— Можно смело убрать сиделку, вряд ли она вообще слышала о Колине Ривере. И от адвоката тоже можно отказаться. Он по чистой случайности оказался рядом и попал в Дорн в последнюю минуту. Скорее всего, адвокат плохо знает дом и его окрестности, ты говорил, что там легко заблудиться. Кроме того, у него не было машины, а в февральскую ночь пешком много не находишься. Остается доктор. Он мне нравится, Майлз, а тебе?

— Мне тоже. Однако в нем есть что-то жутковатое. Когда я рядом с ним, у меня постоянно такое чувство, что если ему вдруг понадобится свежий труп, я для этого вполне сгожусь.

— С деньгами доктор Парвис никак не связан, верно? Даже если допустить, что миссис Уочоуп права и Колин действительно влюбился в его дочь, причем серьезно, ни доктор, ни его дочь ничего не выиграли от смерти Колина. Он был застрахован, но страховку оформил отец, и платил взносы тоже он. Сомнительно, что дочь Парвиса могла получить что-нибудь по завещанию Дональда Ривера, даже если бы была замужем за Колином. Значит, доктора тоже надо исключить из списка подозреваемых?

— Да, в том, что касается мотива. Я не понимаю, каким образом Парвиса можно связать с убийством. А как насчет возможности?

— Это зависит от того, когда и как наступила смерть. Главное, когда. Почему доктор остался на ночь в поместье? Его попросили хозяева?

— Я спрашивал об этом миссис Хемертон. Она объяснила, что доктор хотел ехать домой, но она отговорила его. По-моему, это важный момент.

— Из него следует, что доктор Парвис не мог совершить никаких злодейств поздно вечером, потому что ему пришлось внезапно поменять свои планы. Но если он сделал свое черное дело до того, как миссис Хемертон попросила его остаться, — например, по дороге из Блэр-уинни, — желание уехать может объясняться тем, что он старался поскорее покинуть место преступления. Все это, конечно, верно только в том случае, если смерть наступила в ночь на понедельник, чего мы не знаем, как не знаем и того, что явилось ее причиной. А если Колин умер в ночь на среду, где тогда находился доктор Парвис? Ах, да, он ездил к какому-то пациенту, с которым произошел несчастный случай. Нужно проверить его алиби.

— Несомненно, если мы хотим разобраться с доктором. Однако ты упустила главную деталь, которая делает его подозреваемым.

— Какую?

— Сам факт, что он доктор. Если это убийство, то его невероятно ловко замаскировали под смерть от естественных причин. Врачу гораздо легче устроить такой фокус, чем любому, даже самому опытному преступнику.

— Согласна. Но ему это не слишком помогло. В любом случае я не хочу обвинять его, он очень приятный человек. Кто у нас остался? Майор Генри. Ты должен меня познакомить с ним, Майлз. Что касается мотива, то майор нам вполне подходит. Миссис Уочоуп говорила, что двойной налог на наследство — сначала после Дональда Ривера, потом после Колина, — мог его вконец разорить. Поэтому смерть Колина была на руку Генри.

— Но кузен слишком торопился, тебе не кажется? Насколько я помню, наследственная пошлина не платит-

ся, если последний владелец продержался менее двух лет. Майор вполне мог бы дать Колину посидеть в Дорне пару-тройку месяцев.

— Согласна. Миссис Уочоуп говорила, что при Колине поместье наверняка бы разорилось, и для Генри имело смысл убрать его поскорее. Никто не знал, переживет ли Дональд эту ночь. Вероятно, майору пришло в голову, что лучше перестраховаться и заранее избавиться от Колина.

— Логично. А возможность?

— Тут все непросто. Поздно вечером он ездил на своей машине и, забросив чек на почту, мог отправиться куда угодно. К тому же если кузен Дональд заявил майору, что тот не получит ни пенни из денег за страховку, Генри мог разозлиться и отправить Колина на тот свет просто из мести, чтобы досадить родственникам и оставить их без премии. Они вроде конфликтовали?

— Да, и в этом вся проблема. Кому было нужно, чтобы Колин умер при неоплаченной страховке? Ты права, у майора Генри есть мотив, хотя он и выставляет его в очень неприглядном свете. Но что ты скажешь о его действиях после того, как нашли тело?

— Генри вел себя хладнокровно. Настаивал на расследовании дела, хотя все предпочли бы замолчать его. Пожалуй, для обычной хитрости это чересчур. Правда, если Генри Ривер связан с убийством Колина, это объясняет, как ему удается делать столь удачные прогнозы. Ведь это он упомянул про Чертову впадину! И плащ нашел тоже он. Непонятно, зачем ему нужно, чтобы мы проследили за последними действиями Колина, если только... Майор хочет убедить тебя в том, что Колин умер до того, как Дональд оплатил его страховку. И тогда он вполне мог быть человеком, зачеркнувшим последнюю цифру в надписи, чтобы показать, Колин находился в пещере в воскресенье, а не в понедельник.

— Пожалуй, но в таком случае кузен Генри должен быть чертовски ловким жуликом. При том, что он кажется

мне дураком. Вопрос в том, не является ли это частью его игры? Ты права, Анджела, вас надо познакомить. А пока мы приглашены на завтрашний обед в Дорн. Я знаю, тылюбишь хорошо поесть, если за это платит кто-то другой. Так, посмотрим, что с этими фонариками? Все еще горят. Не думал, что они такие мощные!

Глава 16

МИСТЕР КАСТЕРС РАЙТ

— Чтобы от этого визита был прок, — заявил Бридон, когда на следующий день они с женой ехали в Дорн, — надо как-то отделить старого джентльмена от четы Хемертонов. Если он захочет поговорить со мной после обеда наедине — прекрасно. Но если мы усядемся в кружок или отправимся на прогулку впятером, компанию придется разделить. Ты сможешь это проверить с присущим тебе тактом и мастерством? Например, бросить на мистера Ривера проникновенный взор и предложить ему побеседовать с тобой по душам?

— В последнее время я потеряла хватку, но так и быть, попробую. На самом деле, я хотела взяться за миссис Хемертон и попробовать ее слегка расшевелить. Но женщины трудно поддаются обработке. С мужчинами это гораздо проще, особенно если они в возрасте. Майлз, до чего странный дом!

План Бридонов был нарушен неожиданным обстоятельством, в доме находился незнакомец. Когда супруги вошли в библиотеку, Дональд Ривер, который уже достаточно оправился, чтобы самостоятельно спуститься с лестницы, но старался не покидать свой теплый уголок возле камина, представил их новому гостю. Это дало им возможность выяснить, что его звали Кастерс Райт. Но кем был этот человек, что он делал в Дорне, жил он здесь постоянно или просто заехал на минутку, являлся ли другом, родственником или деловым партнером Риве-

ров, — все это осталось неизвестным. Встреча с незнакомцем в чужом доме всегда нас невольно настораживает. Кто знает, не для него ли устроен этот вечер, а мы — лишь средство развлечения или случайный балласт, который пригласили в последнюю минуту? Может, он старый друг семьи, и хозяин предпочел бы поскорее избавиться от нас и пообщаться с ним наедине? И почему в отличие от нас он чувствует себя здесь как дома? Мистер Кастерс Райт был довольно молод и выглядел свежим и цветущим, точно школьник, приехавший на каникулы. Но осанка у него была уверенной, речь обдуманной, а рукопожатие твердым. Он относился к тем людям, которые любят быстро сокращать дистанцию и считают вас за человека, обходящегося, подобно им, без церемоний. Больше всего Бридонов удивило то, что Кастерс Райт без стеснения называл хозяина Дональдом, хотя тот выглядел лет на тридцать старше. Однако и членом семьи он, судя по всему, не являлся. Чета Хемертонов, несмотря на то, что он обращался к ним как к старым друзьям, держалась с ним холодно и отчужденно.

Как только они сели за стол, Анджела принялась ворковать с Ривером-старшим, участливо расспрашивая о болезни и в то же время напряженно ловя обрывки разговора между миссис Хемертон и мистером Райтом. Нет, он не собирался остаться на ночь и не был родственником Риверов. Да, он уже не раз бывал в Дорне и неплохо знал поместье и его окрестности. Мистер Райт тоже остановился в Блэруинни, но в другом отеле; он учится или учился в Оксфорде. Может, это друг покойного Колина? Непохоже, никаких признаков того, что он приехал навестить семью, где соблюдают траур. Более того, из разговора следовало, что Кастерс Райт сам напросился на обед. Мэри Хемертон выразила удовольствие, что он решил им позвонить. Как удачно, что отец сегодня смог спуститься вниз; очень хорошо, что он не против продолжительной прогулки; нет, она никак не думала, что он сегодня без машины. В таком случае они отвезут его обратно на своей. Никаких

проблем, им все равно придется ехать, чтобы забрать кое-какие вещи в Блэруинни.

Попытка одновременно вести разговор и прислушиваться к чужой беседе потребовала от Анджелы таких усилий, что она совсем забыла про указания мужа и не успела сообразить, как приспособиться к новой ситуации. Вскоре хозяин дома объявил, что теперь ему можно выезжать на кресле-каталке, по крайней мере, в хорошую погоду. Услышав это, мистер Кастерс Райт сразу подхватил:

— Прекрасно, Дональд, позвольте мне прокатить вас по саду! Знаете, я всегда славился как отличный катальщик. Не поверите, я даже выступал за университетскую команду!

Фальшивость этой фразы сразу резанула слух. В старину подобный маневр называли бы «ложным шагом». Лица у присутствующих вытянулись и застыли. Дело было не только в неудачной шутке и не в том, что он неуклюже попытался избавиться от общества и остаться наедине с хозяином. В словах молодого человека прозвучало нечто такое, что сразу изменило атмосферу за столом и привело всех в замешательство. Но Анджела могла думать лишь об одном, если сейчас мистер Райт увезет Дональда Ривера, она не поможет Майлзу в расследовании дела. У нее произвольно вырвалось:

— Один тянет, другой толкает, хотите, я буду вашим рулевым, мистер Ривер? Мой муж столько говорил мне о вашем саде! Мечтаю взглянуть на него.

Положение было спасено. Прогулку старого Ривера временно отложили, мистера Райта выпроводили из дома, сказав, что машину вот-вот подадут и лучше подождать ее снаружи. Бридонов, наоборот, оставили дома. Мистера Ривера выкатили на площадку в садик, где Анджела могла побеседовать с ним на солнышке и под свежим ветерком, а Хемертоны окружили ее мужа. Судя по всему, это входило в их программу. Они хотели обсудить найденный плащ и открытия, сделанные в пещере. Особенный ин-

терес проявила Мэри Хемертон, желавшая услышать все подробности.

— Как печально думать, — заметила она, — что все это время Колин находился рядом с нами. Стоило только подняться в горы, и мы могли бы встретить его. Вы оказались правы, мистер Бридон, предположив, что он мог прятаться в пещере и мы обнаружим его плащ.

— Значит, вы уверены, что это плащ Колина? Я спрашиваю, потому что доктор Парвис высказал кое-какие сомнения на сей счет. И, по здравом размышлении, я склонен согласиться с ним. Плащ, надо признать, далеко не новый. Конечно, путешественники редко бросают такие вещи где попало, особенно если у них в карманах лежат деньги и прочие полезные мелочи, но существует множество правдоподобных объяснений, почему плащ оказался на земле. Кстати, миссис Хемертон, когда ваш брат уезжал в круиз, он надел именно плащ? Для зимы это легкая одежда. Боюсь, первые пару дней в море ему было очень холодно.

Миссис Хемертон помолчала, пытаясь вспомнить подробности отъезда своего брата.

— Конечно, вы правы, — произнесла она. — Колин надел теплое твидовое пальто, но я советовала ему взять с собой и плащ. Наверное, он потерял пальто во время поездки, а может, в эти последние дни хотел путешествовать налегке и решил прихватить что-нибудь полегче.

— Тогда логично спросить, где теплое пальто и не лежит ли в нем паспорт? А еще меня интересует фонарик вашего брата.

— Почему вы забрали именно его? — спросил Винсент Хемертон. — Я думал, вам будет интереснее трубка, вы ведь сами курите.

— Трубку я хочу забрать сегодня и табак тоже. Что касается фонарика, я хотел выяснить, как долго он использовался. Оказалось, что не использовался совсем, ну, разве что минуту. Я сравнивал его с другим фонариком, кто дольше просветит.

— Видимо, Колин купил его незадолго до смерти.

— Да, но где? Такие вещи продают не только в «Дертчипе». Я заглянул в их филиал в Пенстивене и спросил, не продавали ли они недавно такой фонарик, и если да, то кому. Мне ответили, что за последние две недели продали пару штук, но при этом не помнят никакого молодого человека в плаще. Разумеется, я не стал упоминать о вашем брате. Колин мог купить фонарик в Лондоне — там же, где и таблетки, — но в таком случае трудно объяснить, почему он мало пользовался им. Провести несколько ночей в пещере без света...

— То есть вы хотите сказать...

— Да, я не уверен, принадлежал ли этот плащ вашему брату. Человек из Оксфорда, недавно побывавший в Лондоне... Согласитесь, это мало говорит о его владельце. Миссис Хемертон, вы пытались сами опознать найденные вещи?

— Конечно, Винсент привез их с собой. Но, понимаете, это не так легко. Я много раз сидела рядом с Колином, когда он курил, но не приглядывалась, и мне трудно отличить его трубку от сотни других. Плащ очень похож на тот, что носил брат, но это распространенная модель. Я спрашивала Сандерса — это наш дворецкий, — не помнил ли он, какой плащ висел у нас в холле, но он тоже не уверен. Тут дело скорее в том, что вряд ли кто-нибудь, кроме Колина, мог оставить его в таком месте.

— То же самое думает майор, — вставил Хемертон.

— Боюсь, все это слишком неопределенно, даже если вещи подлинные, — возразил Бридон. — Хотя ваша идея насчет таблеток хорошая. Если бы не хватало полдюжины пилюль, мы могли бы с вероятностью сказать, что после отъезда из Лондона владелец плаща прожил много дней и при этом носил плащ. Правда, он мог принимать и двойную дозу... Но, на самом деле, не хватает лишь трех таблеток. Если считать по штуке день, то это пятница, суббота и воскресенье. Или суббота, воскресенье и понедельник.

Впрочем, Колин мог принимать их только в тех случаях, когда ему было плохо.

— Если это был Колин, сомневаюсь, что он принял пилюлю в пятницу, — заметил Хемертон. — Хотя, конечно, мы заинтересованная сторона, — добавил он с усмешкой. — Но такие таблетки лучше принимать утром до еды.

— Согласен. Но если человек сошел в порту после долго плавания и купил таблетки по дороге в Лондоне, ему могло прийти в голову, что будет лучше принять их прямо сейчас. Кто знает? Все это крайне досадно. Как вы понимаете, мне хотелось бы поскорее сообщить в Компанию точную дату смерти их клиента. А пока я уверен лишь в том, что мистер Колин Ривер сделал эту надпись в воскресенье или понедельник, и что в понедельник он все еще принимал свои пилюли — или не принимал. Но как раз это и хочет знать моя Компания: был ли Колин Ривер еще жив в понедельник утром! Разумеется, можно надеяться, что они истолкуют сомнения в пользу вашего отца, но уж точно не в мою. Наверняка у них появится вопрос, зачем им нужен человек, который не сделал ничего, чтобы все сомнения рассеялись.

— А количество еды, найденное в пещере, ни о чем не свидетельствует? — спросила Мэри.

— Аналогичный вопрос я задал доктору Парвису. Он ответил, что на израсходованной пище человек мог бы продержаться три-четыре дня. Но, как добавил доктор, никто не знает, сколько может съесть голодный человек за один прием.

— Что вы думаете о зачеркнутой цифре? — спросил Хемертон. — По-моему, это самый загадочный момент.

— Увы, тут мы можем только строить предположения. Я думаю, что ваш шурин просто ошибся с датой, а потом, заметив ошибку, решил ее исправить, но без особого усердия, потому что ему было безразлично. Разумеется, это не исключает возможности, что он жил в пещере и на следующий день. Вопрос в том, когда была сделана надпись.

— Мне тут пришло в голову, — пробормотала Мэри Хемертон, — может, объяснение гораздо проще? Если Колин написал это в понедельник, он мог подумать, что тринадцать — несчастливое число, и изменил его на двенадцать. Понимаю, это звучит глупо, но если мой бедный брат предчувствовал свой конец, то ему хотелось избавиться от дурного знака. Мы все немного суеверны, мистер Бридон, не так ли?

— Кстати, неизвестно, почему тринадцать стали считать несчастливым числом, — усмехнулся ее муж. — Никаких свидетельств этому нет, по крайней мере, вплоть до Реформации. И тем не менее все в этом уверены. Даже отели исключают у себя тринадцатые номера, боясь отпугнуть клиентов. Надо бы мне самому взглянуть на это место. Может, цифру зачеркнули случайно, соскользнул инструмент или нечто подобное.

— А я подумываю о том, чтобы походить по магазинам в Пенстивене, — произнес Бридон. — Вдруг кто-нибудь из продавцов вспомнит, кто купил у них банку с копченым языком.

— Я бы на это не рассчитывала, — возразила Мэри. — В пенстивенских магазинах даже бухгалтерию толком вести не могут, что уж говорить о том, чем они торгуют за прилавком! К тому же в последнее время у нас все бросились покупать консервы. Кажется, теперь ни одна хозяйка не может испечь даже простую ячменную лепешку.

— О, это только так, на всякий случай, — ответил Бридон. — На самом деле, я хочу съездить в Глазго — уверен, что это очаровательное место, — и заглянуть в бюро потерянных вещей. Когда пишешь туда письма, они отделяются общими фразами. Но если зайти лично и поднять шум, может, они проснутся. Интересно, что теперь будет делать майор Генри? Он вам что-нибудь говорил? Сомневаюсь, что он бросит свои поиски.

— Майор немного поостыл, — ответил Хемертон. — Утром мы получили сообщение от доктора Парвиса. Он проанализировал состав таблеток — это самые обычные

пилюли для желудка. А майор клялся, будто парня накачали наркотиками. Но когда я уходил от него вчера вечером, он заявил, что намерен тщательно обследовать всю территорию между Чертовой впадиной и тем местом, где обнаружили плащ. Похоже, у него в жизни появился новый интерес.

— Простите мое любопытство, — произнес Бридон, поднимаясь, — но кто такой мистер Райт? Судя по всему, он хорошо знает вашего отца, миссис Хемертон, но я не понимаю, что между ними общего.

— Мистер Райт? Это человек из «Большого круга» — религиозного движения, которым интересуется папа. Я пришла в ужас, когда он хотел отвезти отца в сад, потому что тот еще слишком слаб, чтобы заниматься такими вещами. Мы очень благодарны за вмешательство вашей жены. Не сомневаюсь, что у мистера Райта самые добрые намерения, но когда речь заходит о религии, нужно быть в очень хорошей форме, не правда ли? Папа пару раз приглашал его на заседания их общины, которые устраивал в Дорне, поэтому он хорошо знаком с поместьем. Но сами мы видим мистера Райта впервые, и, по-моему, он выбрал неудачное время для визита. А, вот и миссис Бридон! Я очень рада, что вы оба откликнулись на наше приглашение. Надеюсь, теперь, когда дорожка уже проторена, мы будем видеться чаще.

Глава 17

ДРУГОЙ ПЛАЩ

У национальных характеров шотландцев и англичан есть одно важное отличие: если первые находят больше удовольствия в работе, то вторые — в отдыхе. Вот почему в Англии скучно заниматься шопингом. Английский продавец старой закалки знает только две фразы: «Хорошая сегодня погодка» и «Что-нибудь еще?». В отличие от них лавочники новой формации владеют «искусством

продавать», то есть коммивояжерским умением вешать вам на уши лапшу, пока они раскладывают на прилавке какие-нибудь убогие поделки, отштампованные на конвейере соседней фабрики. К северу от границы покупки делаются иначе. Продавец изо всех сил старается угодить посетителю, заботясь не столько о своей прибыли, сколько об удовольствии от самого процесса. Не пытается подсунуть клиенту товар «почти такого же качества» и даже откажется продавать вам старую пачку табака, объяснив, что тот долго пролежал на складе и стал слишком сухим. Он восхитится вашим отменным вкусом, если попросите продукт какой-то особой марки, и озвучит мнение других покупателей, предпочитающих тот же бренд. Продавец будет в отчаянии, если товара не окажется на складе, и подробно опишет, как найти магазин, в котором вы сможете приобрести нужную вам вещь. Он? Может, она. Ведь даже самая застенчивая продавщица не откажется обсудить с вами достоинства современного крема для бритья.

Шотландское стремление внести в коммерцию каплю человеческого тепла распространилось даже на железнодорожное ведомство. Нигде носильщик не проявит к вам столько внимания и обходительности, как в Шотландии. Нигде вы не получите столь подробных указаний, пусть и ложных, как в местном справочном бюро. Не удивительно, что и мистер Джеймс Макферсон, имевший честь заведовать службой утерянного багажа на вокзале Сент-Бьюкен в Глазго, восседаая за стеклянной дверью с надписью «Запросы», был далек от того, чтобы исполнять свои обязанности с холодной отчужденностью, к какой мы привыкли в Англии. Напротив, он чувствовал себя священником в железнодорожном храме или — если взглянуть на обильную коллекцию сумок и чемоданов за его спиной, — тонким ценителем вещей, которые хранил и пестовал, вооружившись необходимым, и весьма солидным, багажом вежливости и терпения.

Вот почему, когда в его дверь вежливо постучали и на пороге возник приятный молодой человек, заранее пред-

варивший свой визит любезным письмом о «багаже с фамилией Ривер, который, возможно, находится в вашем ведомстве», мистер Макферсон не встретил его с оскорбленным видом несправедливо заподозренного человека и не осадил одним из тех сухих бюрократических приемов, какие приняты на родине бульдогов. Посетитель был хорошо одет, и от его теплого пальто, перекинутого через руку, буквально веяло дороговизной и процветанием. Но даже если бы на его месте оказался уличный попрошайка, заглянувший сюда под вымышленным предлогом, встреча была такой же. Макферсон мягко, но величественно поднялся с места, словно предводитель одного из шотландских горных кланов, и откинул деревянную стойку, служившую опускной решеткой в его твердыне.

— Да, да, мистер Бридон, входите! Я помню ваше письмо. Боюсь, ваши вещи действительно затерялись: у меня нет на них никаких записей. Впрочем, вы можете осмотреть все сами, — добавил он, и его глаза радостно вспыхнули при мысли, что он сможет показать свои сокровища знатоку.

Действительно, это чистилище потерянных вещей настраивало на философский лад. Впрочем, скорее даже не чистилище, а первый круг ада, поскольку было ясно, что большинству осевших здесь предметов придется и дальше праздно покрываться пылью и ветшать, чтобы в итоге обрести бесславный конец на какой-нибудь дешевой распродаже. Разнообразие экспонатов поражало воображение. На полках хранились не только зонтики, перчатки и прогулочные трости — наша обычная дань забывчивости, — но и граммофоны, сумки с инструментами, автомобильные номера, клетки для птиц, карты мира, теннисные ракетки, банки с краской и даже одна керамическая ванна с торчавшей трубой для слива. Мистер Макферсон не преминул похвастаться редким экспонатом. Выдвинув один из ящиков, он спросил:

— А что вы скажете об этом? Вставная челюсть, забытая пассажиром первого класса. Удивительно, правда?

Но, разумеется, самым распространенным реквизитом в его коллекции являлся обычный багаж, в основном чемоданы и саквояжи, которые подвергались тщательной сортировке.

— Вы не поверите, мистер Бридон, как много тут добротных и аккуратно упакованных вещей, владельцев которых вы не отыщите днем с огнем. Вот на этих хотя бы есть инициалы, и они расположены в алфавитном порядке. Вы говорите, нужный вам багаж помечен буквами «К.Р.»? Я вижу «К.Л.» и «К.Х.В.», а «К.Р.» нет. Чемоданы без инициалов мы раскладываем по цветам: это мое собственное изобретение. Но вам ни к чему на них смотреть, потому что здесь нет меток. Что касается пальто, их я тоже сортирую по цветам. Кроме того, на каждом имеется маленькая бирка с номером, под которым он значится в картотеке. И все же, увы, лишь немногие предметы находят своих хозяев. Люди, оставляющие свои вещи в поезде, обыкновенно весьма рассеянны и беспечны, и те же качества мешают им должным образом востребовать утерянный багаж.

Однако его гость обращал больше внимания на пальто, чем на чемоданы.

— А как вы их вообще идентифицируете? — спросил он. — Такую одежду выпускают тысячными партиями, один экземпляр трудно отличить от другого. Возьмите хоть это серое пальто, на нем нет никаких меток, а карманы, судя по всему, пусты. Что мешает мне заявить, будто это я оставил его в поезде, следовавшем в Ардроссан?

— Ничего, но я уже упомянул про бирки с номерами. Где мой журнал? — Мистер Макферсон, посмеиваясь, раскрыл огромный фолиант и после недолгих поисков торжествующе поднял палец. — Очень сожалею, мистер Бридон, но пальто, на какое вы указали, было потеряно в местном поезде и доставлено к нам из Мазеруэлла. Так что ваш фокус не пройдет. Видите? А вот это прислано из Килмарнока. Что касается одежды вашего друга, то, если я правильно понял, речь идет о поезде, следовавшем

в Глазго или по соседней ветке в Пенстивен. Вот, например, экспонат под номером 586, его нашли в Перте. Давайте посмотрим, что это.

Он вышел и вскоре вернулся с роскошным пальто, щедро отделанным каракулем.

— Нет, не подходит, тут написано «Х. Клаус», а таких Клаусов у нас в картотеке много.

— Да и дата другая, — подтвердил Бридон. — Мистер Ривер-младший — наверное, вы читали о нем в газетах, — умер не позднее пятнадцатого числа, а эта вещица найдена семнадцатого. Меня больше интересует номер 579. Он зарегистрирован четырнадцатого, во вторник, верно? Хотя, судя по журналу, это легкий плащ, а я ищу теплое пальто. Можно взглянуть?

Долго искать не пришлось, все плащи, попадавшие в гамму цветов между бежевым и серым, висели прямо перед ними. Номер 579 не имел метки с именем владельца, а фирменная этикетка указывала на Лондон. Зато один из его карманов был сильно оттопырен, что обещало интересные находки.

— Разве вы не убираете вещи из карманов?

— Только самые ценные, мистер Бридон, или те, что могут указать нам на хозяина. Тут есть письмо. — Макферсон достал его и развернул. — Но, как видите, адрес наверху оторван. Так обычно делают, когда хотят запомнить адрес, если нечем его записать. Конверт отсутствует, внизу подпись — Деннис. Есть еще сверток, в него я не заглядывал. Он куплен в магазине, через почту не проходил, поэтому нет никаких сведений об адресе или владельце. Но мы можем раскрыть его, мистер Бридон, если вам любопытно.

Сверток был упакован в плотную грязноватую бумагу с оторванным краем и туго перетянут бечевкой. При виде его невольно приходило в голову, что он куплен в скобяной лавке. Эта догадка сразу подтвердилась. Внутри лежала одна вещь — новенькое долото. В другом кармане нашлась лишь курительная трубка. Мистер Макфер-

сон справедливо классифицировал данный предмет как не поддающийся идентификации.

— Насчет письма, — произнес Бридон. — Кому оно адресовано? Раз подписано просто «Деннис», вряд ли писавший обращался к адресату «Уважаемый сэр»?

— Вы правы, но тут удача снова против нас: в обращении есть только первый инициал: «Дорогой К!» Я забыл, как звали мистера Ривера?

— Колин. Все сходится. Самое забавное, что у него действительно был близкий друг по имени Деннис. Можно прочитать?

— Конечно, мистер Бридон, конечно. Письмо совсем короткое, но если это чем-нибудь вам поможет...

Письмо оказалось немногословным. Оно было без даты, а текст гласил:

Дорогой К! Желаю тебе всех благ и отличного настроения в грядущее совершеннолетие. Пиво за мной. Твой Деннис.

— Странное дело, — пробормотал детектив. — Совпадает имя отправителя и инициал адресата, да и само послание вполне в духе студента, поздравляющего одноклассника с днем рождения. Мистеру Риверу, насколько я знаю, в прошлом году исполнился двадцать один год. Но, конечно, ничего нельзя определить наверняка, пока мы не найдем автора письма или хотя бы образец его почерка. А пока лучшее, что я могу сделать, это пригласить сюда миссис Хемертон — сестру мистера Ривера-младшего — и показать ей плащ, чтобы она могла опознать его. Вы не поверите, но недалеко от дома нашли еще один плащ, и все решили, что именно он принадлежал ее брату.

— Нет необходимости беспокоить родственников покойного, мистер Бридон. Если вы оставите свой адрес и подпишете квитанцию о выданных вещах, можно сразу забрать их. Компания несет лишь ограниченную ответственность за найденный багаж, поэтому строгостей у нас

нет, если не считать предметов особой ценности. Если хотите, я могу завернуть их и отправить вам по почте.

— Нет, спасибо. Лучше я возьму их с собой, а потом расскажу вам, что о них сказали в Дорне. Кстати, где вы обнаружили этот плащ? По дороге в Пенстивен?

— Нет, в Аберфойле. Видимо, ваш друг ошибся поездом. Или отправился в Аберфойл, чтобы на половине пути пересечь на Пенстивен. Хотя это странный способ добраться до Блэруинни.

— Ну, как вам Дональд Ривер? — поинтересовалась миссис Уочоуп. — Он не пытался обратить вас в свою веру?

— По-моему, он очень приятный человек, — ответила Анджела, делая новый стежок. — Хотя, по правде говоря, мне было его жаль.

— Не надо жалеть людей за их старческие причуды. У меня таких нет, но я не признаю старости, я с ней сражаюсь. Ничто не дает респектабельным людям такого удовлетворения, как забота о своих грехах. Если же вы жалеете его за потерю сына, то уверяю...

— Нет, я имела в виду другое, — возразила Анджела. — Мне было его жаль, потому что, пока мой муж общался с Хемертонами, мистеру Риверу пришлось говорить со мной. А я боюсь, что гораздо больше он хотел побеседовать со своим другом из «Большого круга», мистером Райтом.

— Ну, вы скромничаете! Разумеется, старый дуралей вроде Дональда всегда предпочтет пообщаться с молодой дамой, это всем известно. На собратьев по вере у него хватает времени. Между нами говоря, зачем ему с ними общаться? Если бы я ударилась в религию, то стала бы квакершей, у них, по крайней мере, все молчат. И вообще, какой смысл беседовать с религиозными людьми? Они сами говорят, что для этого будет еще целая вечность. Лучше уж обменяться парой фраз с нами, грешниками, пока есть возможность. Отсюда еще не следует, что я включи-

ла вас в список грешниц... О чем я говорила? Ах, да, Дональд Ривер. Он любит подобное, потому что религиозен от природы. Все Риверы таковы. Генри всегда отзывается презрительно о священниках, но сам очень суеверен, а это близко к вере, не правда ли?

— Разве майор Генри суеверен? Вот уж никогда бы не подумала.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, только понаслышке. Но мне казалось, он не похож на людей такого типа.

— Люди суеверного типа и люди просто суеверные — не одно и то же. Однажды Генри чуть не убил свою служанку за то, что она притащила в дом павлинье перо. Вот почему он так нервничает из-за истории с беднягой Колином. Боится, что в следующий раз Макуильям увидит его собственное тело. Если это случится, я думаю, Генри просто ляжет и умрет, как принято у черных. Так, по крайней мере, я слышала.

— Значит, вы не верите, что он всерьез подозревает обитателей поместья? И все эти разговоры про большевиков и прочее — для отвода глаз?

— Не только. У людей такая каша в голове! Майор верит в большевиков, потому что хочет в это верить. И он хочет в это верить, потому что предпочитает, чтобы за ним охотились красные, а не какой-нибудь призрак. Добавьте сюда семейное проклятие. Помните, я говорила: наследство никогда не переходит от отца сыну? На самом деле, правда в этом лишь то, что большинство наследников у Риверов успевали умереть, так и не вступив в своих права. Обычное дело в местных семьях. Помещики — люди богатые, и им ничего не стоит дотянуть лет до восьмидесяти. А их несчастные наследники, не зная, чем заняться, отправляются на сафари в Африку, охотятся на гиппопотамов, воюют где попало и упиваются до смерти. Как говорится, конец один. Но Генри мечтает получить Дорн и страшно боится, что злой рок доберется сначала до него.

— Вам не кажется, что он стремится помешать своим кузенам растратить деньги за страховку? Знаю, это звучит скверно, однако...

— Поживите с мое, и вы поймете, что у каждого человека есть темная сторона, особенно внутри семьи. Но Генри знает, с какой стороны надо мазать бутерброд. Если Дональд возьмется за страховочную премию, он может потратить часть денег на поместье — починить пару заборов и все такое. А если нет, радоваться Генри будет нечему: хозяйство быстро придет в упадок. Кстати, вполне возможно, что Дональд спустит все средства на свою секту. Он по уши увяз в «Большом круге»... Боже мой, что с вами, милочка? Вы меня напугали!

— Там в углумышь, видите? — соврала Анджела, подхватив упавший клубок с нитками. — Прошу прощения. А, мистер Райт, здравствуйте! Вы кого-то ищите?

Кастерса Райта не могла смутить даже миссис Уочоуп. Он с уверенным видом приблизился к столику, где они сидели.

— Да, я хотел поговорить с вами, миссис Бридон. Это касается Дональда. Я недавно звонил ему, чтобы узнать, можно ли к нему подъехать. Мне сообщили, что ему снова стало хуже и он никого не принимает. Но за доктором не послали, я с ним только что разговаривал. У меня такое чувство, что Дональда пытаются изолировать. Вы не заметили, за обедом с ним было все в порядке? Мне казалось, он рад видеть нас.

— Наверное, просто устал, — предположила Анджела.

— Я хочу отправиться в разведку. В Оксфорде мне удавалось пробираться в любой колледж, и я не намерен мириться с этими интригами в Дорне. Кажется, вашего мужа нет? Когда он приедет, передайте ему наш разговор, хорошо? Если я не вернусь вовремя, пусть он знает, куда я направился. Надеюсь, мы с вами на одной стороне, миссис Бридон. Плохо, что старика пытаются изолировать от людей. Так не годится! Увидимся позднее.

И Кастерс Райт стремительно удалился, не дав никому произнести ни слова.

— Вы правы, — заявила миссис Уочоуп. — Дональда Ривера можно лишь пожалеть.

Глава 18

ОТКРЫТАЯ МОГИЛА

При всех своих многочисленных неудобствах — поезд, в котором Майлз Бридон возвращался из Глазго, служил очередным свидетельством, — железная дорога, по крайней мере, избавляет от плохой погоды. Выйдя из-под навеса Пенстивенского вокзала, детектив тихо выругался: ночь была холодной, а он попросил Анджелу не беспокоиться насчет машины и теперь мог рассчитывать только на автобус. Но буквально в следующий момент он наткнулся на майора Генри. Последовало короткое: «А, это вы», — и предложение подбросить Бридона до города. Оказалось, в Блэруинни у майора были какие-то дела.

— Весьма признателен, майор. Проблема в том, я хотел бы попасть сначала в Дорн. Кажется, там ужинают не раньше восьми часов? Дело в том, что я кое-что нашел.

— Хорошо, едем в Дорн. Что вы нашли? Багаж?

— Не совсем, — ответил Бридон, садясь в машину. — Странно, но это еще один плащ. Вероятно, он принадлежал Колину.

— Еще один плащ? Зачем ему два? А в карманах что-нибудь было?

— Почти ничего. Послушайте, майор, если не возражаете, я расскажу обо всем в Дорне. Тогда не придется мне говорить дважды. Да и вещи эти не мои, если я не ошибся, они принадлежат семье покойного.

— Хорошо. Но это явно какая-то ошибка.

Майор Генри погрузился в молчание и хранил его на протяжении всего пути, не считая тихого мурлыкания, которым он, как многие водители, подбадривал себя за

рулем. Вскоре у тяжелых ворот возле домика егеря промелькнула фигурка миссис Макуильям, и они нырнули в длинную темную аллею, где автомобильные фары с трудом разгоняли окрестный мрак, с кинематографической яркостью подсвечивая разбегавшихся от дороги кроликов.

Выяснилось, что Дональд Ривер уже час назад ушел наверх, и хотя он еще не спал, Хемертоны умоляли не беспокоить его и оставить новости до завтра. Кузену Генри великодушно предложили присутствовать при обследовании новой находки. Уговаривать майора не пришлось, он впился взглядом в плащ, словно опасаясь, что ему хотят подсунуть какую-то подделку. Еще более дотошно Генри изучил инвентарный список мистера Макферсона, словно подозревая его в опасном заговоре против поместья Дорн.

Винсент Хемертон был настроен не столь предвзято.

— Вопрос в том, — заметил он, — с какой стати Колин решил сесть в поезд, который даже в лучшие времена ходил по тупиковой ветке? Трудно придумать более нелепый способ попасть в Пенстивен. Похоже, у него действительно случилось что-то с памятью.

— Я в этом не уверен, — возразил Бридон. — Нельзя сказать, что это направление было ему хорошо известно, верно? В детстве он не добирался этим путем в школу? Потому что когда у людей пропадает память, они выбирают самые знакомые маршруты. Оказавшись на вокзале Сент-Бьюкен, он бы напрямик направился на поезд в Пенстивен.

— Значит, вы думаете, что это не его плащ? — спросила Мэри Хемертон с легкой ноткой разочарования.

— Не обязательно. Просто теперь мы можем иначе оценивать его последние передвижения. Поездка в Аберфойл вовсе не похожа на метания больного, лишившегося памяти. Скорее это можно принять за поступок здравомыслящего человека, решившего вернуться домой длинным и окружным путем, чтобы не встречаться со знакомыми людьми — носильщиками и тому подобное, — которые могли его узнать.

— Отличная версия! — воскликнул майор. — Только вы думаете, что Колин был свободным человеком и мог делать, что хотел. А если он был пленником? Именно в этом заключался их план — провезти его самым незаметным путем, по такой вот захолустной ветке.

— Странно, что они не воспользовались машиной, — заметил детектив. — Не самая удачная идея — таскать по вагонам пленника. И если за ним присматривало несколько бандитов, как они умудрились потерять его плащ?

— Ложный след, — попытался вывернуться майор Генри, но в его голосе не было уверенности.

— В любом случае, — нетерпеливо подытожил Хемертон, — мы можем заняться опознанием вещей. Вы сказали, что там было письмо, которое могли отправить Колину. Оно все еще в кармане?

— Нет, я взял его с собой, вот оно. Простите, что я его прочитал, миссис Хемертон, но в данных обстоятельствах я должен был это сделать. К счастью, в нем не содержалось ничего личного. Как по-вашему, это похоже на письмо, которое получил или мог получить ваш брат?

Мэри, сдвинув брови, склонилась над листком:

— У Колина был друг Деннис, однажды он гостил у нас. Но я не знаю его почерка, а имя распространенное. Вы нашли что-нибудь, кроме письма?

— Вот это. — Бридон достал сверток из скобяной лавки и развернул бумагу. — Довольно странная вещь, чтобы носить в кармане, вам не кажется?

— Дружище, это ясно как божий день! — воскликнул Хемертон, просяив. — Колин купил долото, чтобы закончить надпись у пещеры, а может, просто углубить ее. Правда, у него ничего бы не получилось, потому что это инструмент для работы по дереву, но он, видимо, не знал. Теперь все понятно! То, что Колин начертил на стене, являлось черновиком, вот почему он не обратил внимания на случайную царапину, которую мы приняли за перечеркивание. Значит, теперь мы знаем, что он был жив... А когда это происходило?

— Во вторник, четырнадцатого. Да, если бы миссис Хемертон могла идентифицировать почерк, или если бы автор письма поставил дату, или...

— Я знаю! — выпалила Мэри Хемертон. — Книга посетителей! Принеси ее, Винсент! Она на круглом столике в библиотеке.

Книга посетителей не оставила никаких сомнений, что автором письма был Деннис Стратт. Его почерк заметно выделялся среди других, особенно характерны были размашистые «т». Кроме того, из книги следовало, что Стратт останавливался в Дорне незадолго до двадцать первого дня рождения Колина, а значит, наверняка помнил о нем.

— Ну, что, мистер Бридон? — спросила Мэри с натянутой улыбкой. — Теперь вы удовлетворены?

— Но дело совсем не в том, чтобы удовлетворить меня, миссис Хемертон. Моя задача — написать отчет своим работодателям. Разумеется, я сообщу им о данной находке, так же, как и о сделанных мной выводах, которые, полагаю, совпадают с вашими. Надеюсь, что они примут во внимание все представленные мной доказательства, хотя вряд ли их можно было бы использовать в суде.

— Конечно, нет! — усмехнулся майор. — Вам известно только, что письмо Колину лежало у него в плаще. А кто его туда положил? И что вы знаете о самом плаще? Кто-то оставил его в поезде, но кто? Колин? Или нет? Может, к тому времени он уже умер? Кто угодно мог взять его плащ, случайно или специально, чтобы сбить нас с толку. Кто угодно! А вы говорите — в суде!

— Именно это я и хотел сказать, майор. Но судьи всегда должны подозревать обман, а моя Компания — нет. По крайней мере, не в подобных обстоятельствах. Она хочет лишь убедиться, что здесь не было мошенничества со стороны... заинтересованных лиц. И как бы мы не расценивали последнюю находку, ни о чем таком она не говорит.

— Письмо и долото — это все, что вы нашли в карманах? — спросил Хемертон.

— Еще была трубка. Очень похожая на ту, что обнаружили в другом плаще. Вот она. Впрочем, как справедливо заметила миссис Хемертон, такие вещи трудно запомнить, даже если вы видели их много раз.

— Ну, эту-то я как раз помню, — возразила Мэри, взяв у Бридона трубку. — Она похожа на ту, что мы видели раньше. Но я отлично помню эту выбоину на чаше, как раз этой стороной Колин стучал о каминную решетку. Помнишь, Винсент, ты еще говорил ему, что когда-нибудь он разобьет ее? А мундштук — смотрите, он весь изгрызен. У моего бедного брата были очень крепкие зубы. Никаких сомнений — это трубка Колина.

Майор пожал плечами и прошелся взад-вперед по комнате, словно не мог справиться со своими эмоциями. Потом он пробурчал:

— Короче, мое мнение вы знаете. К сожалению, я не могу остаться, а вам пора ужинать. Мистер Бридон, вы едете? Я подброшу вас до Блэруинни. Нет, нет, никакого беспокойства. Помяните мое слово, Хемертон, вы еще услышите об этих бандитах. — И он с разраженным видом вышел в дверь.

Майор вернулся к данной теме, как только они проехали арку, примыкавшую со стороны дороги к саду.

— В жизни не слышал ничего глупее, чтобы Колин разгуливал вот так по окрестностям? Вы в это верите? Верите, что он был еще жив во вторник?

Бридон не успел ответить, как произошло нечто неожиданное. Возле шоссе вдруг возникла ковылявшая по обочине фигура. Затем их окликнул мужской голос, и яркие фары осветили лицо Кастерса Райта.

— Эй, — крикнул он, — можете меня подбросить? Я повредил ногу. Бридон, это вы? Простите, но... джентльмен — ваш друг?

Бридон нахмурился. Люди, не знавшие компанейских манер Райта, могли бы подумать, что они с ним лучшие друзья. Но ему действительно требовалась помощь.

— Это майор Ривер, — произнес детектив. — Мы только что были в Дорне и направляемся в Блэруинни.

Кастерс Райт не торопился сесть в машину.

— Прошу прощения, майор, — сказал он, — надеюсь, вы не заодно с этой компанией, я имею в виду Хемертонов? Я слышал, у вас бывали какие-то разногласия в семье. Подождите, я хочу вам кое-что показать. Заглушите мотор, майор, пойдемте со мной.

Когда людям не оставляют выбора, они обычно делают то, что от них хотят. Смесь искренности и энергии, которую источал мистер Райт, действовала обезоруживающе. Майор выключил мотор, и они вместе с Бридоном направились за ним к окружавший сад стене. Их не смущало даже то, что обоим пришлось перебираться на противоположную сторону, используя вместо лесенки приклоненный к ограде плетеный щит.

— Вот так, — пробормотал мистер Райт, словно не замечая, какое магическое действие он оказывает на своих спутников. — Они не дали мне поговорить с Дональдом, заявив, будто он болен. Но я не стал с этим мириться, решил забраться внутрь, тем более что стена не такая уж высокая. Кстати, тут самое удобное место, чтобы перелезть. Подождите, стойте на месте, я сам вас поведу. У меня есть фонарик.

Дрожащий круг света озарил мерзлую землю, на которой они стояли, и осыпанные инеем сухие листья. В одном месте листва была грубо сметена в сторону, и под ней обнажилась деревянная рама вроде тех, что используют в теплицах. В стеклянной панели зияла черная зубчатая дыра, обозначающая то место, куда наступила нога мистера Кастерса Райта.

— Представляете, как весело наткнуться на такое в темноте, — прокомментировал он.

— Ловушка! — воскликнул майор. — Это абсолютно незаконно. Говорил я вам, этот Макуильям способен на что угодно. Поставлено на браконьеров, разумеется, но ловушки — это чересчур.

— Все в доме сейчас на ужине, — произнес Бридон. — Как насчет того, чтобы немного расчистить листья? Я хочу взглянуть на эту штуковину. Например, посмотреть, какая там глубина.

Они без труда убрали тонкий слой листьев и сравнительно легко подняли внушительную раму. Под ней обнаружилась яма примерно полтора фута в ширину и около шести футов в длину. Дно было неровным, но глубина нигде не превышала одного фута.

— Боже милостивый! — воскликнул майор. — Могила!

— Похоже на то, — кивнул Бридон, посветив внутрь фонариком Райта. — Я бы даже сказал — семейная могила. Взгляните на это.

Он указал на какой-то предмет, блестящий на земле в одном конце ямы. Это была подкова, фамильный знак Риверов. Бридон прикинул габариты майора Генри. Как и все Риверы, он был невысок, не более шести футов.

Дрожащей рукой майор взял предмет:

— Подкова! Мерзавцы! Мистер Бридон, прежде чем закончить свой отчет, вы должны выяснить, для кого эта могила!

— В данный момент меня больше интересует, кто ее выкопал. Но вы правы, подкова вряд ли оказалась тут случайно. Значит, вы думаете...

— И думать нечего! Они уже убрали беднягу Колина. Кто следующий? Старина Дональд не в счет, он и так долго не протянет. Значит, им нужен я, мистер Бридон. Помните письмо с угрозами? Но я заставлю их за все ответить, сэр, да-да, заставлю. У нас, славу богу, не Ирландия, здесь еще существуют законы!

Карстерс Райт с недоумением слушал его, а потом пробормотал себе под нос:

— Дональд. Они выкопали ее для Дональда!

Бридон с трудом подавил нервный смешок.

— Джентльмены, давайте смотреть на вещи трезво! Мы не знаем, как давно здесь эта яма. Скорее всего, она сделана для Колина. У нас и раньше возникали подозре-

ния, что с его телом как-то манипулировали. Я не говорю, что одно сходится с другим, видит Бог, в этом деле трудно связать все концы. Но я ставлю десять к одному, что эта могила — не новая загадка, а часть старой. Кстати, куда дели землю?

— Сложили вон там, у стены, — объяснил Кастерс Райт. — Я наткнулся на нее, когда искал место, где забраться. Она хорошо спрятана в зарослях сухой крапивы. Все это ужасно — бедный Дональд! Я пойду в дом.

— Не будьте дураком! — воскликнул Бридон. — Прошу прощения за резкость. Но подумайте сами, если вы правы, то могила еще не доделана. Здравый смысл подсказывает, что сначала нужно подготовить могилу, а потом уже убивать жертву. Сегодня ничего не произойдет. К сожалению, мы не сможем починить стекло. Надо лучше забросать его листьями и постараться скрыть все следы. Затем вы поедете с нами и покажете свою ногу доктору. А завтра я поговорю с Хемертонами: мне в любом случае необходимо обсудить с ними пару вопросов. Давайте, майор, беритесь за раму!

По дороге в Блэруинни они едва обменялись парой слов. Майор отказался остаться на ужин, но Бридон не настаивал. Нервы кузена Генри были в таком состоянии, что ему не следовало возвращаться домой поздно вечером. Кастерс Райт поступил на попечение доктора Парвиса. Проходя через холл отеля, Бридон удивился, что часы показывали только без пяти восемь, так много всего произошло за этот час.

— Надеюсь, тебя порадует, — сказал он Анджеле, торопливо переодеваясь к ужину, — что сегодня твой муж вел себя как грязная ищейка. Лиланду это наверняка понравится. Кстати, ответь мне как сыщик сыщику: женщина может узнать мужскую трубку? Вот так, сразу, бросив на нее лишь беглый взгляд? Например, если ты найдешь в местном саду трубку, ты поймешь, что она моя?

— Наверное, но только по запаху, у тебя специфический аромат. А кто опознал трубку? Миссис Хемертон? Ты

вроде говорил, что она ничего не смогла сказать про трубку в том плаще.

— Да. Поправь, пожалуйста, галстук. Но дело в том, что за это время я успел найти другой плащ, и в нем тоже лежала трубка. И вот эту вторую трубку миссис Хемертон, будучи трезвой и рассудительной женщиной, с первого взгляда опознала как вещь своего брата. Как, по-твоему, это нормально или я должен что-то заподозрить?

— Разве что совсем чуть-чуть. По-моему, когда видишь чужую вещь, то не понимаешь, как к ней относиться. А вот когда попадается что-либо знакомое, сразу узнаешь ее по всяким мелким признакам, о каких раньше никогда не думал, и говоришь себе: «Ну, да, это она!» Так же бывает и с забытым именем, пока тебе его не назовут, ты не вспомнишь.

— Ваши психологические способности, миссис Бридон, весьма впечатляют и в другом случае наверняка могли бы нам помочь. Но, увы, есть один момент, который в корне меняет всю ситуацию.

— Что за момент?

— В обоих случаях это была одна и та же трубка.

Глава 19

БРИДОН ОБЪЯСНЯЕТ

Вечером миссис Уочоуп ужинала за их столом, обстоятельство, которое Анджела сочла бы благоприятным, если бы оно не случилось так не вовремя. Бридонам не терпелось обсудить последние события в Дорне. Но даже если бы они решили посвятить в них миссис Уочоуп, сделать это за столом было невозможно, ее голос разносился среди толпы как рев сирены. Поэтому Майлз весь ужин рассеянно играл со своей салфеткой, а Анджела с преувеличенным рвением старалась поддерживать общий разговор. Миссис Уочоуп невозмутимо вела беседу, не обращая

внимания ни на какие шероховатости или неловкости, которые могли бы ей помешать. Впрочем, как вскоре выяснилось, ее монолог не был столь уж бесполезным.

Вскользь упомянув о состоянии Риверов, она вдруг обронила фразу о «бедняжке Мэри Хемертон, которая живет на краю финансового вулкана».

— Но мне казалось, — вставил Бридон, мигом навострив уши, — что Хемертоны вполне обеспеченные люди?

— Наоборот. Таких людей трудно назвать обеспеченными. Вот я — человек обеспеченный, поскольку мои средства хранятся в надежных бумагах, и я достаточно предусмотрительна, чтобы вовремя продать их. А Винсент Хемертон — азартный игрок. Не смотрите на его старомодные причуды вроде того, чтобы носить в доме бахилы и укладывать свои бритвенные лезвия строго на север. Он будет до хрипоты торговаться с продавцом на дешевых распродажах, а сам просадит пятьдесят тысяч фунтов из-за неудачных вложений в чехословацкий золотой прииск. Сейчас все деловые люди таковы, уверяю вас. «Щелк — вот и деньги!» — Миссис Уочоуп с улыбкой оглядела стол, обращаясь к тем, кто помнил эту газетную рекламу. — Мы поступаем глупо, доверяя свои средства другим людям, и порой я подумываю, не лучше хранить деньги в чулке, хотя если учесть качество нынешних чулок... Мистер Бридон, кажется, вас это шокирует? Дорогуша, как приятно иметь мужа, который еще морщит лоб при упоминании женских чулок! Но о чем я говорила? Ах, да, о Винсенте Хемертоне. У него нет надежного дохода, он из тех, кого называют финансовыми магами, а я бы назвала финансовыми фокусниками. Есть, знаете ли, такие иллюзионисты, они вертят в руках две пачки мыла и превращают их в одну. А эти финансисты делают наоборот — берут одну пачку денег и превращают в две. Винсент Хемертон вечно жонглирует деньгами, и будьте уверены, он бы с удовольствием пожонглировал той страховкой, какую должно выплатить ваше руководство. Может, просто ради раз-

влечения или для того, чтобы спасти свою шкуру. Трудно сказать наверняка, пока вы не ознакомитесь с его личными счетами, и чем скорее, тем лучше.

— Но это не мешает ему осторожно играть в шахматы, — заметил Бридон.

— Не спорю, однако шахматы — отвлеченная игра, и там всегда есть время подумать. Вы когда-нибудь видели, как Хемертон играет в покер? Нет, и вряд ли кто-нибудь видел. Он не карточный игрок. Шахматы ему нужны, чтобы отдохнуть, он весь день играет в азартные игры, так зачем ему делать это еще и вечером? Посадите Винсента Хемертона у камелька, и он будет хоть до утра размышлять, куда ему поставить свою левую ладью. Но попробуйте объявить финансовый кризис, и он очертя голову бросится в авантюру.

После этого миссис Уочоуп затронула другие темы, и ее последующие рассуждения, хотя сами по себе весьма занимательные, не имеют отношения к нашей истории. Когда ужин закончился, она объявила — поистине королевским тоном, — что должна отбыть на местный благотворительный концерт.

— Впрочем, это неважно, потому что если я буду в своей обычной форме, то засну раньше, чем они дойдут до «Энни Лори», а остальное можно не слушать. Спокойной ночи, друзья мои. И скажите моим знакомым, что пригласили меня за свой стол только потому, что я сама на этом настояла, тогда они не будут ревновать.

Бридоны не стали возражать и немедленно проследовали в свой номер, где им предстояло обсудить последние новости.

— Так ты говоришь — одна и та же трубка? — произнесла Анджела, когда Майлз рассказал ей о беседе в Дорне. — Из этого можно заключить, что плащ номер два стал твоим собственным вкладом в это запутанное дело. Замечательная у меня интуиция, правда?

— Еще замечательнее то, что ее нет у других. Я часто удивляюсь, когда люди глотают мою наживку, собствен-

ная ложь кажется неубедительной. Да, ты права, я решил, что настало время и мне что-нибудь найти.

— Обведя вокруг пальца чиновника в Сент-Бьюкене?

— Тут мне повезло. Я собирался проделать довольно неуклюжий фокус. Под пальто у меня был надет плащ, а в его карманах лежали вещи, которые я приготовил заранее. Хотел незаметно подсунуть его на какую-нибудь полку и потом убедить заведующего, будто помощник забыл зарегистрировать его. А может, снять бирку с другой одежды и прилепить ее на плащ, я не знал, как у них там все устроено. Но оказалось, что в нужный мне день кто-то действительно забыл свой плащ. В Глазго часто бывают дожди, пассажиры обычно прихватывают с собой что-нибудь непромокаемое, а затем забывают на полке, когда погода проясняется. Конечно, его потеряли не на той ветке — это было бы уж чересчур. Да и цвет немного отличался от плаща, какой нашел майор. Но в целом все более или менее сходилось. Мне осталось лишь подкинуть в карманы свой реквизит, как только заведующий отвернулся в сторону. Составленный им список с перечнем найденных в плаще вещей довершил дело.

— Наверное, ты не успокоишься, пока я не скажу, что до сих пор не понимаю, зачем ты это сделал. Хотел посмотреть, проглотят ли Хемертоны наживку?

— До сих пор все, что мы обнаружили — следы в пещере, первый плащ, содержимое его карманов, — свидетельствовало о том, что Колин Ривер умер в понедельник, или не говорило ни о чем. Какова была реакция заинтересованных сторон?

— Майора радовали эти находки. Однако дата смерти Колина не имеет для него особого значения. Вспомни, это он подал идею про Чертову впадину и нашел первый плащ. А нам всегда нравится, когда мы в чем-то оказываемся правы. В то же время Хемертоны, как ты заметил, не выражали никакого желания отправиться на Чертову впадину и с большим сомнением отнеслись к первому плащу. А это означает...

— Что же?

— Во-первых, им не нравится версия, что Колин умер в понедельник, тут и так все ясно. А во-вторых, если кто-то и подкинул фальшивые улики — кроме тебя, конечно, — то это не Хемертоны, иначе они бы постарались оставить доказательства того, что в понедельник и вторник Колин был еще жив.

— Это важный момент. Но чтобы проверить версию, как того требует наука, мне пришлось посмотреть, что произойдет в том случае, если у нас появится новая находка, подтверждающая более позднюю дату смерти Колина. Это не могло быть нечто окончательное и стопроцентное, вроде помеченной вторником газеты, скомканной в кармане его плаща. Нет, я хотел показать только приманку, намек на то, что Колин был жив после понедельника, и дать возможность за него ухватиться. Доло-то, как я и рассчитывал, навело Хемертона на мысль, что Колин решил углубить и доделать свою надпись. Вот почему, оказавшись в понедельник в Глазго, он купил первую подходящую вещь, попавшуюся ему на глаза. Хемертоны клюнули на мою историю. Значит, они намерены доказать, что Колин умер позднее, а не раньше. Следовательно, если кто-то подкинул прежние улики, это были не они. Все сходится, не так ли?

— Да. Кстати, как ты получил это письмо?

— Прихватил в комнате Колина. Письмо написал мистер Деннис Стратт, и я подумал, что будет полезно иметь при себе его адрес на случай, если мне понадобится связаться с ним. Но я оторвал адрес перед поездкой в Глазго, иначе мог возникнуть вопрос, почему бюро потерянных вещей не обратилось к Стратту. Все сработало отлично. Вопрос в том, действительно ли Хемертоны поверили в мою историю, не имея при этом никаких дурных намерений, или только притворились, будто поверили, поскольку она подтвердила нужную им версию? Вот почему меня заинтересовал последний разговор с миссис Учоуп.

— А что случилось по дороге домой?

— Ах, да, могила Кастерса Райта!

— Господи, надеюсь, он не...

— Прости, я неправильно выразился. Я имел в виду, что Райт нашел ее, а не то, что он в ней лежит. Короче, было так...

И Бридон рассказал жене всю историю, постаравшись скрасить мрачные подробности веселым и беспечным тоном.

— О господи! — воскликнула Анджела, когда он замолчал. — По-твоему, это еще одна подделка? Ложная улика?

— Вряд ли. Ложные улики подбрасывают так, чтобы их могли обнаружить нужные люди и в нужном месте. А Кастерсу Райту для этого пришлось перебраться через садовую стену и наступить ногой в раму для теплицы. Это исключительно его заслуга, мы с тобой никогда не нашли бы ее. Нет, проблема как раз в том, что это самая настоящая могила, и черт меня подери, если я понимаю, что она означает.

— У майора и мистера Райта есть свои версии.

— Да, хотя обе звучат неправдоподобно. Можешь представить, чтобы какой-то незнакомец вдруг явился в сад и стал копать могилу? А если бы и стал, то зачем? Конечно, Винсент Хемертон мог выкопать в Дорне хоть сто могил — это версия Райта. Да и любой житель поместья мог под каким-нибудь предлогом сделать то же самое — это версия майора. Других вариантов нет. Но оба — совершенно немыслимы.

— Ты хотел сказать — маловероятны?

— Немыслимы. Супружеская пара, живущая под одной крышей с уважаемым помещиком, не может просто так взять и отправить его на тот свет, а потом закопать в землю и поставить знак: «Покойся, милый прах». Сразу возникнут вопросы, что случилось со стариком, тем более что он был болен, а они за ним присматривали. Но если они держали зуб на молодого наследника, зачем им рыть могилу в двух шагах от особняка, где всегда полно людей, когда в их распоряжении все поместье? Нет, это стран-

ное гробокопательство под кровом ночи имеет смысл, если у вас на руках вдруг оказался труп и вам необходимо срочно от него избавиться, притом, что все уверены, что мертвец находится где-то далеко. Такое вполне могло случиться с Колином, но данная версия так же невозможна, как и две других. Посуди сама, зачем в поте лица копать могилу, а потом выкладывать тело у дороги?

— Вероятно, их планы внезапно изменились. Или труп обнаружили случайно, а они сами этого не хотели. Можно назвать много всяких причин.

— Да, но давай вернемся к тому, с чего все началось. Зачем надо было убивать Колина или, если угодно, зачем нужно было прятать его тело? Только потому, что за него полагалась огромная страховка и возникли проблемы с платежами. А раз так, для чего тайно хоронить труп в таком месте, где его никто не может найти? Надеюсь, ты не думаешь, что мое начальство согласится выплатить страховку, если к нему просто явятся родственники и друзья клиента и заявят, что он исчез? А может, он уехал в Южную Америку и живет там под чужим именем? Нет уж, если имеете дело с «Бесподобной», извольте предъявить труп. И не говори мне, будто они хотели зарыть его на пару дней, а потом снова откопать. Извини за подробности, но в нашем климате, чем меньше мертвец пролежит в земле, тем лучше он будет выглядеть.

— Ты прав, обойдемся без деталей. Что ты намерен делать?

— Я уже телеграфировал нашему консулу на Мадейре. Если и тут ничего не получится, придется связаться с мистером Деннисом Страттом. Но для этого надо ехать на Юг, а я пока не хочу покидать арену действий. Кстати, ты знаешь стихотворение Мюссе, где он рефреном повторяет одну строчку: «О, где ты, мой неутомимый брат?» Я обещал Кастерсу Райту быть в холле полдесятого, чтобы удерживать его от необдуманных действий. Как, уже без двадцати десять? Нужно бежать, пока он снова не удрал в Дорн. Этот человек не знает отдыха.

Глава 20

БЕГСТВО РИВЕРОВ

— Табак заканчивается, — заметил на следующее утро Бридон, набивая свою первую трубку. — Будет неплохо, если завтра ты напомнишь мне пополнить запас. Вот только есть ли в здешних краях подходящие сорта? Даже шотландский продавец не убедит меня перейти на другой.

— Не говоря уже о том, — добавила Анджела, — что ты сможешь купить его только в одной из тех скверных лавчонок, которые работают по воскресеньям, чтобы продавать газеты. Хотя я не уверена, что в Шотландии такие есть.

— Ты хочешь сказать, что завтра уже воскресенье? И мы почти неделю торчим в этих болотах?

— Дела понемногу двигаются, — произнесла Анджела. — Давай посчитаем, завтра будет ровно две недели, как мы узнали, что мистер Ривер мертв...

— Да, это было в воскресенье. Анджела, будь любезна, напомни мне, когда Компания получила последний чек за страховку?

— В понедельник утром, если верить Шолто. По крайней мере, тогда чек поступил в офис в Перте. Кажется, Шолто не сказал, когда они получили его в Лондоне. А что?

— Ничего, просто пришла в голову одна мысль.

— Майлз, перестань! Я прекрасно вижу, когда ты обдумываешь нечто важное. У тебя сразу вытягивается лицо, рот становится круглым, как у рыбы, и вообще, ты похож на человека, который хочет свистнуть, но не может. Давай, колись, как говорят в школе.

— Не скажу ни слова, пока не проверю кое-что. Да и после вряд ли. У кого бы мне выяснить... У доктора Парвиса, конечно, — это самый лучший вариант. Сейчас он в отеле. Надо его найти и задать пару вопросов.

Но оказалось, что доктор и сам узнал много новостей, которыми ему не терпелось поделиться.

— Простите, мистер Бридон, — выпалил он, едва успев поздороваться, — но вы не знаете, куда уехали Хеммертоны? Я не представляю...

— Уехали? Я видел их вчера вечером и не помню, чтобы они куда-то собирались. Наверное, это ошибка.

— Мне сообщил об этом ваш друг, мистер Кастерс Райт. Я заглянул к нему сегодня утром, по поводу ноги, и он как раз звонил в Дорн. Дворецкий сообщил, что все они уехали на вокзал.

— Все? Кроме мистера Ривера?

— И мистер Ривер тоже. Признаюсь, меня это очень беспокоит. Он еще слишком слаб для путешествий. У вашего друга — мистера Райта — возникла странная мысль, что Хеммертоны хотят убить его. Я не совсем понял, с какой целью, но если они действительно этого хотят, то это хороший способ. Не знаю, что на них нашло. К счастью, свежий воздух убивает больных не так часто, как считают врачи.

— Удивительно, — пробормотал Бридон. — Не могли же они сорваться просто так, не оставив адреса. Кстати, мистер Райт объяснил вам, почему он подозревает Хеммертонов?

— Да, он вообще очень разговорчив. — Очевидно, доктор Парвис уже знал, что мистер Райт представляет «Большой круг», и не проникся к нему симпатией. — Но могилы меня не интересуют, я торопился к другим пациентам и сразу ушел. Как вы думаете, мистер Бридон, может, нам следует отправиться в Дорн и выяснить у слуг, что произошло? Я знаю Сандерса — он добрый малый.

— Конечно, мы так и сделаем. Вы на машине? Хотя нет, лучше я возьму свою, потом мне надо будет еще кое-куда съездить, разумеется, после того, как подброшу вас до дома. Минутку, я поговорю с женой.

Оставшись без хозяев, Дорн сразу лишился своей привычной чопорности. С виду он выглядел так же, как вчера, но атмосфера в нем разительно изменилась. Местный

водитель, весело насвистывая, мыл машину у парадного подъезда. Служанки в открытых окнах так усердно драили пол, словно впервые дорвались до веника и швабры. На подоконнике лежала куртка садовника. Даже Сандерс вышел к ним в утреннем неглиже, чего прежде никто не видел. Он хранил невозмутимо-добродушный вид, как человек, который твердо уверен в том, что всему есть какое-то объяснение, хотя и не знает, какое именно. Приличествовавшая случаю озабоченность соседствовала в нем с вежливой улыбкой.

— Нет, сэр, ничего не просили передать. Конечно, они оставили бы какое-нибудь сообщение, если бы считали, что в нем есть необходимость. Насколько я понимаю, сэр, вчера вы закончили свое расследование и больше не нуждаетесь в их помощи. — Дворецкие, как известно, стоят позади хозяйских кресел и отнюдь не глухие. — Не хотите зайти в дом? Мистер Ривер был бы рад, если бы вы у нас погостили.

— Нет, спасибо, — помедлив, ответил Бридон. — Просто я не думал, что они уедут так рано, и у меня осталась пара вопросов, которые я хотел бы обсудить с миссис Хемертон. Она оставила адрес, по которому можно ей написать?

— На багаже была лондонская этикетка, сэр, но вряд ли они отправились по своему лондонскому адресу, дом заколочен. Вы знаете их загородный адрес — Кроссуэй, близ Девайзеса? Почта туда обязательно дойдет. Впрочем, я думаю, что они свозят мистера Ривера на пару дней к морю для поправки здоровья.

— Спасибо. Значит, Кроссуэй, близ Девайзеса? Мистер Ривер, случайно, не сказал, когда он вернется? Хотя нет, конечно, это будет зависеть от его самочувствия.

— Надеюсь, — вставил доктор, — вы проследили за тем, чтобы мистера Ривера как следует укутали? Он еще не выздоровел, и путешествовать в такую погоду для него опасно. Вам не следовало отпускать его, не посоветовавшись со мной.

На лице Сандерса было написано, что он благодарен за столь высокое мнение о его возможностях, но, как истинный профессионал, не может принять подобный комплимент.

— Я позволил себе спросить, не считает ли он, что это будет неблагоразумно, сэр, но вмешиваться в его планы — не в моей компетенции. Мистер Ривер заявил, что чувствует себя хорошо и хочет на время покинуть дом. Но я позаботился о том, чтобы он надел свою меховую шубу и дал ему с собой две бутылки с горячей водой. Кроме того, Уайт сказал, что они поедут первым классом. Я полагаю, сэр, после всех этих событий маленькое путешествие ему не повредит.

— Да, и вот еще что! — воскликнул Бридон, словно его осенила новая мысль. — Вероятно, завтра у меня появятся новости для миссис Хемертон. Когда у вас отправляют последнюю почту, здесь или в Пенстивене?

— По воскресеньям — в пять вечера здесь и в восемь в Пенстивене, сэр. В будни почту забирают около полудня. Вам записать адрес миссис Хемертон?

— Нет, спасибо, я запомню. Ну, что ж, доктор, пора отвезти вас к вашим пациентам, пока они не начали волноваться. Хорошего дня, Сандерс, и большое спасибо. — Когда они отошли от дома, детектив добавил: — Сдается мне, Сандерс не отпустил бы мистера Ривера, если бы он действительно был совсем плох. Той ночью у него был серьезный кризис, верно?

— Да, я за него сильно беспокоился. Сердце у мистера Ривера слабовато. Я пробыл в Дорне всю ночь и почти не спал.

— Похоже, всем пришлось несладко. Майор тоже остался на ночь?

— Нет, только заглянул к больному, поговорил с мистером Гилкристом — это семейный адвокат Риверов — и вернулся в Лэнгбро.

— То есть совсем рано? Я спрашиваю, потому что, может, он видел... нечто необычное возле шоссе часов в девять вечера. Впрочем, он ехал по другой дороге...

По лицу доктора было неясно, заметил ли он, что у него пытаются выудить информацию.

— Майор уехал в десять часов или в половине одиннадцатого, — ответил он. — И вы правы, он не мог оказаться на дороге между двух коттеджей. Но, я думаю, он ничего бы не увидел, даже если бы свернул на шоссе от Блэруинни к Пенстивену. Тело лежало за большой грудой камней, если Макуильям сказал правду и в понедельник все выглядело так же, как в среду.

— Да, это интересно. Только тот, кто ехал со стороны Пенстивена, мог что-нибудь заметить, а таких вряд ли было много, потому что Пенстивен — самое подходящее место для ночевки. Доктор, надеюсь, вы удержите Кастерса Райта в постели хотя бы до вечера, нам совсем ни к чему, чтобы он рыскал по всей округе. Предположим, я захочу нанести вам визит. Завтрашний день вас устроит?

— Да, устроит, особенно после обеда. Здесь живут добрые люди, они стараются не посылать за врачом по воскресеньем, кроме самых крайних случаев. Буду рад вас встретить.

— Залезай в машину, Анджела, — сказал Бридон, когда доктор ушел. — Кажется, ты хотела познакомиться с майором? Поскольку у него нет телефона, сегодняшние новости — подходящий повод, чтобы заскочить к нему на огонек.

Недавний визит в Дорн настроил Бридона на минорный лад и, наверное, поэтому Лэнгбро показался ему столь же хмурым и унылым. Его звонок эхом разнесся по дому, ответом был только лай собаки. Наконец дверь распахнула всклокоченная горничная.

— Хозяина нет дома, сэр, — объявила она. — Вы тот джентльмен, которому я должна передать записку? Подождите, сейчас принесу.

— Не знаете, он вернется к вечеру? — спросил Бридон, когда записка уже была у него в руках.

— Вряд ли. Он взял вещи и уехал на машине. Сказал, что сообщит, когда вернется.

— Понятно. А он не говорил, куда направляется?

— Нет. Распорядился, чтобы ему оставляли почту, пока он не приедет.

— Что ж, значит, это ненадолго. Он собирался ехать поездом?

— Может, оставит машину в гараже и сядет в поезд. Или проведет всю дорогу за рулем.

— А где у него гараж?

— Не могу сказать.

— Спасибо. Нет, ответ на записку не нужен. Приятного дня.

Когда Анджела взяла у мужа записку и прочитала ее содержание, ей оставалось лишь нахмурить брови. Обычная карточка с адресом Лэнгбро, поперек которой была надпись: «... грянул ликующий...»

— Ну, и что мы должны из этого заключить? — спросил Бидон.

— Не могу сказать, — ответила Анджела, передразнивая горничную. — Конечно, с его стороны очень мило, что он вообще что-то написал, но мог бы выразиться яснее.

— Это тоже странно. Майор мог ожидать, что я к нему заеду, но я ничего ему не говорил. Вероятно, Хемертоны написали ему письмо и предупредили, что упорхнут из гнездышка. Будь я проклят, если понимаю, что все это означает. Отсутствие Риверов — это подозрительно.

— Ты у нас детектив или кто? Может, им просто надоели твои плащи, надо же и меру знать! Или майор решил заняться частным сыском? Мне кажется, в этой фразе ясно слышится слово «улики».

— Когда ты отучишься острить в самое неподходящее время? В любом случае это какой-то код, и мы должны расшифровать его. Я тебе говорил, что каждую неделю майор разгадывает кроссворды? Он в курсе, что я тоже это люблю, вот и подкинул что-то в этом духе. «... грянул ликующий...» — похоже, это какая-то цитата. Ты ничего такого не помнишь?

— Я обязательно найду эту цитату! И не скажу тебе ни слова, пока не услышу, что ты там надумал насчет пенсивенской почты. Бьюсь об заклад, к обеду я все узнаю.

Однако проблему решило неожиданное вмешательство со стороны. Когда они сидели при тусклой лампе в комнате отдыха — единственном месте в «Блэруинни», где можно рассчитывать на уединение, — к ним подошла миссис Уочоуп.

— Что, сочиняете шарады? — произнесла она. — Обожаю шарады. Приятно, что кто-то в них еще играет. Я всегда говорю, что современная молодежь забросила это занятие, потому что у нее просто не хватает на него мозгов. Ну, что у вас там? О, я знаю эту фразу!

— Только не говорите ему, миссис Уочоуп! — воскликнула Анджела. — По крайней мере, пока не заключите с ним сделку, а то он станет совсем невыносим. У Майлза все утро от меня какие-то секреты, а хорошие мужья так себя не ведут, не правда ли?

— Понятно, что у человека есть секреты, — заметила миссис Уочоуп, устроившись рядом с таким видом, словно собиралась просидеть тут целый день. — У меня тоже есть, я люблю секреты. Иначе вы не вытянули бы из меня ни слова, даже под пыткой. Хочу честно предупредить вас, мистер Бридон, вы никогда не догадаетесь, что это такое, если не сообразили до сих пор.

— Я и не собирался ничего скрывать, — возразил Бридон, — но рассказывать особо нечего. Мне в голову пришла одна мысль, вероятно, она поможет прояснить тайну смерти Колина Ривера. Но вам это совсем не интересно, миссис Уочоуп.

— Очень интересно! Риверы — мои старые друзья, и я буду рада услышать, что они кого-нибудь убили. О чем речь?

— Дело в том, что в тот воскресный вечер майор уехал из Дорна после десяти часов. Он пообещал отправить письмо Дональда Ривера с последней почтой. Но в суматохе все забыли, что было воскресенье и майор при всем

желании не мог послать его в тот же день, поскольку почта закрылась в восемь. Однако на следующее утро письмо оказалось в Перте.

— И мы должны догадаться, как это произошло? Вот что я думаю, Генри отвез письмо в Перт на своей машине.

— Конечно, это единственное объяснение, как оно могло там оказаться. Однако в таком случае майор должен был проехать как раз мимо того места, где Макуильям на следующее утро нашел тело. Причем проехать дважды, поскольку он не сразу вспомнил про закрытую почту, скорее всего, это случилось уже ближе к Пенстивену. Сначала он отправился из Пенстивена в Перт через Блэруинни, а потом обратно. Разумеется, в свете фар майор мог разглядеть то, что лежало у дороги.

— Но разглядывать было нечего? — разочарованно спросила Анджела.

— Если было, то почему он об этом не сообщил? Майор знал, что в городе ведется следствие, наверняка знал и то, что полиция ищет машины, проезжавшие мимо того места поздно вечером. Но он промолчал, сделав вид, будто ему ничего не известно. Впрочем, я вижу, вас это не слишком впечатляет. Теперь ваша очередь, миссис Уочоуп!

Старая леди села за стоявшее в углу пианино и, аккомпанируя себе, пропела стих из рождественского гимна:

Когда родился Христос у Марии
Во граде светлом Вифлееме,
Ангелов грянул ликующий хор:
In excelsis gloria*.

— Как вам это? — спросила она. — Кажется, у вас такое не поют. Вот что имел в виду Генри, хотя, честно говоря, я не понимаю, откуда он это взял. Видимо, прочитал на рождественской открытке.

* Слава Всевышнему (лат.).

— Верно, — кивнула Анджела. — «Ангел», «хор» — вот два недостающих слова. Майлз, что ты там ерзаешь? Не понимаешь, что это значит?

— Хочешь сказать, ты не понимаешь, что это значит? Мы имеем дело с анаграммой, неужели неясно? И в ней зашифровано место, куда отправился майор Ривер, только так он мог передать мне информацию, недоступную для других. При желании в восемь букв можно поместить полный адрес: графство, город, улицу и дом.

— Майлз, помолчи, ладно? Как я могу решать загадку, если ты постоянно зудишь над ухом?

— Черт возьми, я хочу заняться делом, а не торчать тут до скончания века! Кстати, я не упоминал, что майор прихватил с собой клюшки для гольфа?

— Ах ты хитрец! Но я почти догадалась, честное слово!

Глава 21

ЛИЦО В ОКНЕ

К тому времени, как они добрались до отеля «Гленарох», знаменитого своими полями для гольфа, обед стал для них более насущной проблемой, чем общество майора. Но кузена Генри они нашли как раз в столовой, он сидел за столом с каким-то незнакомцем. В фигуре этого последнего не было ничего мрачного или зловещего, напротив, его розовые щеки, довольный прищур глаз и явное удовольствие от тех земных благ, которые посылал ему Господь, свидетельствовали о том, что перед нами вполне милый и приятный человек. Во время обеда две компании могли только любезно раскланяться друг с другом, но после кофе они сошлись вместе, и незнакомца представили как мистера Гилкрита.

— Майор услышал, что я остановился здесь, — объяснил он. — Последние годы я веду все семейные дела Риверов. Вот он и подумал, что если вам надо пообщаться друг с другом, мое присутствие не помешает. Я прав, майор?

Вы не представляете, мистер Бридон, скольких недоразумений и ошибок можно было бы избежать, если бы все деловые разговоры велись в присутствии адвоката.

— Мне непонятно, майор, — произнес Бридон, — почему вы считаете, будто я хочу с вами поговорить? Я действительно хочу, но только потому, что вы так внезапно уехали из Лэнгбро. Если причина в том, что вы не желали встречаться со мной без юридического консультанта...

— Нет, дело не в этом, — перебил майор. У него был вид человека, который слишком долго убегал от своих проблем и теперь решил встретить их лицом к лицу. — Я приехал сюда, потому что поместье стало действовать мне на нервы. Знаю, вы скажете, это трусость. Вероятно, однако когда постоянно ждешь, что вот-вот что-нибудь случится, это кому угодно истреплет нервы. Могила стала последней каплей. К тому же вы все время меня подозревали.

— Подозревал? С чего вы взяли?

— А плащ? Не теряли его ни в каком поезде! Вы его сами подкинули? Не знаю, для чего, но вы нас проверяли: только дурак бы этого не понял.

Анджела кашлянула и поднялась:

— Думаю, вам лучше продолжить без меня. Адвокат еще ладно, но разоблачать человека в присутствии его жены — вещь недопустимая. Плохо для семейной дисциплины.

— Чепуха, — отрезал майор. — Вы останетесь. Мы все должны с этим разобраться, раз и навсегда. Итак, мистер Бридон, что вас беспокоит?

— Множество вещей. Но я задам вам лишь один вопрос, а мистер Гилкрест пусть решит, следует вам отвечать или нет. В тот вечер, две недели назад, по какой дороге вы уехали из Дорна?

— По Пенстивенской, конечно. Кому взбретет в голову двигаться через Блэруинни? Это несколько дополнительных миль.

— Разумеется. Значит, в ту ночь вы не проезжали мимо того места, где потом нашли тело вашего кузена?

— К чему вы клоните? С какой стати мне понадобилось бы ехать из Дорна в Пенстивен через Блэруинни?

— Давайте говорить прямо. В Дорне вам отдали письмо, чтобы вы отправили его по почте, — письмо, в котором лежал чек для оплаты страховки вашего кузена. Пенстивенская почта была закрыта. А на следующее утро чек оказался в офисе «Бесподобной» в Перте. Значит, кто-то доставил его туда лично, вы или кто-нибудь другой. Вот я и спрашиваю: это были вы?

Майор Ривер покосился на мистера Гилкрита. Тот страхнул пепел с сигары и кивнул.

— Да, — ответил майор, уставившись на дно своей чашки. — В ту ночь я поехал из Пенстивена в Перт через Блэруинни. Что дальше?

— Могу я узнать, в каком часу это было?

— Я обязан отвечать на вопрос, мистер Гилкрис?

— Никто вас не принуждает, майор, но на вашем месте я рассказал бы мистеру Бридону все, что он хочет знать. Если дело дойдет до суда, вам все равно придется отвечать.

— Хорошо, тогда слушайте. Мне действительно передали письмо, и я обещал отвезти его на почту. Все забыли, что было воскресенье и почтамт закрылся раньше времени. Понятно, в доме больной, везде снуют сиделки и врачи, на воскресенье совсем не похоже. В Пенстивене я сообразил, в чем дело, и увез письмо домой, к чему спешить? Но мне не спалось. Не знаю, как вы, мистер Бридон, а я люблю выполнять свои обещания. Дональд хотел, чтобы его чек оказался в Компании в понедельник утром. Единственное, что можно было сделать — отвезти его в Перт. Там находится их филиал. Глупо было отправляться туда ночью. Но я не мог заснуть, ходил взад-вперед по комнате. Короче, в пять часов утра я был уже в машине и мчался в Перт.

— По дороге вы не видели ничего необычного?

— Нет.

— Я так и думал, иначе вы повернули бы обратно. Ну, а на обратном пути вы что-нибудь заметили, майор?

Генри снова замолчал, изучая кофейную гущу в своей чашке, потом буркнул:

— Да, черт возьми, заметил! Или мне померещилось. Смотреть на то, что у тебя прямо перед носом, и на то, что в зеркальце, не одно и то же.

— Вы имеете в виду зеркальце заднего обзора?

— Да. Что мы знаем о таких вещах? Камеры иногда дают сбой. Может, то же бывает и с зеркалами? В общем, там мелькнула картинка: бедняга Колин, приваленный к куче камней. Только на одно мгновение. Затем дорога повернула, и все исчезло. А я... вряд ли вы поймете, что я тогда почувствовал.

— Вы поехали дальше?

— Да, врать не стану. Даже поддал газу. Разумеется, если бы я хоть на секунду поверил, что это действительно Колин, живой или мертвый, то сразу бы нажал на тормоз. Так бы и всякий поступил. Но... не знаю, мистер Бридон, приходилось ли вам слышать, что в нашей семье близкая родня получает знамение о гибели наследника? Вот я и подумал, что картинка в зеркальце — только образ, а не отражение. Господи, если бы они хоть сказали, что он может вернуться домой! Я был уверен, что Колин на Мадейре.

Бридон отметил, насколько скупой майор передает этот драматичный эпизод. Воображение рисовало ему белое от луны шоссе, мчавшийся автомобиль и темную фигуру у камней, на мгновение проплывшую в зеркале, чтобы сразу пропасть за поворотом. Дональд Ривер, полумертвый в своей постели, его неприкаянный наследник, уехавший в южные моря, но оказавшийся вдруг здесь, возле родного дома, и мрачной тенью распростертый у обочины шоссе... Трудно было винить майора за то, что он прибавил скорость. Но тот сам себя винил. Кто знает, если бы не его минутный приступ малодушия, возможно, он мог бы спасти жизнь Колина...

— Да, я понимаю, — после паузы отозвался Бридон. — И вы никому об этом не сказали?

Неожиданно вмешался адвокат:

— Послушайте, мистер Бридон, это весьма щекотливый вопрос. Он предполагает, что майор фактически признает себя виновным в том, что, по меньшей мере, видел мертвое тело Колина Ривера и не сообщил о нем в полицию. Но я прошу обратить ваше внимание, мистер Бридон, на некоторые обстоятельства. Во-первых, мой клиент не был уверен в том, что, собственно, он видел, и не знал, нужно ли расценивать это явление как естественное или сверхъестественное. Во-вторых, последующие события с исчезновением и появлением трупа давали ему все основания думать, что оно было сверхъестественным. И наконец ему совсем не хотелось выставить себя на посмешище, публично признав себя участником истории, которую все считали вымыслом. Я не утверждаю, что майор был прав, но мы должны правильно оценивать его поступки.

Бридон сидел, глубоко задумавшись и чертя концом трубки по столу. Он признавал, что аргументы адвоката разумны. Вот только можно ли заключить, что все участие майора в деле свелось только к отражению в зеркальце заднего обзора, о котором он никому не рассказывал? И что его упоминание о Чертовой впадине, где они нашли столько следов, чистое совпадение? А откуда он знал, где искать плащ? Да и его скоропалительный отъезд, был ли он вызван суеверным страхом или Генри Ривер чувствовал вину? Все эти вопросы оставались без ответов. Пока Бридон мог исходить лишь из того, что майор говорил правду.

— Жаль, что вы не сказали этого раньше, — произнес он, подняв голову. — Разумеется, у вас может быть собственное мнение, но я не верю во все эти видения и знамения, которые здесь, похоже, встречаются на каждом шагу. Надеюсь, вы понимаете, мистер Гилкрест, как важна для меня данная информация. Майор, вы, случайно, не

заметили время, когда выехали из Перта? Или, наоборот, когда вернулись домой?

— Нет. Но я точно помню, когда выехал из Лэнгбро. Это было в половине пятого. Вы скажете, только болван может кататься в такое время, но когда мне не спится, я частенько сажусь за руль. А в ту ночь мне не спалось, я буквально глаз не сомкнул. Так вот, я стартовал в половине пятого и не особенно торопился. На дороге было пусто, и я ехал в свое удовольствие. До Перта добрался примерно за сорок пять минут. Прибавьте столько же обратно — сколько получается? Около шести?

— Да, — кивнул Бридон. — Это поможет нам связать кое-какие концы. По пути вам попадались какие-то машины?

— Полдюжины грузовиков. Легковые? Нет, легковушек не помню. Впрочем, зимой ночь длинная, так что у этих мерзавцев было время устроить свои делишки.

— Да, майор, но давайте на минутку предположим, что тело действительно положили у дороги, например, в половине пятого, а затем снова убрали после половины седьмого. Допустим, в обоих случаях злоумышленники приехали и уехали одним и тем же путем. Мы знаем, что, забрав тело, они направились не в Пенстивен, иначе их заметил бы сторож. А если бы они двинулись в Перт, то вы наверняка встретились бы с ними во время их первой поездки. Все указывает на то, что преступники никуда не ездили, а находились недалеко от дома.

— Я говорил с самого начала — это люди из поместья! Видите, теперь вы сами так считаете.

— Мистер Гилкрест, кажется, в ту ночь вы остались в Дорне? И в понедельник утром отправились посмотреть на тело?

— Да. Вечером было уже поздно возвращаться в Эдинбург.

— Вы не помните, мистер Хемертон отпирал гараж на следующее утро, или тот был открыт?

— Безусловно, отпирал. Я видел, как он взял ключ из шкафчика дворецкого.

— Значит, вряд ли кто-нибудь мог незаметно воспользоваться его автомобилем или машиной доктора? Это сильно сужает круг подозреваемых.

— На фермах есть тележки, — торжественно напомнил майор. — И еще автомобиль садовника. Правда, не знаю, где они его держат.

— Мистер Гилкрест, вы крепко спали в эту ночь, пока вас не разбудил Хемертон? Не слышали чего-нибудь необычного?

— Был момент, когда я проснулся ночью и лежал минут десять в темноте. Не знаю, во сколько это было. Да, я слышал какой-то шум, будто кто-то споткнулся о стойку для зонтиков в коридоре. Когда в доме больной, возникает суматоха: люди бегают взад-вперед, греют воду и все такое. Я не придал этому значения.

— Спасибо. Честно говоря, я рассчитывал на большее. Впрочем, сам факт, что вы, майор, подтвердили рассказ Макуильяма, кое-чего стоит. В последнее время мне стало уже казаться, что это пустой номер. С вами можно будет связаться по телефону завтра? А с вами, мистер Гилкрест? Я хочу навести кое-какие справки, если появятся новости, я немедленно вам сообщу.

— Выходные я проведу здесь, — произнес майор. — И мистер Гилкрест тоже. Если вы уезжаете, мы еще успеем сыграть девять лунок. Я вас провожу.

— Что скажешь о майоре? — спросил Бридон жену, когда они находились уже возле дома. — Только не говори, что он очень милый. Знаю я твою манеру.

— Я и не собиралась. Но мрачным типом его тоже не назовешь, если ты об этом.

— Меня больше интересует, лжет он или нет.

— Сомневаюсь. По-моему, он слишком глуп, чтобы так тонко разбираться в психологии.

— Ты о чем?

— О том, почему он сбежал от того, что увидел в зеркальце, и почему делает это до сих пор.

— Бойтся призраков?

— Да, именно поэтому он нажал на газ. Так бы поступили многие. С его тупыми идеями о большевизме майор вполне мог вообразить, будто вокруг него плетут какой-то жуткий заговор. Но это не главное, суть не в том, что он говорит, а в том, о чем умалчивает. В глубине души майор прекрасно понимает, что у дороги лежал Колин. И теперь его мучает мысль, что он мог бы спасти его, если бы остановил машину. Вот почему ему так не хочется, чтобы это действительно был Колин. И вот почему он почти убедил себя в том, что видел призрак. По той же причине майор рвется что-то выяснить, проверить, разыскать: надеется найти что-нибудь такое, что может снять с него вину. Ему важно доказать, что во вторник Колин был уже мертв, иначе придется признать, что в понедельник тот был жив и нуждался в его помощи. Нет, я уверена, что майор не лжет.

— Кажется, ты перечитала всего Фрейда.

— Дело не во Фрейде, а в здравом смысле. Между прочим, я не думаю, что майор хотел помешать Хемертонам получить деньги за страховку. Тогда он мог бы просто сказать, что видел Колина мертвым у дороги в понедельник утром.

— А заодно объяснить, почему уехал, оставив труп? И потом, ты не учиываешь вероятность, что майор сам мог быть замешан в данном деле.

— Неужели ты в это веришь? В таком случае зачем ему было говорить, будто он видел что-то в зеркальце? В конце концов, это была чистая случайность. Нет, майор слишком глуп, чтобы кого-то изображать, тем более, изображать глупца.

— Осталось выяснить, откуда ты знаешь, что он глуп.

— От миссис Уочоуп. Майлз, похоже, тот старый джентльмен с лицом как у Мантеньи хочет тебе что-то сказать. Ты его знаешь?

— Да, это никто иной, как мистер Макуильям. И вид у него такой мрачный, словно он хочет мне что-то сообщить. Завари мне чаю, пожалуйста, а я пойду с ним поболтаю.

Глава 22

ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ ПОДРОБНОСТИ

Макуильям двинулся ему навстречу с суровым и неприступным видом, словно берег какую-то страшную тайну, которую у него не могли бы вырвать даже самыми жестокими пытками.

— Я принес вам письмо, — объявил он. — Простите, оно немного запачкалось, но его бросили к моей двери. Как видите, марки на конверте нет, поэтому я решил доставить его лично.

— Очень любезно с вашей стороны. Надеюсь, вы не долго ждали меня?

— Нет. Я подумал, что лучше сам вручу его вам и по дождю, не будет ли ответа.

Позднее Бридон узнал от персонала отеля, что егерь просидел в холле полтора часа, не проявляя ни малейших признаков нетерпения.

— Ладно, не стоит вас больше задерживать. Постойте... ведь это почерк старого помещика, не так ли?

— Я не настолько хорошо знаю его руку, но похоже.

— Вы нашли письмо сегодня утром? Наверное, он обронил его по дороге на вокзал.

— Да, мистер Ривер проезжал мимо моего домика. Видимо, когда он открыл дверь машины, чтобы спросить у Джейми про его ногу, письмо случайно выскользнуло у него из кармана. А потом мой малыш Джейми его нашел и принес мне.

Бридон смотрел ему в лицо, с трудом удерживаясь, чтобы не подмигнуть. Макуильям, разумеется, прекрасно знал, что письмо было только уловкой, с помощью которой старый джентльмен попытался ускользнуть из-под

бдительной опеки своей дочери и зятя. Но ни одна черточка его лица не выдавала этой мысли: будучи прекрасно вышколенным слугой, он делал вид, будто пребывает в неведении об отношениях своих хозяев. Таким людям не предлагают чаевые. Бридон поблагодарил его еще раз и отпустил.

— Не притворяйся, что не хочешь открыть его, — усмехнулась Анджела, когда муж пил чай, прислонив письмо к сахарнице. — Уверена, тебе оно так же интересно, как и мне, но ты, как всегда, сначала прочитаешь мне какую-нибудь маленькую лекцию. Давай, выкладывай ее поскорее и покончим с этим.

— У тебя совсем нет спортивного азарта, — заметил он. — Когда получаешь такое важное письмо — а оно, безусловно, важно, иначе старик не стал бы бросать его посреди дороги, — надо сделать паузу и заключить с кем-нибудь пари насчет того, что в нем написано. Может, это ключ к разгадке всего дела. Правда, я не представляю, как это возможно, но... Правда, письмо может решить лишь часть загадки, причем ту, какую я решил уже сам. А это будет крайне досадно. Терпеть не могу разгадывать головоломку по частям, когда одно объяснение не связано с другим, если ты понимаешь, о чем я. Это все равно, что промахнуться штопором по пробке и потом вытаскивать ее по кусочкам.

— Да, подобное испытание тебе не по силам!

— Не ерничай. Сейчас мы просто выясним, как был проделан фокус с исчезновением несчастного Колина. Если так, то это не слишком интересно, потому что я уже об этом догадался. А ты, видимо, нет, так что можешь взять письмо и прочитать его вслух. Этот джем такой жидкий, а хлеб такой сыпучий, что у меня заняты обе руки. Только читай по порядку, не заглядывая вперед.

Анджела с безразличным видом взяла письмо.

— Написано чернилами, — сообщила она, — и довольно многословно. Очевидно, старый джентльмен писал его всю ночь. Почерк слегка неровный. Итак...

Уважаемый мистер Бридон! Я долго колебался, прежде чем обратиться к вам, и до сих не уверен, что поступаю правильно. Но я надеюсь на ваше доброе отношение ко мне и моим мышам — нет, я неправильно прочитала — и моим домашним, насколько это возможно в данной ситуации. Дело в том, что мне доверены чужие секреты, но моя совесть требует разгласить их. Это очень трудно, мистер Бридон, и я надеюсь, что вы отнесетесь ко мне снисходительно, если мое письмо покажется вам слишком сбивчивым и невнятным. Я не уверен даже в том, что оно до вас дойдет. Постараюсь отправить его как можно незаметнее. Буду очень признателен, если сообщите мне о его получении, напечатав свой ответ на машинке и бросив его в почтовый ящик в Лондоне. Мой адрес: Кроссуэй, Девайзес.

— Милые люди эти Хемертоны, — пробормотал Майлз. — Странно, что они оставили старику ручку и чернила. Впрочем, это было еще до того, как они решили сбежать. Вот почему адрес на конверте написан карандашом. Читайте, миссис Бридон, увертюра звучит многообещающе!

— Надеюсь, он скоро перейдет к делу, а то я ужасно волнуюсь.

Мистер Бридон, я не все рассказал вам во время нашей встречи. Давайте вернемся к воскресенью двенадцатого февраля или к утру понедельника. Вы догадываетесь, что я скверно провел эту ночь — метался в полубреду. Удивительно, как человеческие чувства умеют схватывать и хранить множество впечатлений, которые разум отказывается воспринимать. Я проснулся в темноте после недолгого сна и понял, что мне стало лучше. Из соседней комнаты, где находилась сиделка, в приоткрытую щель лился свет. Я услышал в коридоре звук, который показался мне странным: какой-то шорох и одновременно поскрипывание, словно катилось плохо смазанное колесо. Вроде кто-то споткнулся об инва-

лидное кресло, стоявшее за моей дверью — меня часто перевозили из комнаты в комнату. Я подумал, что еще рано для утренних визитов, свет в коридоре не горел.

После этого я немного поспал, примерно полчаса. Вскоре услышал, как отперли входную дверь, снаружи послышались шаги и приглушенные голоса, в тот момент я не понимал, что происходит, но, очевидно, это был Макуильям, прибежавший с новостью о Колине. Тихо вошла сиделка, чтобы посмотреть, сплю я или нет. Она держала что-то в руках и сказала, что эта вещь принадлежит мне: кто-то обронил ее за дверью в коридоре. Сиделка положила ее рядом с кроватью и начала разжигать камин, а я взглянул на то, что она принесла. Мистер Бридон, это был мой пенал с позолоченным карандашом, который я отдал сыну в ночь его отъезда и видел, как он положил его в карман.

Я лежал и смотрел на свой пенал, гадая, что это может означать. Находясь я в добром здравии, мне ничего не стоило бы сложить одно с другим и сделать вывод, что Колин вернулся из круиза и находится дома. Но в моем болезненном состоянии, между явью и сном, все предстало передо мной совсем в ином свете. В нашей семье существует поверье, что перед смертью наследника его близким и родным посылаются знамения. Я подумал, что Колин мертв, и он посылает мне знак в виде этой маленькой вещицы, которую я ему недавно подарил. Сейчас я так уже не думаю, хотя по-прежнему никто не знает, как и откуда она попала к моей двери. Но я до сих пор уверен, что это было предзнаменование, чтобы подготовить меня к ужасной новости и, вероятно, удержать от неправильного шага.

Сиделка ушла. Закрывая дверь, она старалась сделать это как можно тише и поэтому оставила ее немного приоткрытой. В коридоре снова раздались шаги, отворилась соседняя дверь, и я понял, что это моя дочь. Очевидно, она стояла у своей спальни и разговаривала с мужем. Лежа в кровати, я иногда разбирал отдельные слова, как бывает, когда люди стараются говорить тихо, но порой невольно повышают голос. Я услышал, что доктор остался у доро-

ги, и могут возникнуть проблемы со страховыми выплатами. Потом Мэри сказала, что они должны что-то сделать с тем, чего они не называли, но что, как я догадался, было телом Колина. Под конец я расслышал несколько слов насчет ледника, однако в тот момент не понял, что они означают.

Вскоре в комнату вошла дочь и спросила, как я себя чувствую. Первое, что я сказал, было: «Значит, бедный Колин умер? Что вы с ним сделали?» Мэри испугалась и начала мне лгать, разумеется, только потому, что не хотела причинять мне боль: у одра больного всегда много лжи. Но меня это не успокоило. Я пригрозил, что если она не расскажет мне всю правду, я пошлю за доктором и попрошу его заглянуть в ледник, а потом сказать, что он там нашел. Этого она и Хемертон не выдержали, да простит мне Бог, если я слишком сильно на них надавил. Вы, конечно, догадываетесь, что они мне ответили. Все, чего они хотели, это спрятать тело на пару дней, чтобы избежать проблем со страховой компанией. Деньги принадлежат нам по праву, объяснили они, мы честно выплачивали взносы, но если сейчас объявить о смерти Колина, будет сложно доказать, что я ничего не знал, выписывая последний чек. Добавили, что я могу сообщить обо всем полиции, но тогда они оба попадут в тюрьму.

Теперь я считаю, что совершил ошибку, но тогда дал согласие молчать, чтобы успокоить их. Я хотел подождать и посмотреть, как будет действовать Компания. И когда вы приехали, мистер Бридон, мне не хватило духу рассказать вам все, что я знал. Последняя неделя выдалась очень трудной, а вы вели себя достойно. Но у меня не было человека, которому я мог бы доверять и на чье мнение мог бы положиться...

Ну вот, а мне казалось, мы так мило ворковали вчера в саду.

— Читай дальше, мы подходим к сути дела.

— Он уже заканчивает.

Надеюсь, что с Божьей помощью найду способ передать вам это письмо. Вы можете делать с ним все, что сочтете нужным. Я лишь прошу избавить мою семью от публичного позора. Напомните обо мне вашей очаровательной жене...

— Что, что? Ну-ка, покажи письмо.

— Ладно, последнюю фразу я придумала. Но он наверняка хотел ее написать, просто ему не дали закончить. Слушай, Майлз, по-моему, это весьма солидный кусок пробки!

— Кажется, мне придется отменить эту метафору. Прежде всего, когда вытаскиваешь пробку по частям, последний фрагмент остается и падает в бутылку. Но я не уверен, что вся эта тайна не выйдет наружу еще раньше, чем мы закончим дело. Кстати, если ты выковыриваешь из горлышка раскрошившуюся пробку, один кусок не тянет за собой другой. А эта информация вполне может потянуть за собой другую. Лучше назовем это луковицей, ты снимаешь один слой за другим, но так и не можешь добраться до сути дела. Итак, значит, они положили его в ледник? Любопытно.

— Самое удобное место. Ты говорил, он находится в лесу рядом с дорогой на Блэруинни?

— Да, но ледник был удобен и по другой причине. Потому что тело...

— Подожди, однажды мы уже затрагивали эту тему. Может, хватит?

— Я только указываю на факты. Если они спрятали труп в ледник, то потом могли снова выставить его практически в том же виде. Впрочем, об этом лучше спросить доктора. Плюс вся эта ночная суматоха в доме: мистер Ривер слышал шум, мистер Гилкрест слышал шум. Причем это было до того, как Макуильям нашел тело. Похоже, тут речь идет о том, как оно попало на дорогу. В остальном откровения мистера Ривера не дают нам ничего нового.

— Майлз, ты чудовище! Хочешь сказать, ты заранее знал, что тело спрятал Хемертон?

— Конечно. Черт возьми, ты же не считаешь, что Макуильям соврал? Сомневаюсь, что он вообще умеет лгать. А теперь подумай, тело лежало у дороги в половине седьмого, а к семи уже исчезло. Вряд ли за эти полчаса случайно прошел мимо какой-то человек, заинтересованный в том, чтобы спрятать труп. Зато весьма вероятно, что тело увез тот, кто уже слышал рассказ Макуильяма. Сам Макуильям, Парвис и Гилкрест постоянно находились вместе, они подтверждают действия друг друга. И я не представляю, зачем Макуильяму понадобилось бы сначала спрятать тело, а потом объявить, что он его обнаружил. Остается один человек — Хемертон. Он был заинтересован в том, чтобы спрятать труп. Хемертон заметил, что мотор у Парвиса остыл и тот не сможет запустить его еще пару минут. Как правильно сказала миссис Уочоуп, Хемертон — игрок, и он сделал свою ставку. Поехал по дороге в Пенстивен, описал петлю на Блэруинни-роуд и погрузил тело Колина в машину, спрятав его под ковром. Отличная, кстати, мысль, позвать полицию на поиски трупа, а самому возить его в багажнике. Хемертон подождал, пока шум немного стихнет, а затем вместе с женой вытащили ее брата и затолкали в ледник.

— Ловкая работа. Странно, что полиция не нашла следы его машины. Разворачиваясь, он должен был оставить отметины на обочине дороги.

— Так оно и было. Вот почему, расставшись с полицейскими, он снова развернулся и отправился домой по Пенстивенскому шоссе. Свежие следы стерли старые.

— А через два дня поджег стог, чтобы отвлечь внимание, и вернул труп обратно?

— Да. Поджог был гарантией того, что Макуильям пройдет по дороге в то же время и в том же месте. И вся округа сразу заговорит о ясновидении. К тому же Мэри Хемертон знала, что в детстве ее брат страдал пироманией. Пожар как бы намекал на то, что перед смертью Колин снова принялся за старое. Тронулся умом — вот как

это должно было выглядеть. Именно так все и решили, включая нас. Все было продумано до мелочей.

— Вероятно. Майлз, что ты делаешь с этими фонариками? Хочешь опять устроить конкурс на выносливость?

— Так, пришла в голову одна идея, — ответил Бридон, вынув использованные батарейки и заменив их двумя другими, которые он извлек из коробки со своим фонариком.

— Но в чем разница, если они обе новые?

— Может, и новые, но кто знает? С виду не отличишь от старых. Я просто подумал, не могли ли мы их перепутать, проводя первый эксперимент? Будем считать, что это моя причуда. Так, на чем мы остановились? Ах, да, теперь нам ясно, как тело оказалось у дороги в среду утром. Но мы по-прежнему не знаем, как оно попало туда в понедельник.

— То есть можно больше не беспокоиться о том, что Колин делал между понедельником и средой, — произнесла Анджела. — Осталось выяснить, что происходило между пятницей и понедельником.

— Значит, ты не считаешь, что нам нужно значительно расширить этот промежуток?

— В смысле?

— О, прости, я же ничего об этом не сказал. Просто Колин Ривер никогда не был за границей.

Глава 23

ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗАВШИЙ ПРАВДУ

— Странно, что ты поверила его «заграничному» письму, — продолжил Бридон. — Конечно, там нет откровенных ляпов, оно составлено довольно ловко. Подозрительно не то, что в нем написано, а то, о чем в нем не сказано. Например, Колин не встретил на корабле ни одного человека, который знал бы его семью, и, вообще, не называет никого, с кем познакомился в круизе. О погоде автор говорит уклончиво, не упоминает ни новостей, ни событий,

о которых прочитал в газетах. Там нет ничего такого, чего нельзя извлечь из справочника для туристов. В Дорне я внимательно осмотрел всю библиотеку и убедился, что в ней хватает книг, откуда он мог почерпнуть нужную информацию: путеводители, пара «Бедекеров», старые атласы. Короче, из письма вовсе не следует, что Колин действительно где-то путешествовал. Наоборот, в нем нет ни одного доказательства, что он ездил за границу.

— Зато на нем марка. Кто отправил его с Мадейры?

— Это был отличный ход. Колин послал его в двух конвертах в британское консульство на Мадейре. И сверху наклеил одну из тех международных марок, которые оплачивают пересылку почты. В сопроводительном письме попросил консула переслать вложенный конверт мистеру Дональду Риверу на «Скандерманию». В случае его отсутствия на борту консулу ничего не оставалось, как поставить штамп и вернуть письмо в Шотландию. Если помнишь, полное имя у Колина такое же, как у Дональда, — Дональд Колин. Консулу и в голову не пришло заподозрить что-то неладное, пока он не получил мою телеграмму. Кстати, если бы Колин действительно плавал в южных морях, его лицо наверняка бы загорело. Помнишь, я указывал тебе на его бледный вид?

— Но зачем ему понадобилось всех обманывать?

— Если бы мы это знали, все было бы намного проще. Похоже, тут главный ключ к загадке, хотя я в этом не уверен. Мне не пришло в голову ничего иного, как написать его другу, Деннису Стратту, и попросить его рассказать все, что ему известно об этом деле. У тех, кто обманывает своих родственников, часто есть доверенное лицо. Письмо я отправил вчера и вложил в него телеграфный бланк. Если повезет, ответ мы получим сегодня. А пока я хочу обратить твоё внимание на странное поведение батареек.

— Майлз, одна разрядилась! Так быстро! Прошло всего пять минут, а я думала, она новая.

— Да, кто-то хотел, чтобы мы так думали.

— Но что это означает?

— Нам нужно поговорить с доктором Парвисом. Я собирался навестить его завтра, но такую зацепку нельзя откладывать в долгий ящик. Не хочу упустить свой шанс.

Доктора не оказалось дома, но его дочь попросила Бридона подождать, сообщив, что отец вернется с минуты на минуту. Миссис Уочоуп, пожалуй, была слишком щедра в оценке ее внешности, дочь Парвиса можно было бы назвать скорее «миленькой», как уклончиво говорят в Шотландии. Разумеется, это не исключало того, что она могла привлечь внимание одинокого молодого человека из Дорна. Они поговорили минут пять, а потом явился доктор и сказал, что скоро уйдет делать обход своих пациентов. Бридон, твердо решив поговорить с Парвисом, сразу произнес:

— Доктор, вы помните плащ, который майор нашел по пути к Чертовой впадине? И фонарик, лежавший в кармане? Я уже упоминал, что забрал его с собой. Позднее, когда вы любезно подбросили меня до дома и по дороге завезли в пенстивенский магазинчик, я купил там такой же фонарик. Мне хотелось сравнить, какой из них протянет дольше. Понятно, что если фонарем много пользовались, значит, Колин Ривер прожил довольно долго после возвращения из-за границы. А если использовали мало, то Колин умер вскоре после того, как купил его. Что, в свою очередь, указывало скорее на утро понедельника, чем на утро среды.

— Все это умозрительно, мистер Бридон, — заметил Парвис.

— Конечно, поэтому я ничего особенного не ожидал от своего опыта, когда одновременно включил два фонарика и оставил их гореть, пока они не погаснут. Оказалось, что оба отключились почти одновременно. Получалось, что Колин Ривер вообще не пользовался фонарем.

— Это вас удивило?

— Естественно. Я удивился так сильно, что начал думать, не возникло ли тут какого-нибудь недоразумения.

Например, не мог ли кто-то зарядить фонарик Колина другой батареейкой, например, одной из тех, что я купил вместе со своим экземпляром? Я проверил две запасные батарейки, лежавших у меня в коробке, и обнаружил, что одна из них практически разряжена. А это уже смахивало на подмену: кто-то вынул старую батарейку из фонаря Колина и вставил вместо нее одну из моих новых.

— Вероятно, у него для этого должна была иметься какая-то причина.

— И самое странное, доктор, что подмена батареейки была произведена в моем собственном гостиничном номере, в день покупки, когда я пил чай внизу.

Доктор ничем не показывал, что понимает, к чему клонит Бридон, только глаза у него блестели, как всегда.

— Продолжайте, мистер Бридон, — попросил он.

— Вы знакомы с миссис Уочоуп, доктор. Но известно ли вам, что она ваша большая поклонница? Она поведала моей жене, что вы всегда говорите правду.

— Очень любезно с ее стороны.

— Так вот, я и подумал, а может ли человек, помещенный на правде, подменить батарейку Колина Ривера перед тем, как я собирался провести свой эксперимент? Чтобы внушить мне мысль, будто Колин умер вскоре после того, как купил фонарь?

— Я бы ответил на это так, мистер Бридон. Правдивый человек мог бы совершить подобное, если бы считал, что разряженная батарейка только собьет вас с толку и заставит считать, что Колин Ривер часто и много использовал свой фонарь, хотя это не так. Значит, он не ввел вас в заблуждение, а, напротив, помешал вам обмануть самого себя.

— Спасибо, доктор Парвис, я не сомневался в ваших добрых намерениях. Полагаю, не следует притворяться, будто мы не поняли друг друга? Вы единственный, кто знал, что я собираюсь устроить опыт с батарейками, и мог поменять их, пока меня не было в номере. Как вы сами сказали, вашей целью было помешать мне обмануть само-

го себя. В тот момент вы знали о смерти Колина больше, чем я. Вероятно, вам было что-то известно и о ее причинах. При желании я мог бы обвинить вас в сокрытии улик. Хотя если бы я подозревал вас в чем-то худшем, то не стал бы с вами разговаривать. А отсюда напрашивается вопрос: что вы можете рассказать мне об этом деле?

— Мистер Бридон, вы меня заинтриговали. Мы должны прояснить наши позиции, даже если моим пациентам придется немного подождать. Почему вы уверены, что я не замешан в чем-то худшем? Это любопытно.

— Например, из-за могилы в Дорне, полагаю, Кастерс Райт вам об этом сообщил. Я не верю, что это ваших рук дело. Но кто-то ее выкопал, и этого человека я хочу найти. Однако... есть такое понятие, как косвенный соучастник.

— Спасибо, что напомнили. Послушайте, мистер Бридон, я не люблю вмешиваться в чужие проблемы. Не стану притворяться, будто не участвовал в том, что происходило в последнюю неделю, мне казалось, что таков мой долг. Но раз уж вы поймали меня на одном из моих преступных деяний, давайте я расскажу вам обо всех остальных. Только, с вашего позволения, я не стану говорить ничего, что может бросить подозрение на кого-нибудь, кроме меня. А там уж думайте, что хотите. Это вас устроит?

— Боюсь, у меня нет выбора, ведь я не полицейский. Мне важно выяснить, когда умер Колин, а не почему. Вы объяснили, что подменили батарейку, опасаясь, что я обману сам себя. Видимо, вы подозревали, что... меня хочет обмануть кто-то другой, и решили разрушить чью-то игру с помощью новой уловки?

— Давайте не будем обсуждать мои мотивы. Остановимся на том, что я просто не хотел дать вам обмануться. Кстати, это был не единственный раз, я имею в виду таблетки, которые нашли в кармане того же плаща.

— Вот как? — воскликнул Бридон.

— Все очень просто, когда майор показал мне коробку с лекарством, там не хватало пяти пилюль. Понятно, что если на упаковке написано «принимать по штуке в день»,

никто не станет пить больше. Хотя разница, между нами говоря, невелика. Пять штук — это пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник. Вы, конечно, пришли бы к заключению, что во вторник Колин Ривер был еще жив. Но я знал, что это не так, и решил восстановить истину, подкинув в коробку две таблетки из тех, что принес с собой. Я сделал это, пока вы смотрели на собаку. Пропавших таблеток стало три: пятница, суббота, воскресенье. А время смерти — утро понедельника.

— Вы хотите сказать, что, намеренно или случайно, содержимое карманов свидетельствовало о том, что Колин умер не раньше среды, а вы сделали так, чтобы все указывало на более раннюю дату?

— Да, только я не говорил «намеренно».

— Но вы знаете не хуже меня... впрочем, нет, не знаете, потому что не курите трубку. Однако для всякого, кто курит, было совершенно ясно, что найденный майором плащ — подделка. Нас хотели убедить в том, что заядлый курильщик таскал в кармане трубку, к которой не притрагивался много дней! Я поскреб внутри ершиком — она была совершенно чистой. Такого не может быть. Трубку не курили уже месяц или более. Вот почему я сразу сообразил, что ее просто подложили, причем тот, кто это сделал, сам никогда не пользовался трубкой. Это позволило мне исключить майора. Правда, табак в кисете был не настолько сух, как после долгого хранения. Значит, плащ подбросили совсем недавно, сунув в карман старую трубку, которую давно не курили, и горсть свежего табака. Да, кто-то явно пытался увести меня в сторону, и это были не вы. Скажите, а вы предпринимали еще попытки... вывести меня из заблуждения?

— Мне нравится, как вы это формулируете, мистер Бридон. Да, я взял на себя смелость вывести вас из заблуждения на Чертовой впадине. Мне повезло, что я отправился вместе с вами, и когда увидел то, что мы там нашли, решил попрактиковаться в искусстве рассеивания лжи.

— А что вас встревожило в Чертовой впадине?

— То же, что и раньше. Спустившись на площадку перед пещерой, я обнаружил на скале надпись со стихом и датой. Тринадцатое февраля, понедельник, значит, утром этого дня Колин был еще жив. Но я знал, что он умер на рассвете, и надпись только собьет вас с толку.

— Это вы зачеркнули последнюю единицу? Но как вам удалось? Вас все время видели я и моя жена. Как вы это провернули?

— Да, сначала задачка казалась не из легких. Но вскоре я придумал способ, как зачеркнуть цифру прямо на глазах миссис Бридон так, чтобы она ничего не заметила. Просто чиркнул о стену спичкой, мистер Бридон, чтобы показать вам путь в пещеру. И если при этом она пересекла цифру «1», можете ли вы назвать меня обманщиком?

— Нет. Наоборот, это типичный образчик рассеивания лжи. Черт, я знал, что вы хорошо играете в шахматы, но не предполагал, что ваш мозг работает так быстро! История с надписью и пещерой — еще одна попытка сбить меня с толку?

— Надеюсь, вы обратили внимание, что я не говорил ничего подобного.

— Да, вас трудно поймать. Однако дело обстоит именно так. Когда нашли тело Колина Ривера, он был чисто выбрит, а в пещере — ни бритвы, ни кисточки для бритья. Нетрудно догадаться, что вся эта пещерная робинзопада была подстроена. Более того, тот, кто это сделал, не имел привычки бриться утром. Что указывает на бородатого мужчину или женщину, доктор Парвис.

— Как вам угодно. Если надпись действительно сделал сам Колин, то он ошибся с датой. И я решил исправить эту ошибку. Потому что я твердо знал, что к рассвету тринадцатого числа он был уже мертв.

— Кстати, а откуда вам это известно? Насколько я помню, вы были в числе тех, кто в то утро отправился к дороге, чтобы проверить слова Макуильяма. Но когда вы туда прибыли, тела у камней уже не было, как и сле-

дов того, что оно вообще там когда-либо находилось. Или я неправильно что-то понял?

— Нет, вы все правильно поняли. Но, видите ли, я знал, что тело Колина лежит возле дороги, еще до того, как его нашел Макуильям, потому что я сам туда положил труп.

— Получается, что вы...

— О, я не убивал этого беднягу, мистер Бридон. Да, я не считал, что жизнь Колина имеет большую ценность, но если мы начнем выпалывать человеческие сорняки в соответствии с нашими представлениями, кто тогда останется? Нет, когда я его нашел, он был мертв, и я только немного передвинул тело, чтобы все выглядело более подозрительно. Еще чуть-чуть рассеивания лжи, если позволите воспользоваться вашим выражением.

— Но в таком случае... у вас должен быть ключ ко всему делу. Где вы его нашли?

— Прошу прощения, мистер Бридон, но это выходит за рамки нашего соглашения. Если я начну рассказывать, где и как я его нашел, это может поставить под удар других людей, чего мне бы не хотелось. Просто примите к сведению, что молодой человек был уже мертв и я лишь передвинул труп, руководствуясь самыми добрыми намерениями. Думаю, вы понимаете, что тело положили у дороги таким образом, чтобы каждый мог его заметить.

— Хорошо, доктор, не стану оспаривать ваш выбор. Хотя, признаюсь, мне трудно обрывать разговор на том самом месте, где он обещает решение всех моих проблем. Но я больше не могу заставлять ждать ваших пациентов. Единственное, что я еще хотел спросить: если положить мертвое тело в лед, как это на него подействует? Замедлит ли лед обычные процессы разложения?

Неожиданно лицо доктора изменилось. На нем появилось растерянное, даже ошеломленное выражение.

— Простите, а какое это имеет отношение ко мне? — воскликнул он.

— Просто консультируюсь у вас как у врача. У меня есть основания считать, что между утром понедельника и утром среды тело Колина лежало в леднике.

— А, вот вы о чем... Ну, если человек умрет от переохлаждения, как это скорее всего и произошло, то низкая температура замедлит распад тканей. Более того, не будет никаких следов трупного окоченения, пока тело не вынесут на тепло. Так что, в известном смысле, доктор Маклохлин был абсолютно прав.

Глава 24

ВЕЧЕРНИЙ ПРУД

— Прекрасно, — сказал Бридон жене, — вот мы и сняли еще один слой луковицы. Странно, но теперь положение стало только хуже. Все ключи к решению дела оказались ложными, не считая могилы в Дорне. Колин никогда не был на Чертовой впадине, на нем не было плаща, по крайней мере, незадолго до смерти, и ни в какой круиз он не ездил. Между отъездом из дома и тем днем, когда его обнаружил Макуильям, он мог находиться где угодно, — а это, ни больше ни меньше, пять недель. Нам остаются только Хемертон и Парвис.

— Интересно, как Мэри Хемертон удалось обвести тебя вокруг пальца?

— Ничего подобного. Когда мы ужинали в Дорне, между нами сидел доктор. Он заметил, что никто ничего не слышал о Колине после его возвращения. Миссис Хемертон стала объяснять, что в Шотландии много пустынных мест, и ее брат всегда любил уединенные прогулки. Потом она, видимо, решила подтвердить свои слова, отведя меня в его комнату и подложив книгу со стихами Стивенсона, которую Колин будто бы читал перед отъездом. Она сделала это после ужина, когда поднялась наверх, зашла в комнату брата и все там подготовила. После чего, как бы невзначай, спросила, не хочу ли я на нее взглянуть.

Но поскольку это была импровизация, Мэри немного переиграла, как часто бывает в таких случаях, сдула с ключа пыль, словно им не пользовались уже много лет. На самом деле ключ не мог так запылиться всего за пару месяцев. Я понял, что Мэри все подстроила и я найду в комнате Колина лишь то, что она хотела мне показать.

— А затем ей пришлось в голову закрепить успех и устроить еще одну инсценировку в Чертовой впадине?

— Нет, это была моя идея. Я сказал, что не успею отправиться туда в среду и собираюсь сделать это в четверг. Это дало ей достаточно времени, чтобы как следует все подготовить. Вот только она не успела проконсультироваться с мужем, поскольку тот уехал в Лондон в тот самый день, когда я прибыл в Дорн. Иначе он бы объяснил жене, что если в пещере живет чисто выбритый мужчина, у него должна быть бритва и кисточка для бритья. Да и мыло тоже, как ты верно заметила, но про бритвенные принадлежности забыла. Из чего я заключил, что вещи в пещеру подбросила Мэри, а не, например, майор.

— Наверное, она была в шоке, услышав, что кто-то зачеркнул единицу в числе XIII. На кого она подумала — на доктора?

— Вероятно. Но к тому времени они уже выстроили вторую линию обороны. Ее муж вернулся из Лондона. В четверг они взяли старый плащ Колина — думаю, он был настоящий, — его запасную трубку и портсигар с деньгами и подбросили все это майору. Кроме того, добавили фонарик со старой батареейкой и коробку с лекарством, где не хватало пяти пиллюль. Вывод: Колин жил в пещере и принимал пиллюли в понедельник и вторник, так же, как и три дня до этого. Но доктор обыграл их в обоих случаях. Представляю, как он наслаждался этой новой шахматной партией с Хемертоном!

— А зачем Парвис вообще решил вмешаться?

— Миссис Уочоуп права, он помешан на правде. К тому же доктор знал, что Дональд Ривер оставит деньги друзьям из «Большого круга», а он их терпеть не мог.

Нет, Парвис действовал вполне разумно, и я уверен, что его это немало позабавило.

— Да, Майлз, фокус с плащом был проделан неплохо!

— Хемертон хорош в деталях, но ему не хватает воображения. Как я уже говорил доктору, он должен был подложить хорошо прокуренную трубку и пересушенный табак. В результате я убедился, что это подделка, устроенная человеком, не курившим трубку, то есть Хемертоном, а не майором.

— Почему не доктором?

— У него не было мотива. В общем, теперь мы знаем, что это были Хемертоны. В тот момент я решил, будто трюк с плащом можно проделать еще раз, и отправился в бюро потерянных вещей. Мне было интересно, как Хемертоны отреагируют на мою находку. Сначала они явно были сбиты с толку, мялись и не знали, что сказать. Забыли даже про книгу посетителей с почерком Денниса Стратта. Но когда я показал им долото, Хемертон сразу клюнул, ведь это отличный способ доказать, что во вторник Колин был еще жив. Дальше все пошло как по маслу. Мэри вспомнила про книгу посетителей, а когда я показал трубку, немедленно узнала ее, хотя раньше ничего не могла сказать про вторую трубку, найденную в другом плаще. В конце концов, я поздравил их с окончанием дела и удалился, чтобы дать им время на раздумья.

— И, поразмыслив, они жутко перепугались.

— Разумеется. Хемертоны прекрасно знали, что Колин не делал надписи у пещеры, что он никуда не мог ехать во вторник, поскольку был уже мертв. Но, несмотря на это, в поезде нашли плащ, а в плаще — письмо Денниса Стратта! Они сообразили, что я вожу их за нос, и удрали в Уилтшир, чтобы не общаться со мной. По крайней мере, это была одна из причин.

— Одна?

— Да, имелась и другая, более важная: убрать подальше Дональда Ривера, как только тот оправится настолько,

чтобы совершить поездку. Отец Мэри и Кастерс Райт — члены «Большого круга». Оставь их наедине, и Дональд выложит все начистоту. Кстати, он уже написал свое признание, но они этого не знали. Поэтому они отправились в Уилтшир. Надеюсь, их хоть немного кольнула совесть, когда они проезжали мимо статуи клятвопреступницы в Девайсесе*.

— Прекрасно, милый, а пока ты застрял на месте. Если, конечно, доктору не вздумается пойти в полицию и подтвердить рассказ Макуильяма. Вот только он не слишком разговорчив на сей счет, почему, Майлз?

— Наверное, считает, что в смерти Колина замешаны Хемертоны, и не хочет разглашать эту историю ради блага семьи. На самом деле, он скрыл только одну полезную деталь, где было найдено тело.

— Есть версии?

— Мне кажется, доктор нашел его недалеко от того места, где потом оставил, может, по другую сторону дорожной изгороди. Видишь ли, тащить мертвое тело чертовски тяжело. Он не мог воспользоваться машиной, потому что, по словам Гилкрита, автомобиль стоял в гараже, а гараж был заперт. А взять садовую тележку было бы рискованно.

— Майлз, Майлз, я поняла! Инвалидное кресло!

— Анджела, если я когда-нибудь забуду, что у тебя блестящий ум, шелкни меня по носу. Ну, конечно! Вот почему Дональд Ривер слышал шум у двери. Доктор использовал кресло, чтобы перевезти тело. Когда он ставил его на место, из кармана на пол выпал позолоченный карандаш, где его и нашла сиделка! Похоже, мы начинаем немного двигаться вперед. Труп пришлось везти доволь-

* Имеется в виду монумент, установленный в память о Рут Пирс. По легенде, на городском рынке женщина утаила деньги и поклялась, что ничего о них не знает, но когда в доказательство своих слов она произнесла: «Да поразит меня Бог, если я вру», то упала замертво, а деньги нашли в ее зажатой ладони.

но далеко, иначе Парвису не понадобилась бы инвалидная коляска. Но и не слишком далеко, поскольку для больших расстояний она не годится. Анджела, кажется, я вижу свет в конце туннеля. Почему ты не захватила карты для паясьяна? Завтра утром я отправлюсь на прогулку и попытаюсь раз и навсегда разобраться с этим делом. А сегодня мы пойдем в кино. Жалкое развлечение, но мне нужно чем-нибудь отвлечься, чтобы завтра со свежими силами взяться за работу.

Майлз Бридон имел скверную привычку, на которую ему не раз указывала жена, когда он был чем-то взволнован, то постоянно напевал себе под нос. Песенки не блистали новизной — обычно это были старые мелодии из каких-нибудь довоенных мюзиклов, — и исполнял он их ужасно. В воскресенье детектив вернулся после утренней прогулки, мурлыча веселый мотив: «Что за чудо, что за чудо милый дом! Милый дом, где мы, пам-пам, с тобой живем!» — и прочую белиберду. Но Анджела отнеслась к этому терпимо, она сообразила, что муж напал на след.

— Ты что-нибудь обнаружил? — воскликнула она.

— Я решил все это дело от начала до конца. И даже нашел улики, хотя это был скорее вопрос удачи. Позвонил в Гленарох и пригласил сюда майора и Гликриста. Доктор тоже приедет. Встреча состоится за вечерним чаем. Тебе рассказать, что произошло? Или хочешь дожидаться чая и догадаться обо всем сама?

— А какие у меня шансы? Я смогу отыскать разгадку, не зная, что это такое?

— Разумеется. Я и сам сначала догадался, а потом нашел, иначе у меня бы ничего не получилось. Могила — вот что навело меня на мысль. Если хочешь, дам тебе одну подсказку. Помнишь, я говорил, что Парвис — естественный подозреваемый уже потому, что он доктор?

— Ты же не хочешь сказать, что это его рук дело?

— Нет, я не о том. Просто это была правильная мысль. В подобных вопросах надо искать эксперта, он и станет ключом к разгадке.

Чаепитие, состоявшееся в небольшой гостиной, где обосновались Бридоны, прошло в натянутой атмосфере. Бридон настоял на том, чтобы отложить разговор о деле, объяснив, что прежде, чем окончательно разрешить все проблемы, нужно совершить небольшую экспедицию. Он не стал скрывать, что это может вызывать подозрение полиции. Мистер Гилкрикст как профессиональный юрист немедленно запротестовал, и Бридону с трудом удалось успокоить его, указав на то, что Хемертоны сами представили в его распоряжение весь Дорн и его окрестности, поскольку это требуется для расследования. Вскоре в гостиной появилась миссис Уочоуп и, увидев их компанию, начала допытываться, что они задумали.

— Только не говорите, будто собрались на вечернюю службу! — заявила она. — Сразу видно, что у вас какие-то секреты. Генри, вы здорово похудели после нашей последней встречи. Может, объясните, как вам это удалось? Нет, правда, я теряюсь в догадках, что у вас тут за совет. А я думала, вы поете рождественские гимны в Гленарохе. Доктор, если вы мне все не расскажете, меня хватит удар, и вам придется заниматься мной следующие две недели.

Анджела смягчила ситуацию единственно возможным способом.

— Вы правы, миссис Уочоуп, — произнесла она, — почему бы вам не присоединиться к нам? Ты не возражаешь, Майлз? Короче, дело обстоит так...

Через несколько минут миссис Уочоуп знала о деле столько же, сколько они сами. Вместе с Анджелой она поднялась наверх и скоро вернулась, закутанная с ног до головы в теплую одежду. Погрузившись в две машины, они отправились в сторону Пенстивена, но на полдороге свернули на боковое шоссе, обозначавшее границу владений Риверов. С одной стороны вдоль него тянулась длин-

ная каменная стена, переходившая в живую изгородь. На месте их стыка имелась перекинутая через ограду лесенка, а от нее вилась заросшая мхом дорожка, петлявшая среди темных пихт. Здесь они остановились, и Бридон, заверив спутников, что прогулка будет недолгой, подвел их к берегу тихого водоема, спрятанного в густой чаще ярдах в пятидесяти от дороги.

— Блэруиннский пруд, — пробормотал майор, оглядевшись по сторонам, чтобы лучше сориентироваться. — Зачем вы привели нас к фермерской дороге, мистер Бридон?

— Я знал, что автомобиль держали на ферме. Значит, каждый, кто хотел вернуть его на место, должен был проехать здесь. Кроме того, если бы ему зачем-то понадобилась вода, лучшего места не придумать. У меня были основания предполагать, что кто-то действительно был здесь несколько дней назад, поэтому я решил приехать сюда и поискать его следы. Мне повезло. Нам нужно прочистить дно пруда. Хорошо, что кто-то очень кстати снабдил нас крепкими канатами.

Бридон нагнулся над водой и, ухватившись за конец свисавшей с корней толстой веревки — вроде тех, какими грузчики обвязывают тару, — потянул ее на себя. Другой ее конец наклонно уходил в пруд, создавая маленькие водовороты.

— Доктор, можно вашу руку? — попросил Бридон. — Груз не очень тяжелый, но я боюсь, что дерну слишком резко, и узел оборвется. А вас, майор, я попрошу вытащить на берег то, что там обнаружится. Не бойся, ничего страшного не будет, — успокоил он Анджелу, которая прижалась к его плечу.

Веревка натянулась, ослабла и снова натянулась, по ее струне побежал дождь из крупных капель. По углу наклона было видно, что дно не слишком глубоко и искомый предмет находится где-то на середине. Доктор и Бридон тянули осторожно, стараясь не задевать камни и коряги, но не прошло и двух минут, как над поверхностью пруд-

да появилось нечто темное и обмякшее от тяжести воды. Майор подцепил находку рукоятью своей трости и подтащил поближе. Это было зимнее пальто, застегнутое на все пуговицы и обмотанное вокруг веревки. Последовал новый, более сильный толчок, и из воды с плеском высвободился остаток груза. Это были два больших чемодана с веревкой, продетой через обе ручки и завязанной на них узлом.

На сей раз идентификация предметов не составила труда. На обоих чемоданах стояли буквы «К.Р.», а подкладка пальто была прошита полным именем Колина Ривера. Бридон с удовлетворением указал на петлицу, откуда еще свисали останки бумажного цветка.

— Майор, — спросил он, — когда у вас был последний благотворительный базар?

— В начале прошлого месяца, точно не помню. Будь я проклят! Это наш цветок.

— Теперь вы понимаете, — усмехнулся Бридон, — что я не подбросил его в пруд вчера вечером. Да, майор, знаю, вы мне не доверяете, и для этого у вас есть основания. Но теперь все по-честному. Хотите осмотреть карманы? Полагаю, это ваше право.

Содержимое карманов аккуратно разложили на плоском камне возле берега. Среди вещей оказались: паспорт, железнодорожный билет, книжка дорожных чеков, трубка, спички, табак в кисете, пара перчаток и фляжка — почти пустая, но с запахом бренди.

— Думаю, не нужно обследовать все это прямо сейчас, — заметил Бридон. — Давайте вернем чемоданы и пальто обратно в воду, а конец веревки завяжем на берегу, чтобы их всегда можно было достать. Предметы поменьше заберем с собой в отель. Настало время разобраться с тем, что произошло, но сначала я попрошу вас засвидетельствовать мою находку. Правда, мне не хотелось бы, чтобы свидетелей было слишком много, вот почему мы совершили эту маленькую прогулку в тесной компании и под покровом ночи.

Глава 25

ПРОЩАЛЬНЫЙ КУБОК

— Бумажный цветок, — сообщил Бридон, — стал неожиданной удачей. Подобные вещи обычно выбрасывают на следующий день. Но Колин Ривер не успел это сделать, потому что... ему не дали такой возможности. Мы знаем, что, когда он отправился в путешествие, на нем было твидовое пальто. Так сказала миссис Хемертон, а ей не имело смысла придумывать этот факт. Кажется, он уехал не очень далеко, не так ли?

— Если это вообще входило в его планы, — вставила миссис Уочоуп.

— Да, у него не было такого намерения, — подтвердил Бридон. — Колин по-прежнему носился со своей идеей вступить в Иностранный легион. Вероятно, планировал добраться морем до Сен-Мало, а затем отправиться в Париж. Разумеется, семье он не сказал ни слова, зато признался своему другу Деннису Стратту. Позавчера я написал ему письмо, спросив, знал ли он что-нибудь о намерениях Колина. Незнание в данном вопросе, добавил я, может привести к отказе в выплате страховки его родне. Предсказать его реакцию было нетрудно. Деннис Стратт не признает никаких обязательств, кроме дружеских. Не объясни я ему, что честный рассказ пойдет на пользу семье его товарища, он сохранил бы тайну до гробовой доски.

— Мой муж, — пояснила Анджела доктору, — не считает, что надо всегда говорить правду.

— А дальше все пошло не так. Я не знаю всех деталей, есть только один человек, который мог бы их рассказать, но обращаться к нему с такой просьбой не совсем удобно. Поэтому все, что я скажу дальше, — приблизительная реконструкция действий Колина Ривера, восстановленная по известным нам фактам. Мы можем представить, как седьмого января молодой помещик покидает дом, доволь-

ный своими планами и геройством. У него самые лучшие намерения: он хочет покончить со злосчастным прошлым, следуя заветам П. К. Рена. В то же время молодой человек скрывает их от своей семьи, как он думает, из благородных чувств. Колин даже посылает двойной конверт британскому консулу на Мадейру, чтобы какое-то время держать своих родственников в убеждении, будто он действительно отправился в средиземноморский круиз. Все это из лучших побуждений. Он садится в автомобиль и выезжает на дорогу. Уже поздно, и ворота у блэруиннского дома закрыты на засов.

Первая мысль Колина — посигналить гудком. Потом ему приходит в голову, что будет гораздо вежливее выйти из машины и самому открыть ворота. Он вспоминает, кто живет в этом доме: Вишоу, садовник, сына которого он недавно сбил машиной. Неужели он испугается встречи с несчастным родителем? Да и что может быть лучше, чем трогательное примирение перед тем как он покинет дом? Бокал портвейна, выпитый за прощальным ужином, настроил Колина на сентиментальный лад. Полный раскаяния и теплых чувств, он уверен, что сможет объяснить скорбящему отцу, как горько и искренно сожалеет о его несчастье. Все еще сомневаясь, Колин обращается за помощью к своему единственному советнику — дорожной фляжке с бренди. Он не из тех, кто отправляется в морской вояж, не наполнив флягу доверху. Вы сами видели, сколько в ней осталось.

В автомобиле не было ковра, поэтому Колин накиннул на капот свое зимнее пальто, чтобы сохранить двигатель теплым. Затем постучал в дверь, в проеме, освещенном лампой, появилась хмурая фигура человека, которого он оскорбил. Первым побуждением Вишоу было захлопнуть дверь у него перед носом. Но что-то заставило его пере-думать: вежливость, добросердечие, злой умысел? Вишоу пригласил молодого помещика войти и предложил виски, как принято в здешних местах. Мы можем лишь догадываться, рассчитывал ли он на тот эффект, который алко-

голь окажет на гостя. После недолгого разговора Вишоу указал ему на дверь. И Колин — поскольку свежий воздух усугубил действие спиртных паров — рухнул на ступеньках его крыльца. Он был мертвецки пьян.

Тогда — а может, и раньше — дьявол завладел сердцем Хьюго Вишоу. Перед ним на земле лежал злейший враг, человек, убивший его ребенка. Никто не сомневался, что Колин был пьян, когда управлял машиной. Но местный судья не принял это во внимание, представив дело так, словно его пьянство за рулем было побочным обстоятельством, едва ли не Божьим промыслом. Так не Божий ли промысел привел этого человека на порог его дома? Не Божий ли промысел оставил врага лежать, пьяного и беспомощного, у крыльца? Помните горькие стихи Клафа?

Не убивай — но продлевать
Жизнь надо ль тшиться помогать?

Так не должен ли он, Хьюго Вишоу, просто не мешать тому, что сотворила длань Господня? Несомненно, это был акт Божественного правосудия, если Колин должен умереть, пусть он умрет пьяным на ступеньках его дома. Вишоу помнил и читал Ветхий Завет. Он тихо закрыл дверь и лег спать.

До этой минуты все его слушатели, включая миссис Уочоуп, зачарованно молчали. Наконец майор глухо пробормотал: «Я так и думал, что это кто-то из прислуги».

— Я не знаю, удалось ли ему заснуть, — продолжил Бридон, — но на рассвете Вишоу был уже на ногах. Первое, что он увидел, открыв дверь, был труп Колина, небесное правосудие свершилось. И тут его охватила паника. Может, ему удалось успокоить собственную совесть, но что скажут люди? Как ему теперь смотреть в глаза соседям? Не стал ли он преступником в глазах закона? Вряд ли он сумеет доказать, что закрыл дверь до, а не после того, как его гость рухнул на ступеньки. Нет, он должен скрыть следы того, что натворил. К тому же — не иначе как тоже по велению небес — все обстоятельства были ему на ру-

ку. В конце месяца он уедет к племяннице в Америку, а до того времени Колина никто не хватится. В худшем случае, все подумают, что Колин отправился в путешествие и не вернулся. Главное, избавиться от улики.

С машиной все было понятно: достаточно просто отвезти ее в гараж, и никому не придет в голову спрашивать, действительно ли она вернулась из Блэруинни, как планировали Риверы. Чемоданы и пальто можно утопить в Блэруиннском пруду, пока он не найдет место получше. Что касается трупа, его следует похоронить. С этим тоже не возникло никаких трудностей, поскольку, будучи старшим садовником, Вишоу мог копать где угодно и сколько угодно, не опасаясь, что его в чем-либо заподозрят. Нужно было только найти временное пристанище для тела, и он вспомнил про ледник. Ключ от ледника находился у Вишоу, правда, в доме имелся и другой, но в это помещение редко кто ходил, особенно зимой, когда в хозяйстве не требовалось льда. Вишоу перетащил тело в ледник, потом отвез машину в гараж, а по дороге сбросил пальто и чемоданы в пруд. Днем он начал копать могилу, выбирая время, когда его помощников не было поблизости. Будучи человеком старомодным и чтившим традиции, Вишоу положил в нее подкову — эмблему семьи Риверов. Помнишь, Анджела, я говорил, что в любом деле надо искать профессионала? Новичок не смог бы вырыть могилу так ровно и аккуратно, очертив стенки словно по линейке.

Но пока Вишоу копал землю, аргументы, которыми он оправдывал свой поступок, стали казаться ему неубедительными. Вишоу вдруг осознал, что ведет себя не как свидетель Божьего суда, а как убийца, заматающий следы. Он обманул доверие гостя, воспользовался его слабостью и обрек на смерть, может быть, на вечные муки. Вероятно, Вишоу удалось бы заглушить упреки совести, если бы он мог работать постоянно и при этом не ночевать в том самом доме, где все произошло. Но теперь ему оставалось прибегнуть к тому же средству, что и его недавняя жертва: глушить виски в пабах Блэруинни. Однако даже во хмелю

Вишоу не сказал ни слова, люди его склада умеют хранить тайны. И только старая обида, засевшая в сердце, вскоре дала о себе знать, проклиная Ривера и все его семейство, Вишоу в припадке праведного гнева разрушил городскую статую. Наверное, вы помните это дело, майор? Кажется, вас тогда назначили в число судей.

— Пьяный дебош, — пробормотал Генри Ривер, кивнув.

— Скорее всего, в тюрьме ему пришлось несладко, — заметил Бридон. — Вся его работа пропала даром, поскольку он не успел закончить ее. Жители Дорна в любой момент могли наткнуться на свежую могилу, как позднее произошло с мистером Райтом. Деревенским мальчишкам ничего не стоило вытянуть из воды опасные улики, которые Вишоу утопил в блэруиннском пруду. И хотя до лета было еще далеко, кому-нибудь могло понадобиться заглянуть в ледник и обнаружить — так он рисовал себе эту картину — полусгнившее тело Колина Ривера. Тут он, впрочем, ошибался.

— Тела в леднике не было?

— Труп был, но не полусгнивший. Доктор меня поправит, если я не прав. Обложенный льдом труп сохраняется не хуже, чем южноамериканская говядина, которую мы едим за обедом.

— Совершенно верно, — подтвердил Парвис. — При условии, конечно, что смерть наступила от естественных причин. Если на теле есть раны или иные следы насилия, то они обязательно проявятся впоследствии. Но в нашем случае речь идет о смерти от переохлаждения. Алкоголь снизил температуру Колина и ослабил его устойчивость к холоду, однако смерть была естественной. Поэтому, когда тело положили в ледник, оно оставалось в том же состоянии, пока его оттуда не вытащили.

— Действительно, — произнес Бридон, не глядя на доктора, — кто-то извлек его оттуда в позапрошлый понедельник.

— Давайте обойдемся без секретов! — резко бросил Парвис. — Впрочем, все равно спасибо, мистер Бридон. Гилкрист, уверен, вы хорошо помните ночь, когда старику было плохо и мы оба остались в доме. Я хотел съездить в Блэруинни за льдом, но миссис Хемертон объяснила, что льда много в леднике, и дала мне ключ, попросив привезти несколько кусков на машине. Первое, что я увидел, войдя в ледник, было тело Колина. Оно лежало на полу, заваленное соломой. Вероятно, таким образом его хотели скрыть, но заодно это помогло не слишком сильно заморозить труп. Мертвое тело плохо хранится как в слишком теплой, так и слишком холодной среде. Я был полностью занят своим больным, поэтому в тот момент решил ничего не делать и не говорить. Кстати, Гилкрист, забавно, что вы сказали мне о «бессмертии» Колина буквально через несколько минут после того, как я увидел его замороженное тело. Отправляясь спать, я размышлял над сложившейся ситуацией. И чем больше думал, тем яснее для меня становились два обстоятельства. Первое: смерть Колина нельзя замалчивать, иначе нас обвинят в нечестной игре против страховой компании. Второе: не мое дело кого-то подозревать и искать виновных, потому что я не понимаю, что произошло. Не скрою, у меня возникали подозрения против мистера Хемертона, поскольку это человек с сильным характером.

В конце концов, я определился с тем, что делать дальше. Прежде всего, нужно вытащить тело и переместить его туда, где оно будет сразу обнаружено. Но как только его найдут, я и пальцем не шевельну, чтобы помочь полиции или кому-либо еще выяснить, как оно там оказалось. Утром, пока не рассвело, я позаимствовал инвалидное кресло у старого помещика и отвез труп к обочине дороги, где его могли заметить из первой же проезжавшей мимо машины. Вообразите мое удивление, когда, прибыв на место вместе с остальными, я обнаружил, что тело исчезло! Теперь вы понимаете, Гилкрист, почему я был так уверен, что Макуильям сказал правду. Наверное, вас не-

много озадачило другое мое замечание, сделанное в то же утро. Я заявил, что все эти события похожи на античную трагедию, но не стал объяснять, какую. Вы читали «Антигону», когда учились в колледже?

Если шотландец смеется, то делает это от души. В ответ на мрачную шутку доктора Гилкрист откинулся на стуле и разразился громким хохотом. Оставлять свой смех без комментариев также не в характере шотландцев.

— Да, мертвеца таскает взад-вперед его собственная сестра! Господи, я об этом даже не подумал!

— Вы правы, — кивнул Бридон, — следующий ход сделали Хемертоны. Винсент Хемертон увез тело на своей машине прямо под носом у полиции, хотя перед этим сам вызвал полицейских, очевидно, желая доказать, что никакого трупа не было. В среду утром он вернул тело на место, восстановив все в прежнем виде, хотя и не совсем точно. В результате возникли разговоры о Макуильяме и его необычайном даре. Когда вызвали доктора Маклохлина, трупу было уже пять недель, но он выглядел так, словно смерть наступила несколько часов назад. Неудивительно, что Винсенту Хемертону пришла в голову та же мысль, что и Вишоу: тело нужно спрятать в леднике. Именно там оно и пролежало с понедельника по среду. Доктор, вы умеете скрывать свои эмоции, но вчера вечером выдали себя с головой, когда я спросил про замораживание трупа. Прежде мне и в голову не приходило, что вы нашли тело в леднике.

— Мне интересно, — вмешалась Анджела, — а что об этом думали Хемертоны? Ясно, что разговоры про ясновидение велись лишь для отвода глаз. Неужели они действительно верили, будто Колин потерял память?

— Не исключено, — ответил ее муж. — Для Хемертона, как и для Дональда Ривера, здесь не было никакой загадки. Если мы избавимся от чемоданов и пальто, они и дальше будут пребывать в полной уверенности, что Колин отправился в морской круиз, но по дороге вернулся с Ма-

дейры, неожиданно сошел с ума и бродил в окрестностях Дорна, пока не умер от переохлаждения.

— Мистер Бридон, — вдруг произнес майор, — должен признаться, что я был неправ. Говоря по совести, я все это время считал, что вы заходите не с того конца. Однако правда оказалась на вашей стороне. Вопрос с самого начала был в том, что случилось с этим треклятым багажом. Вы знали, что дело нечисто, но не теряли головы и не гонялись за химерами. Я рад, что Компания прислала сюда именно вас. Теперь я буду спать спокойно.

— Очень любезно с вашей стороны, майор. Хотя гордиться тут особо нечем. Мне следовало сразу догадаться, что тело с понедельника по среду хранилось в леднике, тогда можно было бы легко распутать все остальное. Меня сбilo с толку вмешательство доктора, кстати, попросите его рассказать о своих подвигах, майор. Я начинаю думать, что гораздо легче иметь дело с закоренелыми лжецами, чем с человеком, который постоянно говорит правду.

— А мне жаль бедного мистера Кастерса Райта, — промолвила Анджела. — Мы ему так ничего и не сказали.

— Кастерс Райт? — воскликнула миссис Учоуп. — Он давно уехал в Уилтшир.

Глава 26

УБИЙСТВО ИЛИ НЕТ?

— Ладно, — продолжил Бридон, — теперь нам остается выяснить, как со всем этим поступить. Мы можем просто молчать, рассказать всю правду или сообщить только часть правды, а остальное оставить на усмотрение Хемертонов. Лично я не хотел бы упоминать о Хемертонах, ведь тогда все начнут думать, будто я воспользовался личным письмом мистера Ривера, хотя на самом деле оно было для меня совершенно бесполезно. Вопрос в том, нужно ли вообще предавать гласности это дело. Я хочу услышать ваше мнение, в отличие от меня вы знаете местные нравы.

— Хорошо, что вы подняли данную тему, мистер Бридон, — произнес доктор. — Я как раз думал об этом, пока вы говорили. Я за то, чтобы сохранить все в тайне. Наверное, вы сочтете, что я забочусь о собственной репутации, поскольку сам по уши замешан в этом деле. Но, хотите верьте, хотите нет, я больше беспокоюсь о том человеке, который сейчас сидит в тюрьме и на чьей совести эта история. Если мы выложим полиции правду, его это сломает. Но, как бы мы к нему не относились, я не понимаю, зачем нам это делать.

— Потому что он убийца, — объяснил Генри Ривер.

— Майор, давайте не будем разбрасываться словами и клеить ярлыки. Никто не спорит, Вишоу мог бы спасти молодого человека, если бы хотел. Но — простите, если задеваю ваши родственные чувства, — я сильно сомневаюсь, что бедного Колина вообще следовало спасать. Он был плохо приспособлен к жизни, и вам это хорошо известно. В нем всегда было нечто болезненное, надломленное, какой-то изъян, тяготевший над ним словно проклятие. Он нигде не мог быть счастлив, ни в семье, ни в обществе. Вероятно, психологи могли бы в нем что-то изменить, но этим надо было заниматься много лет назад. В последние пару лет Колин пристрастился к выпивке, а с его характером избавиться от такой привычки практически невозможно. Все шло к тому, что рано или поздно он угробит себя. Жизнь катилась под откос, и я думаю, что такой быстрый и безболезненный конец для него гораздо лучший выход, чем позорная смерть опустившегося пьянчуги.

— Вот только Вишоу было на это наплевать, — заметил майор.

— Я как раз перехожу к Вишоу. Не скажу, что он вел себя нормально, однако для этого имеется веская причина — временный срыв, вызванный смертью сына. Если Вишоу с этим справится, то с ним все будет в порядке. У него есть свое место в этом мире, что ни говори, он замечательный садовник. Мы знаем, что он поступил сквер-

но, нарушил закон, но его никак нельзя назвать «преступным элементом». Дайте Вишоу шанс, и он снова станет тем, кем был. Накажите его по всей строгости закона, и он превратится во врага общества.

Слушая доктора, майор Ривер все больше хмурил брови.

— Этот человек — убийца, — заявил он. — Какая разница, был Колин больным или здоровым? Вишоу его убил, и точка. Я бы еще мог понять, если бы Вишоу набросился на Колина с кулаками, избил в кровь и все такое, это дело обычное. Кто из нас не терял голову от ярости? Сгоряча можно наломать дров. Но он проделал все обдуманно и хладнокровно. Господи, вы только представьте, как Вишоу идет домой и читает свою Библию, пока бедный Колин умирает у него за дверью! Нет, так не пойдет — этот мерзавец не заслуживает снисхождения! Дай им волю, и они начнут устраивать вендетты по всей стране, как на Корсике. Кстати, Вишоу родился и вырос здесь, в поместье. Каждый пенни, который он заработал, выплачен нашей семьей. Даже дом, где он живет, принадлежит нам, без нас у него не было бы крыши над головой. И как после этого можно оправдать человека, который оставил умирать сына Дональда Ривера на своем дверном коврикe? Все общество полетит к черту, если мы не сможем доверять своим людям в трудную минуту. Это не просто убийство, а бунт! Необходимо наказать Вишоу в пример другим!

В разговор вступил Гилкрикст, было ясно, что дискуссия затронула его профессиональные чувства:

— Прошу прощения, майор Генри, но если я правильно понял, вы хотите выдвинуть против Вишоу официальные обвинения, а значит, и рассматривать их надо юридически. Ни в Шотландии, ни в Англии нет закона, который предусматривает наказание за то, что один человек позволил другому умереть. Как справедливо заметил мистер Бридон, Вишоу мог намеренно напоить молодого джентльмена, что привело к его временной недееспособ-

ности. Но на сей счет у нас нет никаких улик. Если Вишоу подтвердит свою невиновность под присягой, мы ничего не сможем доказать. А если и сможем, то весьма сомнительно, что суд усмотрит в этом какое-то правонарушение. Никто не утверждает, будто причиной смерти стал именно алкоголь. Напротив, известно, что смерть наступила в результате переохлаждения, и Вишоу мог бы предотвратить ее, например, перенеся мистера Ривера в кухню. Конечно, мы все согласны с тем, что этого требовало естественное человеколюбие. Однако нарушение моральных принципов трудно перевести на язык закона. Если бы Вишоу был проводником поезда или каким-то другим служащим в общественных местах, суд мог бы обвинить его в преступной халатности и потребовать соответствующего наказания. Но в обязанности садовника не входит следить за тем, чтобы сын его работодателя спал в тепле. Поймите, я не защищаю Вишоу. А хочу лишь сказать, что вы не сможете привлечь его к суду, поскольку с точки зрения закона его не в чем обвинить. По крайней мере, я бы не взялся за подобное дело.

— Кажется, у нас нет единого решения, — заметил Бридон. — Есть какие-нибудь идеи?

— Тут и думать нечего, — вмешалась Анджела. — Пусть решит миссис Уочоуп.

Предложение было немедленно одобрено. Даже майор после колебаний согласился предоставить пожилой леди право окончательного вердикта. Миссис Уочоуп, со своей стороны, нисколько не сомневалась в своей способности выполнить эту миссию.

— Вы все неправы, — заявила она. — Доктор, вы говорите ерунду, утверждая, будто для убийцы есть какая-то разница, полезна его жертва для общества или нет. Вы и сами это знаете, поскольку всю жизнь лечите людей, которым, по вашим же словам, было бы лучше умереть. Второе ваше замечание насчет того, что Вишоу не отвечал за свои поступки, более основательно. Да, мы все немного ненормальные. А фаталисты — самые ненормальные лю-

ди из всех, поскольку в их безумии существует система. Вишоу — добрый кальвинист и в практических делах придерживается фаталистических взглядов. Типичный подход для тех, кто слишком полагается на Библию. Им везде мерещится Божий промысел, и они почитают за особое благоволение небес, если удастся выручить пару лишних пенсов за полфунта масла. Я не сомневаюсь, что Вишоу считал себя орудием Божественного правосудия. Но, если уж на то пошло, почти каждый преступник в момент убийства убежден, что поступает правильно! Девчонка решила отшить парня, и вот он, пылая праведным гневом, хватается за нож. Разве он не верит, что вершит справедливость, перерезая горло своей подружке? Однако Генри прав — общество не может жить по таким законам.

— Разумеется, — кивнул майор.

— Согласна, но вы тоже несете чепуху. Что за глупость — обвинять Вишоу чуть ли не в государственной измене только потому, что он копает грядки у Дональда Ривера? У него было не больше и не меньше оснований помогать появившемуся у двери пьянчуге, чем у любого человека. Насчет убийства та же дурь. Да, чертовски скверно, когда человек пользуется слабостью другого, но это не убийство. Сколько вы видели пьяных, валявшихся в Новый год на улице, и скольких из них вы привели к себе домой? Если это убийство, тогда выгнать постояльца, не заплатившего за комнату, — это ограбление со взломом.

— Отличное сравнение, — заметил Гилкрист.

— Спасибо. Только к чему вы клоните с этой вашей адвокатской болтовней про правонарушения и прочее? Верно, мы не сумеем привлечь виновника к суду, зато можем сделать кое-что похуже: рассказать людям о его поступке и дать им свершить собственное правосудие. Вишоу хочет уехать в Америку, но с такой репутацией про гражданство можно забыть. Ему придется вернуться в Шотландию, в Блэруинни, и провести здесь остаток своих дней, зная, что все матери в округе показывают на

него пальцем и рассказывают детям, как он убил Колина Ривера. Проще было бы его повесить! Но закон, как вам известно, довольно грубый инструмент и часто бьет мимо цели. Колин убил сына Вишоу действием, но не намерением, и закон ничего не может сделать. Вишоу убил человека намерением, но не действием, и закон тоже ничего не может сделать. Если уж такое правосудие, предоставьте человека его совести и тому суду, который ждет его за гробом. Не говорите о нем людям, потому что люди с презрением повернутся к нему спиной. Так вы не добьетесь ничего, кроме злобы, ненависти, жестокости и осуждения. За всю жизнь я слышала больше сплетен, чем любой из вас, и хорошо знаю, какой вред они приносят. Нет лучшего способа разбить этот мир на кусочки, чем считать, что мы лучше других. Оставьте садовника в покое, Генри, на нем печать Каина, пусть идет, куда пожелает.

После столь эмоциональной речи обсуждение быстро завершилось. Миссис Уочоуп сама не ожидала от себя подобного красноречия. «Право же, — говорила она позднее Анджеле, — я чувствовала себя пророком, только они всегда выражаются еще запутаннее».

— Остался последний вопрос, мистер Бридон, — произнес доктор Парвис. — Каковы будут действия страховой компании, если мы сохраним все в тайне? Согласятся ли они платить деньги по просроченной страховке?

— Тут, пожалуй, самый любопытный момент во всем деле, — ответил Бридон. — Всякий раз происходит одно и то же: я работаю с таким рвением, что стреляю дальше цели. Меня прислали выяснить, когда умер Колин, в понедельник или среду, потому что в первом случае моему начальству не пришлось бы ничего платить. А в результате я доказал, что Колин умер седьмого января. Это означает, что Компании все-таки придется раскошелиться: страховка оплачена до первого января, но мы всегда прибавляем клиентам лишних две недели. Дональд Ривер получит свои деньги. Скорее всего, мне придется рассказать руководству всю историю, но им нет смысла разглашать

ее. Наоборот, они станут помалкивать и устроят себе хорошую рекламу, заявив, что выплатили премию, хотя могли бы этого не делать. Хемертоны будут счастливы, все будут счастливы, кроме Хьюго Вишоу. Но, как верно заметила миссис Уочоуп, мы не сможем сделать его счастливым, отправив в суд по обвинению в убийстве.

— А как насчет вещей в блэруиннском пруду? — спросил Гилкрест.

— По-моему, лучше обратиться за помощью к Макуильяму. Кто, как не он, имеет право узнать всю правду? В том, что Макуильям никому не разболтает, я не сомневаюсь, он умеет молчать. Пусть выловит эти вещи из пруда и утопит их где-нибудь поглубже или уничтожит в мусоросжигателе. Позднее нужно будет закопать могилу, пока на нее не наткнулся Дональд Ривер.

— А пещера на Чертовой впадине? — напомнил Генри Ривер.

— Майор, можете навести там порядок. Но я не думаю, что тайна выйдет наружу, даже если мы оставим все как есть.

Так они пришли к окончательному соглашению. Хьюго Вишоу, освободившись из тюрьмы, в тот же день покончил с собой или, если следовать терминологии мистера Гилкреста, положил голову на рельсы перед проходящим поездом. Предсказание миссис Уочоуп, таким образом, сбылось. Дональд Ривер получил страховую премию, как раз вовремя, чтобы спасти от разорения фирму Хемертона. Судя по всему, «Большому кругу» вряд ли удастся чем-либо пожить после его смерти. Майор Генри счастлив, поскольку семья сделала его своим доверенным лицом в Дорне. От недавней трагедии не осталось никаких следов. Впрочем, если вы заберетесь к Чертовой впадине и спуститесь на небольшую площадку у пещеры, то среди множества любовных и памятных автографов сможете прочитать эту загадочную надпись:

К.Р. XIII.II. ЗДЕСЬ ОН ОБРЕЛ ПОКОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ

Хронология событий.....	9
Глава 1. РИВЕРЫ ИЗ ДОРНА.....	11
Глава 2. КОЛИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ.....	19
Глава 3. ДОНАЛЬД РИВЕР ОБЪЯВЛЯЕТ СВОЮ ВОЛЮ.....	28
Глава 4. ЯСНОВИДЯЩИЙ.....	36
Глава 5. ТЕЛО СНОВА НА МЕСТЕ.....	44
Глава 6. ТИС И КИПАРИС.....	52
Глава 7. ДОРОЖНЫЕ БАЙКИ.....	60
Глава 8. КУЗЕН ГЕНРИ ПРИХОДИТ НА ЧАЙ.....	68
Глава 9. УЖИН С ДОКТОРОМ ПАРВИСОМ.....	77
Глава 10. БЕЗ РАЗУМА И ТЕЛА.....	85
Глава 11. ЧЕРТОВА ВПАДИНА.....	93
Глава 12. АНДЖЕЛА ЗНАКОМИТСЯ С ОБЩЕСТВОМ.....	101
Глава 13. ЛЕКЦИЯ О ЧИСЛАХ.....	109
Глава 14. НАХОДКА МАЙОРА РИВЕРА.....	117
Глава 15. ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ.....	125
Глава 16. МИСТЕР КАСТЕРС РАЙТ.....	133
Глава 17. ДРУГОЙ ПЛАЩ.....	140
Глава 18. ОТКРЫТАЯ МОГИЛА.....	149
Глава 19. БРИДОН ОБЪЯСНЯЕТ.....	157
Глава 20. БЕГСТВО РИВЕРОВ.....	164
Глава 21. ЛИЦО В ОКНЕ.....	172

Глава 22. ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ ПОДРОБНОСТИ.....	180
Глава 23. ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗАВШИЙ ПРАВДУ.....	187
Глава 24. ВЕЧЕРНИЙ ПРУД.....	195
Глава 25. ПРОЩАЛЬНЫЙ КУБОК.....	203
Глава 26. УБИЙСТВО ИЛИ НЕТ?.....	210

ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Глава 1. ПОГОСТ ГЛЕНДАУНИ	221
Глава 2. ЗАМОК ГРЁЗ.....	236
Глава 3. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЗА НИМ СЛЕДИЛИ	249
Глава 4. ГДЕ БЫЛА ПРИШВАРТОВАНА ЛОДКА	262
Глава 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ МЕСТА.....	275
Глава 6. РЕЛИКВИИ СОРОК ПЯТОГО ГОДА.....	290
Глава 7. В ТОЧКЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ	302
Глава 8. ЧЕЛОВЕК В ГАРАЖЕ.....	314
Глава 9. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРНОНА ЛЕТЕБИ.....	326
Глава 10. ПРОКЛЯТИЕ ДЭВИДА ХЭБИНГТОНА	339
Глава 11. МИСТЕР ПАЛТНИ В ПОИСКАХ ОСВЕЖАЮЩИХ НАПИТКОВ	352
Глава 12. СОКРОВИЩА УСОПШЕГО ПРИНЦА.....	365
Глава 13. НАЖИВКА.....	378
Глава 14. В САДУ У ТОМА ТИДЛЕРА.....	392
Глава 15. ЗЕМЛЯК НОКСА.....	408
Глава 16. ЕЩЕ ОДНА ЛОВУШКА.....	421
Глава 17. НОВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ВООРУЖЕННЫМИ МОШЕННИКАМИ	433
Глава 18. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ	446
Глава 19. ДВОЙНАЯ ИГРА	461
Глава 20. ИГРА НА ТРОИХ.....	470

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Нокс Рональд
ВСЕ ЕЩЕ МЕРТВ
ФАЛЬШИВЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Романы

Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.01.2019. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-17-101097-3

9 785171 010973 >

BOOK24.RU

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

BOOK24.RU

16+